

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

**КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ДЛЯ ПОЗНАНИЯ МИСТЕРИИ
ГОЛГОФЫ**

8 лекций

Цикл 44

Берлин, с 27 марта по 24 апреля 1917 г.

Из библиотечного № 175

Издатель

Ш. С. ЕРЕМЯН

ЕРЕВАН

1998

<http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=31>

Первая Лекция

27 марта 1917 г., Берлин.

Каждую лекцию Рудольф Штайнер начинал со следующего обращения:
Мои милые друзья! Обратимся вновь, мои милые друзья, к духам тех,
кто находится там, где ныне решаются грозные события времени:

Духи ваших душ, действенные стражи!

Отнесите на ваших крыльях

Молящую любовь от наших душ

Доверенным вашей охране людям Земли!

И пусть, соединяясь с вашей силой,

Молитва наша сладостью сияет

Для тех, кого она с любовью ищет!

И пусть Дух, к которому в течение ряда лет

Мы стремимся приблизиться

Через добытую нами духовную науку,

Который для блага Земли, для свободы

И успехов человеческого развития

Прошел через Мистерию Голгофы

Да будет с вами и с вашим тяжким долгом.

И к душам хранителям тех, кто вследствие этих преисполненных
страданий событий уже прошли сквозь врата смерти:

Духи ваших душ, действенные стражи!
Отнесите на ваших крыльях
Молящую любовь от наших душ
Доверенным вашей охране людям Сфер!
И пусть, соединяясь с вашей силой,
Молитва наша сладостью сияет
Для тех, кого она с любовью ищет!
И пусть Дух, к которому в течение ряда лет
Мы стремимся приблизиться
Через добытую нами духовную науку,
Который для блага Земли, для свободы
И успехов человеческого развития
Прошел через Мистерию Голгофы
Да будет с вами и с вашим тяжким долгом.

* * *

Мои милые друзья, в настоящий момент я должен еще раз обратить ваше внимание на одну черту в наших рассматриваниях, которая должна проходить через всю духовную науку настоящего времени. Эта черта, как я уже указывал, состоит в том, чтобы мы видели, что за понятиями, представлениями и идеями, составляемыми человеком, в которых он живет, скрывается не только то, что в жизни часто зовут *логикой*, но и то, что живет в понятиях и представлениях людей, что называют *действительностью*. *Нужно искать понятия, насыщенные действительностью*. И далеко не бесполезно при рассматриваниях, ведущих к одной определенной цели, которую я сейчас укажу, обратить внимание на то, как может стать понятным, что какое-нибудь представление, существующее в жизни, может быть известным образом истинным, но не достигать в то же время действительности. То, что подразумевается под насыщенной действительностью понятиями, выяснится, конечно, лишь постепенно, но можно и при помощи простых

сравнений прийти к представлению, насыщенному действительностью. Поэтому я и направлю ваше внимание при помощи сравнения на то, что я под этим подразумеваю.

То, что я хочу сейчас сказать, видимо (не только видимо), вовсе не имеет связи с последующими рассмотрениями, а является лишь как бы вводным объяснением. Начиная с XVI столетия до 1889 г. все римские кардиналы должны были приносить важную клятву. Во время своего правления папа Сикст V (он правил с 1585 по 1590 год) положил в замок Св. Ангела 5 миллионов эскудо, в виде фонда на какой-нибудь несчастный случай. И так как это обстоятельство считалось весьма важным, то кардиналов и заставляли приносить присягу в том, что они будут тщательно охранять это сокровище. В 1889 г., во время правления папы Григория, кардинал Актон отказался принести присягу: он не захотел поклясться, что будет, подобно другим кардиналам, охранять это сокровище. Если бы об этой истории было известно только это, то можно было бы построить массу всевозможных прекрасных гипотез по поводу того, что этот странный кардинал Актон не захотел принести присяги о сохранении папского сокровища, как это делали все современные ему кардиналы, и все, что было сказано по этому поводу, могло бы заключать массу логики. Но все эти возможные прекрасные слова исчезли бы, если бы стало известно то, что знал, благодаря известному стечению фактов, кардинал Актон, и что не было известно другим кардиналам, а именно, что этот фонд не существовал уже с 1790 г., его уже просто не было. Так что кардиналов заставляли приносить присягу в том, что они будут оберегать деньги, которых уже не было. И Актон не пожелал унизиться до приношения присяги в том, что уже не существовало. И все прекрасные рассуждения и гипотезы, выставленные теми, кто не знал, что денег нет, что они истрачены уже при Пие VI, все эти гипотезы распались бы в ничто.

На подобном примере, мои милые друзья, можно было бы, при некоторой медитации (часто кажется ненужным медитировать о подобных вещах, кажущихся такими простыми, но именно о них-то и нужно

медитировать и сравнивать их с другими разными вещами в мире), уяснить себе при помощи фактов, что представляют из себя насыщенные и ненасыщенные действительностью понятия. Я должен обратить ваше внимание на то, что современные представления не насыщены этой действительностью, и делаю это по той причине, что этот факт, как мы это увидим, может быть, уже в следующий раз, связан как раз с темой, которая, как мне кажется, должна быть в настоящий момент затронута и нами, с нашей точки зрения. Я постараюсь в следующий раз все высказанные нами мысли направить к обсуждению одного особенного соотношения, связанного с Мистерией Христа. Все, что я говорил здесь в последний вторник, облегчит вам выяснение именно той стороны Мистерии Христа, рассмотрением которой мы и занимаемся теперь. Я хотел бы только сегодня провести перед вашей душой некоторые факты, не имеющие, видимо, никакого отношения к нашей теме, но могущие оказать нам важные услуги при обосновании нашей темы.

В моей уже много лет назад появившейся книге «Христианство как мистический факт», я пытался осторожно указать на возможность рассмотрения Мистерии Христа особенным образом. Книга эта, кстати сказать, одна из последних книг, конфискованных во втором издании при старом режиме России несколько лет тому назад, — книга эта является как бы первой попыткой понять само христианство с духовной точки зрения; с точки зрения, которая, как мы сейчас услышим, в течение столетий более или менее исчезла вместе с развитием христианства на Западе. Прежде всего важно отметить один факт, без которого теряют смысл все разъяснения, данные в этой книге. Вы узнаете, что в ней проводится известное воззрение о Евангелиях, я не буду здесь рассматривать это воззрение, вы сами можете прочесть об этом в книге. Но если это воззрение обосновано справедливо, то отсюда с необходимостью следует, что Евангелия написаны не так поздно, как это думают христианские теологи. Возникновение их следует отнести к неопределенно раннему периоду. Вы знаете, что из этого воззрения следует, что элементы евангельского учения нужно искать в книгах

древних мистерий, что суть заключается в том, чтобы признать Мистерию Голгофы, как исполнение того, что заключено в древних писаниях. Но подобное духовное воззрение на христианство вызывает в настоящее время много возражений со стороны богословско-исторических толкований. Возможно, что подобное воззрение рассматривается современными теологами, как воззрение исторически необоснованное. По их воззрению следует, что Евангелия не играли никакой роли в первом веке, или, по крайней мере, в первые две трети первого столетия. Существуют даже такие богословские представления христианства, которые даже сомневаются в том, что можно ли вообще доказать существование в первом столетии христианского летоисчисления людей, веривших или мысливших себе — называйте как хотите — личность Христа Иисуса. Но с течением времени выяснится также, что это, кажущееся, столь тщательным современное исследование вынуждено будет подойти к этому со всех сторон, и тогда-то и отпадут многие сомнительные пункты этого «тщательного» исследования.

В настоящий момент можно, конечно, вывести различные заключения, например, из известных противоречий между христианскими писаниями и еврейскими. На эти заключения можно возразить, что не христианские писания, т.е. писания, не признанные официально христианскими, известны весьма мало, и в особенности мало принимаются во внимание именно христианскими богословами. Большую долю этого невнимательного отношения нужно отнести на то, что вообще и христианство, и Мистерия Голгофы понимаются недостаточно духовно. Не связывается никакого истинного понятия с представлением Павла, проводящим различие между физическим и пневматическим человеком. Возьмем наше элементарное деление на тело, душу и дух. Павел, знакомый с истинами древних мистерий в их евангельском проявлении, подразумевал, в конце концов, под своим различием физического и пневматического человека не что иное, как то, что подразумеваем мы, говоря о духе, как о двух членах человеческой природы, но именно это различие физического и пневматического человека (различие души и

духа) более или менее исчезло из воззрений Запада. Но нельзя заниматься рассматриванием Мистерии Голгофы во всей присущей ей сущности без понятия о различии духовного (пневматического) человека от физического.

Здесь я приведу то, что я приводил уже и прежде, и это покажет Вам, что многое, рассматриваемое как внешне историческое, рассматривается неверно, особенно то, что касается новейших исследований о жизни Иисуса. Существует мнение, что Евангелия возникли позднее. На это можно возразить с чисто исторической точки зрения. Вот одно из возражений: в 70 году первого столетия нашей эры рабби Гамалиилу II пришлось вести процесс, заключавшийся в следующем. Рабби Гамалиил был сыном рабби Симеона, сына Гамалиила, того самого Гамалиила, учеником которого был Павел. У этого Гамалиила II была сестра, с которой он вел процесс из-за наследства. Дело дошло до судьи, а судьей был один признававший христианство римлянин, а может и еврей — установить это трудно. Гамалиил настаивал на том, что он единственный наследник, ибо по закону Моисееву дочери наследовать не могут. Но судья возразил на это: с тех пор, как евреи потеряли свою страну, нужно считаться не с Торой Моисея, а с Евангелием, а по Евангелию может «наследовать и сестра». Что же произошло далее? Прямым путем, очевидно, нельзя было ничего добиться. Но Гамалиил II, домогавшийся наследства, был к тому же и хитер. Он подал заявление, говоря современному, об отсрочке процесса, которая была дана. Процесс отложили, и Гамалиил за этот промежуток времени подкупил судью. При вторичном рассмотрении дела Гамалиил предстал уже перед подкупленным судьей, и тот решил теперь по-другому: да, я ошибся при первом процессе, так как в Евангелии также написано, что и Тора Моисея не теряет своего значения. И при этом он, в подкрепление, процитировал из Евангелия от Матфея главу V стих 17, где говорится о ненарушении закона, процитировал в том виде, в каком она стоит там и поныне, со всеми отклонениями, вытекающими из перевода на греческий язык, на котором говорили в 70-х годах, когда был произнесен этот приговор, и

того, на котором писалось Евангелие. Талмуд, который сообщает об этом факте, говорит, как о чем-то само собой разумеющемся, о Евангелии от Матфея, уже существующем в 70-х годах.

И можно было бы привести многое, указывающее на то, что при расширенном весьма тщательном исследовании, все чисто внешне историческое оказывается не таким уж достоверным, если оно относит возникновение Евангелий не к столь раннему периоду. Но придет то время, когда внешне историческое исследование согласится с тем, что является из совсем других, чисто духовных источников, основанием моей книги «Христианство как мистический факт».

Но все то, что имеет отношение к Мистерии Голгофы, таит в себе и поныне глубочайшие тайны, которые раскроются только с дальнейшим развитием духовнонаучных воззрений. Многие факты могли бы навести людей на то, что эти вопросы далеко не так просты, как это себе представляют в настоящее время. Так, например, сейчас очень мало принимают во внимание отношение тогдашнего еврейства к воззрениям на Христа Иисуса в период первого столетия христианской веры. Существует ряд теологов, изучающих известные еврейские писания, чтобы при помощи их доказать нечто. Можно легко доказать, что эти еврейские писания, на которые столь многое опирается, вовсе не существовали еще в первое столетие после Р.Х. Но одно можно действительно доказать исторически, а именно, что в первом столетии, вернее до второй трети первого столетия, между христианством и еврейством существовали хорошие, сравнительно хорошие отношения.

И когда известные просвещенные евреи тогдашнего времени вступали в споры с последователями Христа Иисуса по поводу разных вопросов, то не представлялось никаких затруднений приходиться зачастую к известному согласованию воззрений. Стоит только вспомнить один случай: знаменитый рабби Эллиэзер познакомился в середине первого столетия с неким Иаковом — как он его называет, — который признавал себя учеником Иисуса. И Иаков этот исцелил именем Христа. Знаменитый рабби Эллиэзер имел разговор с Иаковом и при этом сказал: то, что

говорит Иаков, отнюдь не противоречит внутреннему духу еврейства, в особенности то, что он исцеляет больных именем Иисуса. Но затем уже видно, как это более или менее пропадает: настроение более раннего периода исчезает к концу первого столетия, — как, другими словами, даже просвещенные евреи становятся страшными противниками, ненавистниками всего христианства. И результатом этого было то, что, когда во втором столетии нашей эры стали появляться считающиеся и сейчас весьма важными еврейские писания, в содержании этих писаний стало проявляться настроение, совершенно противоположное тому, что царило в еврействе по отношению к христианству в первом столетии.

Можно проследить факты, десятилетие за десятилетием, и тогда станет видно, как именно в еврействе развивается особая ненависть к христианству. Наряду с этим происходит перемена и в самом еврействе. Можно, собственно, сказать: те, кто считает, что современные представители еврейства знакомы с тем, что жило когда-то в еврействе во времена Мистерии Голгофы, то значит, что они совсем не понимают всей сути истинно-исторического изыскания. Нужно определенно уяснить себе, что еще в первое столетие христианской эры Ветхий Завет читался еще совсем по-иному, чем он читается в настоящее время еврейскими учеными-раввинами. Особенно с XIX столетия почти полностью утерялась возможность чтения древних писаний. Ибо, человек XIX столетия совсем уже ничего не представлял себе об известных вещах, которые сохранялись еще в XVIII столетии, как тайная традиция, ведущая начало от древних истин атаквистического ясновидения. А современный человек не только не представляет себе подобных вещей, но считает даже тех людей, которые говорят о подобных, хотя бы принадлежащих прошлому, вещах, за свихнувшихся.

В последний раз я обратил ваше внимание на одну значительную книгу: «Des erreurs et de la vйritй» («Ошибки и истина») Сен-Мартена; книга эта является, конечно, запоздалой в том смысле, что в ней звучат традиции, ставшие уже тенью, и старые воззрения: но все-таки это традиция. Я приводил вам недавно из этой книги много таких примеров, которые уже

мало что говорят современному человеку. Например, для Сен-Мартена как бы живут такие вещи, которые представляются современному человеку если не сказкой, — а сказкой ныне признается почти все, — если не сказкой, то чистейшим безумием. У Сен-Мартена можно найти намек на то, что род человеческий, как он есть сейчас, снизошел в современное состояние из другого, весьма древнего. Некоторые люди, не захваченные еще материалистическим мировоззрением, согласны еще с тем — берем это относительно, абстрактно, — что современное человечество существовало еще в древнейшие времена, причем стояло тогда одной частью своего существа на более высокой ступени. Несмотря на материалистически окрашенный дарвинизм, полагающий, что человек лишь развивался из животного, существуют еще люди, думающие, что человек снизошел с известного высшего плана, где еще сохранились божественные древние традиции. Но когда эти абстракции оставляются в стороне и человек подходит к таким конкретным положениям, какие находятся у Сен-Мартена, и находятся только потому, что они исходят из древнейших традиций древнего ясновидческого периода, тогда он ничего уже не может себе представить при этих вещах. Ну, что может себе представить современный человек, великолепно изучивший химию, геологию, физиологию и т.д., а также воспринявший и то странное произведение, которое называется сейчас философией, что может он себе представить при словах Сен-Мартена, что таким, каким человеческий род является сейчас, сделался он лишь после падения: первоначально был он совершенно иной. Человек раньше обладал кольчугой, панцирем, этот панцирь теперь утерян. Первоначально же он принадлежал к его органической сущности. При помощи этого панциря мог он выдержать ту борьбу, которая составляла его удел в то древнее время.

В те древнейшие времена у человека было еще железное копье. Копье это могло ранить так же, как огонь. И при помощи этого железного копья человек мог выдержать какой угодно бой не только с человеческими существами, что и было уделом его в то время. И в том месте, где он жил, было в его распоряжении 7 деревьев. Каждое из этих деревьев имело 16

корней и 490 ветвей. И место это человек покинул. Он был низринут вниз. — Мои милые друзья, если сделать, что сделал без сомнения Сен-Мартен, т.е. требовать, чтобы это воззрение было сочтено за полную реальность, такую, например, на какую претендует геолог при построении своих прекрасных гипотез о древнейших эпохах, то такого человека современники сочтут, наверное, сумасшедшим. Если бы в этом еще начали искать какие-нибудь абстрактные аллегории или символы, то тогда бы еще немного примирились с этой историей. Но Сен-Мартен вовсе не подразумевал этого: для него это было действительностью, существовавшей изначально. И вполне естественно, что Сен-Мартен выбрал имажинации для известных фактов, существовавших тогда, когда еще Земля в своем начальном состоянии была духовнее, чем потом. Но имажинации суть представления действительности; их нельзя объяснить символически, а нужно брать, как они есть, во всем их имажинативном содержании. Я привел это не для того, чтобы подробнее остановиться на этом, но для того, чтобы показать, как радикально отличался язык XVIII столетия, на котором написана книга, подобная «Ошибке и истине», от языка, признаваемого теперь за единственно правильный. Этот способ чтения, который еще можно найти у Сен-Мартена, сейчас действительно вымер.

Но так как читать, например Ветхий Завет, во всей глубине возможно только тогда, когда еще или опять владеют известными вещами, связанными с имажинативными представлениями, то понятно, что в XIX столетии в особенности утерялась возможность читать Ветхий Завет.

Но чем дальше отступаешь назад, тем больше находишь, что фактически как раз в еврействе во время Мистерии Голгофы жило еще наряду с внешним Ветхим Заветом то, что можно назвать воззрением Мистерии, истинным воззрением Мистерии.

И это воззрение состояло во многом, и в том, что давало возможность читать правильным образом Ветхий Завет. Но читать его правильным образом возможно только тогда, когда в основу всех его положений кладется духовное. Отрицательнее всех относились, во времена Мистерии

Голгофы, к этой особой окраске тайного еврейского учения римляне. И действительно, вряд ли существовало на всем протяжении развития Земли большее противоречие, чем между римскими воззрениями и охраняемыми палестинскими посвященными воззрениями Мистерий. Но это воззрение Мистерий, существующее в Палестине, нельзя брать просто, в его тогдашнем виде, ибо тогда не найдешь в нем христианства, а лишь пророческое провозвестие христианства. Но, с другой стороны, то, что живет в христианстве, понятно лишь тогда, когда его рассматривают на фоне, на историческом фоне существовавших в Палестине Мистерий. Но это учение Мистерий было полно тайн о пневматическом человеке, полно тем, что указывает человеческому познанию искать путь в духовный мир. Многие из того, что жило в этом тайном учении, жило, более или менее разветвляясь, в Греческих Мистериях. Но в Римских Мистериях жило от них весьма мало. Римлянам как раз вовсе не надо было основного нерва этих палестинских Мистерий. Они не нуждались в нем. Потому что в Римской среде развивалось сообщество людей совсем особого рода, которое могло существовать тогда, когда оно не думало о пневматическом человеке. *В том-то и состоит тайна римской истории, что в ней было положено основание такому человеческому сообществу, из которого более или менее исключается пневматический человек.* Здесь основывалось нечто, перед чем не имело никакого смысла говорить о человеке в его трехчленной сущности: как о теле, душе и духе. И чем дальше назад, тем более ясно, что древнейшее понимание Мистерии Голгофы основано именно на этом разделении всего человека на тело, душу, дух, как это встречается у Павла, говорящего о физическом человеке, духовном и душевном. Но именно это и должно было наиболее отталкивать римлян. В этом-то и кроется причина всего происшедшего в последнее время.

Вам известно, что воззрение, пытавшееся спасти расчленение человека и мира вообще на тело, душу и дух и потерявшее свое значение в настоящее время, называется *ГНОЗИС*. В течение дальнейшего развития оно было совершенно отстранено, выключено и исчезло. Я не хочу этим

сказать, что оно должно было быть сохранено, я только устанавливаю исторический факт, что Гнозис, сохранивший еще воззрение о духовном понимании Мистерии Голгофы, был насильственно отстранен. Развитие принимает весьма странный характер: христианство вливается все более и более в римскую сущность, но в той же мере, в какой происходит это слияние, происходит непонимание его этой римской сущностью именно из-за отношения христианства к посвященному человеку. И то, что христианские гностики все еще говорили о теле, душе и духе, вызывало все большее возмущение. В тех кругах, где христианство стало официальным на римский лад, старались все больше и больше затушевывать, заглушать дух, понятие о духе. Они чувствовали, что не нужно указывать человеку на дух, иначе вновь возникнут все воззрения о делении человека на тело, душу и дух. И так шло развитие. И из пристального рассмотрения первых веков христианского развития следует, что многое в наше время станет понятным, если будешь знать, что римское христианство все более старается искоренить понятие духа. Если хорошенько вдуматься в эту потребность европейского христианства отменить дух, то станут ясными многие вопросы совести и познания. Это развитие привело к тому, что на VIII Вселенском Соборе в Константинополе в 869 г. был выставлен догмат, первоначальная формулировка которого была, правда, не совсем ясна, но все же толковалась так, что христианину не подобает говорить о теле, душе и духе, а только о том, что человек состоит из тела и души. Собор формулировал это так: *человек обладает мыслящей и духовной душой*. Для того, чтобы не говорить о духе, как об отдельной сущности, была создана формула: *человек имеет душу, представляющую и душу духовную*. И все это было направлено на то, чтобы вытеснить из мирозерцания дух.

С этим связано многое, о чем не знают люди. Рассуждения наших современных философов сводятся к тому, что они исследуют, с одной стороны, телесное, а с другой — душевное. Если бы спросили этих людей, например Вундта или ему подобного, на чем они основываются, то

окажется, что они верят в то, что это основано на действительности, на действительности наблюдений, приводящей к тому, что не имеет смысла говорить о теле, душе и духе, а только о теле, как о находящемся вовне, и о душе, устремленной вовнутрь. Это следует из наблюдения, — вот что сказал бы какой-нибудь Вундт. Он и не подозревает, что все это лишь следствие того, что постановил VIII Вселенский Собор.

Современные философы не говорят о духе, следуя в этом постановлениям VIII Вселенского Собора. Почему современные философы отрекаются, хотя и не в точных выражениях, от духа, — этого они сами не знают, как не знали и римские кардиналы, в чем они, собственно, приносят присягу, когда их заставляли присягать в том, что они будут охранять деньги, которых уже давно не было. Так ужасно мало обращается зачастую внимание на действительные силы, на способствующие развитию факты истории. В настоящее время тотчас прослынешь невеждой, если не согласишься с «Обходящейся без предпосылки наукой», что человек состоит только из тела и души. Но представители этой «обходящейся без предпосылки науки» не знают, что именно эта предпосылка и скрывается в постановлениях VIII Вселенского Собора 869 года. И так обстоит дело со многими фактами. Этот VIII Собор является как бы окном, сквозь которое делается возможным обозреть большую часть западного развития.

Вы знаете, какую глубокую трещину дало западное развитие благодаря разделению церквей на православную и римско-католическую, развивающихся, каждая по-своему, религиозные формы. Главным отличием их является, если рассматривать чисто догматически, знаменитая формула (*fitquen*), что Римско-католическая церковь признает по постановлению позднейшего собора (русская церковь признает только семь первых соборов), что «Дух Святой исходит, Иже от Отца и Сына», то есть «*не только от Отца, но и от Сына*». Это было в Константинополе объявлено ересью. Православная церковь признает, как уже сказано, что за всем этим кроются значительные, более глубокие импульсы, но сегодня это приводится только как факт, что «*Дух Святой исходит от Отца*».

Великая путаница, возникшая по поводу этого догмата, появилась именно потому, что такая же путаница царила в отношении понятия Духа, вследствие того, что оно все более и более утрачивалось. *Это, конечно, связано с тем, что в течение пятой послеатлантической эпохи человеку на время надлежало быть исключенным из воззрения о Духе.* Но отношение к этой истине, то, что произошло, является лишь возникающим на поверхности отображением, но если желаешь прийти к истинному, насыщенному действительностью воззрению, то нужно вникнуть в это отображение.

Но развитие это, заключавшее в себе столь важный момент догматического утверждения о небытии Духа, о существовании у человека только тела и души, — это развитие еще не закончено. Христианские богословы Средних веков, которых окружали непрерывавшиеся традиции, — ибо правоверное учение церкви утверждало, что человек состоит из тела и души, в то время как алхимики и другие люди, знакомые с древней традицией, знали, конечно, о разделении человека на тело, душу и дух, — эти христианские богословы Средних веков с невероятным усилием старались найти путь, дававший им возможность, с одной стороны, оставаться правоверными, а с другой — все-таки признавать, что в религиозных учениях о делении человека на тело, душу и дух, скрывается доля правды. Мы видим повсюду, как христианские теологи Средних веков выкручиваются и поворачиваются, прилагая все усилия, чтобы избежать так называемой *трихотомии*, деления человека на тело, душу и дух. Тот, кто изучает христианское богословие Средних веков, не принимая во внимание все затруднения, с которыми приходилось бороться богословам, чтобы избежать трихотомии, тот совершенно не поймет этого.

Но это развитие, на которое я здесь намекаю, отнюдь еще не закончено, ибо оно соответствует одному весьма важному импульсу в западной культуре развития. И на это необходимо указать, т.к. в XX столетии произойдет многое, о чем нужно знать, если хочешь понять современность. Первоначально — если можно назвать «первоначальным»

то, что произошло в сравнительно позднейшее время, — первоначально человек делился на тело, душу и дух. Затем развитие продвинулось настолько, что в IX столетии стало уже возможным отменить дух. Затем развитие идет дальше. Сейчас, правда, еще не замечают таких важных фактов, как, например, изменение мышления со времен Сен-Мартена и до наших дней. *Дело не ограничивается отменой одного духа — человечество идет к тому, чтобы отменить также и душу.* В этом направлении произведены, так сказать, прелиминарные попытки-предвестники, но сейчас уже назрел и момент для отмены души. Человек только недостаточно уясняет себе эти важные тенденции собственного времени. Мы переживаем весьма важные моменты, подготовляющие отмену души. Для этого, конечно, не будут созывать Соборов, как в IX веке: в настоящий момент это происходит по-другому. Должен опять отметить, что я отнюдь не критикую, а просто провожу факты перед вашей душой. Здесь для отмены души представляется во всех областях весьма широкое поле действия. В XIX столетии расцвело течение, известное под именем **исторического материализма**, являющееся основным историческим воззрением современной социал-демократии. Если мы взглянем на главных «пророков» — между нами позволительно употребить это старое слово — исторического материализма, **Маркса и Энгельса**, то они окажутся прямыми, непосредственными потомками отцов VIII Вселенского Собора. Вот вам, мои милые друзья, самое непрерывное развитие. То, что сделали тогда отцы церкви для отмены духа, то продолжили Маркс и Энгельс в своих идущих уже значительно дальше попытках отменить душу. По этому воззрению все душевные импульсы не имеют уже никакого значения; то, что движет вперед историю — суть материальные импульсы, борьба за материальные блага. Душевное является лишь надстройкой к основному зданию чисто материального идущего вперед развития. **Здесь очень важно установить именно дух католичества в Марксе и Энгельсе.** В этих стремлениях важно именно установить истинное, настоящее продолжение того, что произошло в отношении отмены духа.

Дальнейший импульс к отмене души заключается в развитии естественнонаучного мирозерцания. Это естественнонаучное мирозерцание — я подразумеваю здесь не естественные науки, но естественнонаучное мирозерцание, признавшее реальным лишь телесное, а душевное рассматривая лишь как явления, как надстройку к телесному, — это мирозерцание является прямым продолжением того развития, важнейшие моменты которого мы наблюдаем в VIII Вселенском Соборе. Большая часть человечества не поверит, пожалуй, этому, но наступит время, когда отмена души, исходя из известных центров земного развития, приобретет силу — более или менее законную силу. Не далеко то время, когда во многих государствах возникнут законы, устанавливающие, что человек, серьезно говорящий о душе, не вполне нормален, что нормальны лишь люди, признавшие ту «истину», что мышление, чувство и воля возникают вполне естественным образом, благодаря известным процессам нашего тела. В этом направлении начато уже многое, но, пока это начатое остается лишь воззрением и теорией, оно не имеет большого, глубокого захватывающего влияния и значения. Оно приобретает его, когда переходит в социальный порядок, в социальную жизнь людей. *И не успеет пройти **первая половина** этого столетия, как в этой области произойдет то, что для внимательного человека покажется ужасным, а именно отмена души, подобно отмене духа в IX столетии.*

Главное здесь — это внимательное отношение к подобным вещам, внимательное отношение к импульсам, среди которых живет человек в течение исторического развития. Ибо современное человечество под влиянием воспитания, даваемого чисто материалистическим мировоззрением, слишком охотно предается как бы известному сонному состоянию. Материалистическое мировоззрение отвлекает до известной степени человека от истинного мышления, от настоящего, здорового взгляда на действительность, убаюкивает его, и он не слышит того важного, что действительно важно, что живет в историческом развитии. И даже тот, в котором живет известное стремление к познанию духа,

далеко не обладает в настоящий момент достаточно сильной волей, чтобы действительно проснуться, стряхнуть с себя известные импульсы, заложенные внутри нашего развития, действительно попытаться рассмотреть факты в их взаимной связи.

В Палестине существовало, следовательно, известное тайное учение, подготовляющее Мистерию Голгофы, являющееся ее исполнителем. Как я уже сказал: Мистерия Голгофы выдвигала величайшую тайну земной эпохи на историческую сцену. Но если это так, то возникает вопрос: почему развилась у римлян сильная антипатия к тому, что развивалось, как христианство, в связи с мистерией Голгофы, и почему же был, благодаря этим импульсам, отменен дух? —

Мои милые друзья, все связано между собой гораздо более тесным образом, чем это можно судить по поверхности.

В настоящее время вряд ли найдется много людей, полагающих, что Маркс и Энгельс — суть отцы Вселенских Соборов. Но это еще не такая глубокая истина. Гораздо более глубокой явится следующая: в судилище, которое судило Христа Иисуса, наибольшим влиянием пользовались *саддукеи*, — те, которых называли саддукеями. Что представляли они собою в то время, когда разыгралась Мистерия Голгофы? Кто это были — те, которых справедливо называли тогда саддукеями?

Это были люди, желавшие утаить, отстранить все, идущее от Мистерии Голгофы; саддукеи питали какой-то страх, ужас перед всяким культом Мистерий. И в их руках было судилище. И не только оно, а и все правление в Палестине. Но они находились всецело под влиянием римского государства. Они были слугами римского государства, что внешне выражалось в том, что они откупали свои места колоссальными суммами, которые, в свою очередь, выжимались ими из еврейского населения Палестины.

Все их внимание, точно отточенное ариманическим материализмом, было направлено к той опасности, которую являло для римлян выявление всего, связанного с Христом и сущностью Мистерий. Они инстинктивно предчувствовали, что из христианства исходит нечто, что со временем

разрушит Рим.

С этим связаны, в сущности, те ужасные войны, которые вели римляне в течение первого и последующих столетий, войны, уничтожившие палестинских евреев. И они велись с целью искоренения наряду с евреями и тех, кто знал о традициях истинных Мистерий. Необходимо было вырвать с корнем все, что выявлялось как сущность как раз палестинских Мистерий. И с этим искоренением было связано преграждение пути к познанию пневматического человека. Для тех, кто позднее из Рима, из романизированного христианства, желает отменить дух, стало бы опасным то обстоятельство, что существуют еще многие, которые из старых школ Палестины знают о путях к духу, которые могут свидетельствовать о том, что человек состоит из тела, души и духа. При помощи того, что исходило из Рима, должно было быть нечто заложено для внешнего устройства человечества, что не должно было иметь ничего общего с духом. Должно было быть положено начало такому течению развития, которое исключало бы духовные импульсы. Но этого не могло бы случиться, если бы слишком много людей знали, как Голгофа объясняется в Мистериях. Люди инстинктивно знали, что все развивающееся из римского государства отнюдь не должно было иметь в себе от духа. Церковь и римское государство заключили союз, выделивший еще в последствии и юриспруденцию. Все это без малейшего участия духа. Вот что важно.

Но столь же важно, мои милые друзья, вникнуть в то, что мы живем в такую эпоху, в которую должны опять призвать дух, призвать его для вмешательства в дела человеческие. Вы можете представить себе, как это будет трудно, ибо все это заложено слишком глубоко. Предстоит еще далекий путь, пока в широких кругах не признают, что материалистическое толкование истории является настоящим продолжением VIII Вселенского Собора. Столь же далекий путь предстоит, думается нам, и до того момента, когда, наконец, поймут, что, собственно, заключается в немногих буквах, разделяющих в Европе западное христианство от восточного. В настоящее время довольствуются лишь поверхностными разговорами и суждениями об этих вещах. Но тут

необходимо исходить из ощущения, которое может быть направлено ко благу, если будет принято во внимание одно обстоятельство. На этом я сегодня закончу. Я хотел, мои милые друзья, сегодня только заложить в ваших душах краеугольные камни для того основания, которое послужит нам для особенного рассмотрения Мистерии Голгофы. Сегодня же я заканчиваю следующим ощущением: кто изучает истинную историю Европы с возникновением христианства, не довольствуясь той «фабльо конвеню» (басней-сказкой), какой является преподаваемая ныне история, тайная причина многих несчастий, кто изучает истинную историю, имеет понятие об истинном изучении истории, кто обладает в достаточно сильной мере мужеством отказаться от этой ужасной басни, называемой ныне историей, тот непременно придет в отношении христианства к ощущению, которое должно стать лейтмотивом современных исканий. Он найдет, что ничто не испытало столько препятствий, столько затемнений и искажений, как именно развитие христианства. Нет ничего более трудного, как развитие христианства. Из этого вытекает дальнейшее ощущение: если говорить о чудесах, то нет большего чуда, что христианство удержалось, что оно существует. Но оно не только существует, а мы живем в такое время, когда оно должно пробиваться не только сквозь отмену духа, но и отмену души. И все-таки оно **пробьется**. В период самого сильного сопротивления разовьется наивысшая сила христианства. И в сопротивлении отмене души будет найдена сила признать вновь дух. Когда из духа — да простится мне неправильное употребление этого слова, — когда из духа, господствующего в настоящее время, возникнут законы, объявляющие ненормальными людей, признающих существование души (эти законы, конечно, не будут буквально гласить, что всякий человек, признающий душу, объявляется ненормальным, но они будут таковы, что в силу грубого естественнонаучного мировоззрения к этому именно придут), когда это современное, претерпевшее различные метаморфозы постановление Собора осуществится, тогда наступит и время возратить духу его прежние права. Но тогда поймут, что этого нельзя сделать при помощи

призрачных понятий, не вникая в глубокие первопричинные первооснования этих призрачных понятий. Ибо в призрачных понятиях скрывается иногда то, в чем не хочет сознаться себе современный человек и чему он все-таки подчинен. И за то, что он не хочет в этом признаться, за то, что он внешне этого не признает, настигает его наказание, заключающееся в этих самых понятиях. Сен-Мартен в особо важных местах говорит: «Об этих вещах говорить не подобает. Долго еще не будет возможным говорить об этих вещах, но некоторые факты нужно бы установить как железные скрижали, чтобы указать современному человеку на то, что происходит».

И не далеко то время, когда такая скрижаль укажет нам, из каких тайных побуждений возникло, например, материалистическое толкование дарвинизма, из каких чувственных извращенных побуждений возник материалистически настроенный дарвинизм.

Но я не хочу, мои милые друзья, удручать ваши души и портить вам сегодняшнюю ночь. Поэтому я не доведу этого положения до конца, а только наведу ваше восприятие на эти факты.

В следующий раз, во вторник, мы попробуем набросать хотя бы эскиз того здания, краеугольными камнями которого пусть будут слова, сказанные мною в последний раз.

Вторая Лекция

ТРИХОТОМИЯ

3 апреля 1917 г., Берлин.

Мои милые друзья!

Обратимся вновь, мои милые друзья, к духам тех, кто находится там—

Geister Eurer Seelen, wirkende Wdchter
Eure Schwingen mцgen bringen
Unserer Seelen bittende Liebe
Eurer Hut vertrauten Erden Menschen,
Dass mit Eurer Macht geeint
Unsere Bitte helfend strahle
Den Seelen, die Sie liebend sucht!

И к духам-хранителям тех, кто вследствие этих преисполненных страданиями событий уже прошли сквозь врата смерти:

Geister Eurer Seelen, wirkende Wdchter
Eure Schwingen mцgen bringen
Unserer Seelen bittende Liebe
Eurer Hut vertrauten Sphдren Menschen,
Dass mit Eurer Macht geeint
Unsere Bitte helfend strahle
Den Seelen, die Sie liebend sucht!

И Дух, к которому мы пытаемся вот уже много лет подойти при помощи нашей духовной науки, Дух, который ради блага Земли, ради свободы и прогресса человечества прошел через Мистерию Голгофы, да будет с вами и с вашим тяжелым долгом.

* * *

Мои милые друзья, я хотел бы говорить в настоящее время о Мистерии Голгофы, для этой цели назначены лекции сегодня, в следующий вторник и четверг, здесь, в нашей ложе. В эти три вечера мы займемся рассмотрением Мистерии Голгофы. Подготовлением к этому являлись мои

последние лекции.

Вспомним в главных чертах самое важное. В последний раз я указывал, что всякое истинное, вполне удовлетворяющее человеческую душу миропознание заключается в том, что мир, человечество и человеческое существо расчленяются по трем принципам: тела, души и духа. В особенности это должно признаваться в нашей области, в современной антропософии. Я должен поэтому обратить ваше внимание на то, что в моей «Теософии», уже в ее первом издании, все построено на этой трехчленности. Все вы читали «Теософию» и знаете, что скелет всей книги заключается именно в этой трехчленности, выраженной в следующих словах: «Дух вечен. Рождение и смерть, согласно законам физического мира, господствуют над телесностью, душевная жизнь, определяемая судьбой, является посредником между обоими в течение земной жизни». Это значит, что я счел тогда необходимым возможно яснее указать на эту трехчленность. Ибо особое оттенение этой трехчленности представляет собою как бы основание, на которое нужно опираться, чтобы достичь в наше время познания мира и в нем — как центральное событие всего земного развития, к познанию которого направлено все — Мистерию Голгофы.

Я указывал Вам в последний раз, какое сопротивление встречает в наше время стремление познать мир и человека так, чтобы трехчленное деление на тело, душу и дух не упоминалось бы вскользь, а оттенялось бы как главная идея. И указал, какое сопротивление оказано было этому в духовном развитии Запада, как было для него утеряно понятие о Духе. Как на VIII Вселенском Соборе Дух, даже идея Духа, была совершенно исключена из Западного мышления, и как это исключение идеи Духа не только повлияло на развитие религиозных идей и переживаний, но оказало еще более глубокое влияние на все мышление нового времени, так что и поныне, среди официальных представителей философии, не встречается людей, различающих, как следует, душу и дух. Даже те люди, которые считают себя свободными от всех предрассудков, все равно заражены именно полным предрассудком убеждением, ведущим начало с

VIII Вселенского Собора, что человек состоит из тела и души.

Кто знаком с духовной жизнью Запада не только в области поверхностной философии, а знает, как она отражается в мышлении и чувствах всех людей, даже тех, которые нисколько не занимаются какой-либо философией, тот всюду может наблюдать, как влияет на все это исключение идеи духа. В недавнее время возникла тенденция перевести кое-что из восточной мудрости на Запад, чтобы с ее помощью произвести здесь некоторые исправления, но все, взятое оттуда, было представлено в таком свете, что о делении человека на тело, душу и дух говорилось лишь намеками, ибо в исходящем из чисто астрального наблюдения расчленении человека на «плотное тело, эфирное тело и астральное — Кама, Манас» и прочих восточных, перенесенных на Запад, названиях, во всех этих расчленениях, так беспринципно применявших семь принципов, во всем этом совершенно отсутствует самое важное: пронизание нашего мирозерцания принципом деления на тело, душу и дух.

Расчленение это точно погребено. В последнее время, конечно, много говорится о духе, но все, что говорится, лишь слова, ибо современные люди не отличают слова от фактов. Потому-то и пользуются серьезнейшим вниманием разглагольствования, состоящие просто из калейдоскопического набора слов, как, например, философия Эйкена.

Но сущность Мистерии Голгофы не может быть понята без этого расчленения на тело, душу и дух. Отказ от духа был возведен в догмат на VIII Вселенском Соборе, как я уже говорил. Но подготовка к этому шла уже давно. Постановление это находится в тесной необходимой связи с общим развитием духовной жизни Запада. Легче всего, пожалуй, подойти к Мистерии Голгофы, к понятию ее, если попробовать понять, какое представление о душе имел *Аристотель*, стоявший на вершине греческого мышления. Аристотель в то же время был излюбленным философом всех Средних веков, а средневековыми понятиями питается мышление и доныне, хотя люди не хотят в этом сознаться. Мы при этом увидим, что все, развивающееся в человеческой истории, выявилось за несколько столетий до Мистерии Голгофы в Аристотеле. С помощью идей

Аристотеля лучшие мыслители столетиями пытались подойти к пониманию Мистерии Голгофы. Эти факты настолько важны, что необходимо рассмотреть их с надлежащей непредвзятостью.

Как думает Аристотель о человеческой душе? Я покажу просто, без всяких предпосылок, как думает Аристотель о человеческой душе, как отразилось в этом просвещенном уме греческое мышление о душе.

В суждениях Аристотеля заключается все, что мог думать о душе выдающийся европейский мыслитель за несколько столетий до Мистерии Голгофы. Ход мысли Аристотеля таков: когда в человеческое развитие вступает через рождение или зачатие какой-нибудь отдельный человек, то своим физическим бытием он обязан отцу и матери. Но, по Аристотелю, от отца и матери может исходить то, что обуславливает телесное бытие. От простого соединения отца и матери никогда не может возникнуть весь человек, ибо этот человек обладает душой. Часть этой души (запомним, что душа — по Аристотелю — состоит из **двух** частей) связана с телом, проявляется через него, получает, благодаря деятельности чувств, впечатления из внешнего мира. Эта часть души происходит как необходимый продукт общего развития, через материальное развитие человека, идущего от отца и матери. Но не то происходит с духовною или — как выражается Аристотель — мыслящею частью души, с той ее частью, которая участвует в «**нус**» (*nus*, **но**~*us*), в мировом мышлении. Эта часть души (по Аристотелю) не материальна, не вещественна и никогда не могла произойти из того, что происходит от отца и матери: она происходит от того, что влияет на происхождение человека от отца и матери, т.е. от Бога или, вернее, от «божественного», употребляя выражение Аристотеля. В ней живет божественное. Так происходит человек, целый человек. Очень важно, что Аристотель выражается именно так: что *целый человек* является как бы результатом совместной деятельности Бога и отца с матерью. От Бога человек получает духовную или, по Аристотелю, мыслящую часть своей души. Эта мыслящая часть души, происходящая при развитии каждого отдельного человека от Бога, развивается в течение жизни между рождением и смертью. Когда человек

проходит через врата смерти, телесное предается земле, и вместе с этим телесным и та часть души, которая связана с органами тела. Но то, что составляет духовную часть тела, продолжает жить. Оно продолжает жить духовно, как думает Аристотель, переходя в мир, отличный от мира телесных органов, приобретая бессмертное бытие. Это бессмертное бытие заключается (по Аристотелю) в том, что человек, отдавшийся в течение жизни чему-нибудь доброду, оглядывается теперь назад, на это доброе, что он внес в мироздание, что осталось в мироздании, но что он не может изменить. По Аристотелю, душа после смерти вечно должна оглядываться назад, на все хорошее и на все дурное, что она совершила.

Как раз в XIX столетии со всех сторон делались всевозможные попытки понять именно эту идею Аристотеля, столь трудно понимаемого, благодаря его манере выражаться. Недавно умерший Франц *Брентано* в своем споре с Эдуардом Целлером всю свою жизнь старался собрать все, что могло бы дать ясное представление о том, как мыслил Аристотель об отношении духовной части человеческой души ко *всему* человеку. Эти идеи Аристотеля перешли в философию Средних веков, вплоть до нового времени, и до сих пор еще преподносятся как учение в известных областях церковной жизни.

Франц Брентано, действительно много занимавшийся этими идеями, поскольку они исходят от Аристотеля, уяснил себе следующее: Аристотель являлся умом, действительно возвышавшимся благодаря своему направлению над материализмом и не верившим в материальность духовной части души. Он не верил, что духовная часть души развивается из того, что получает человек через отца и мать. Здесь, по мнению Брентано, у Аристотеля имелись две возможности. Первая: представлять себе происхождение духовной части души как непосредственную совместную деятельность Бога с тем, что происходит от отца и матери. По этому представлению духовная часть души является результатом божественного влияния на человеческий зародыш, и эта духовная часть души не подпадает смерти, но ведет бесконечную жизнь, когда человек преступает врата смерти. «Что бы оставалось делать Аристотелю, если бы

он не развил этой идеи?» — спрашивает Brentano. И считает совершенно правильным для Аристотеля принятие этой идеи. Что оставалось бы ему, если бы он не принял этой идеи? Только вторая возможность. Третьей нет. Вторая же возможность состоит в следующем: предположить, что человеческая душа существовала раньше, в духовном, до рождения, до зачатия. Но для Brentano ясно, что — допустить существование души до зачатия — значит допустить возможность повторных земных жизней, а не только одной, — другой возможности нет. Но т.к. Аристотель в свой, более зрелый период, отказался от **полигенезиса** (повторных человеческих жизней), то ему оставался только **креационизм**, сотворение человеческой души, совершенно новое сотворение человеческой души с каждым эмбриональным созданием человека, отнюдь не противоречащее существованию души после смерти, но отрицающее существование ее раньше. (Франц Brentano был сначала священником и являлся одним из последних представителей схоластической философии, усвоившей себе хорошие стороны Аристотелевской философии). Он одобрял поэтому Аристотеля за его отказ от учения о повторных человеческих жизнях и за признание лишь креационизма с существованием души после смерти.

Это воззрение, мои милые друзья, является центральным нервом, несмотря на все ее вариации, всей христианской философии, поскольку эта философия отвергает повторные земные жизни. И страшно, даже как-то заманчиво страшно видеть, как такой выдающийся мыслитель, как Франц Brentano, отказавшийся от духовного звания, как он старается уяснить себе этот креационизм души, не находя никакой возможности перекинуть мост к учению о повторных земных жизнях. Почему это? Потому что, несмотря на всю глубокую ученость, на энергичную пронизательность жизни этого мыслителя, для него было закрыто понятие о духе и отделимости его от души. К понятию о духе нельзя прийти без понятия о повторных земных жизнях. Это последнее тотчас теряется, как только теряется понятие о духе.

В сущности говоря, понятие о духе было поколеблено уже во времена Аристотеля. Это заметно уже в решающих местах аристотелевских

сочинений, как только он начинает говорить о существовании ранее души, как он становится всегда туманным. Все это связано с чрезвычайно важным и глубоким, с реальным развитием человечества. Это связано с тем, что человечество за несколько столетий до Мистерии Голгофы вступило в такую стадию развития, в которую, когда говорилось о духе, словно туман обволакивал человеческую душу. Это не было так сильно, как теперь, когда говорят о духе, но разрушительный процесс мышления о духе уже начинался тогда.

А это, мои милые друзья, связано с тем, что человечество с течением времени проходило известное развитие и душа с течением времени стала иная, чем она была в древнейшие времена человеческого развития. Тогда еще существовал, благодаря атавистическому ясновидению, непосредственный духовный опыт. В духе нельзя было усомниться, как нельзя усомниться во внешнем чувственном мире. Люди должны были более или менее проникнуться понятием духа. И что путь к духу человеческой души возможен — в этом не сомневался никто в те древние времена человеческого развития, как не сомневались и в том, что во время земной жизни, между рождением и смертью, дух живет в душе людей, так что, благодаря этому духовному содержанию, человеческая душа причастна божественной жизни. Это было вне сомнения. И это, основанное на непосредственном сознании духа убеждение нашло свое выражение в мистериях, в их заветах. И странно, что уже один из древнейших греческих философов — **Гераклит** — говорил о мистериях так, что видно, что он сознает огромное значение мистерий для человечества еще более древнего времени, и в то же время видит, что они в его время уже несколько опустились со своей высоты.

В этих мистериях учили очень многому, но нас сейчас должна особо интересовать центральная идея этих мистерий. Остановимся на одно мгновение на этой центральной идее мистерий, как они происходили вплоть до эпохи Мистерии Голгофы, и до времени Юлиана Отступника. Ибо в последнее время из учений этих мистерий берется многое, причем, этому придается антихристианский смысл. Особенно отмечается тот факт,

что «Пасхальная легенда» из Мистерии Голгофы, т.е. центральная легенда о рождении, смерти и воскресении Христа, жила и раньше во всех мистериях. Из этого выводится заключение, что тайна христианской пасхи есть, в конце концов, не что иное, как перенесение древнего языческого культа мистерий на личность Иисуса из Назарета. И эти факты кажутся людям настолько убедительными, что они ничуть не сомневаются в истинности идеи, которую можно выразить так: то, что рассказывается христианами о Христе, об его страданиях, смерти, воскресении и связанной с ним надеждой и спасением человечества, все созданные христианами идеи жили, как утверждает эти люди, в мистериях и различных культах мистерий. Из этих языческих обычаев, собранных в одно целое, и была создана пасхальная идея и перенесена на личность Иисуса из Назарета. В новейшее время зашли еще дальше, даже в официально-христианской области — стоит только вспомнить бременское течение, — и стали относиться совершенно безразлично к историческому существованию Иисуса из Назарета, считая, что благодаря социальным условиям были собраны воедино различные легенды мистерий и культов, и тогда в древнехристианской общине создалась из древних языческих преданий легенда о Христе. Несколько лет тому назад здесь, в Берлине, происходила дискуссия (в тяжелые последние годы, то, что предшествовало им, часто кажется мифом, но в данном случае речь идет о действительно бывшей дискуссии), причем официальные представители христианства выступили как защитники того воззрения, что нельзя говорить о каком-то историческом Иисусе из Назарета, а только об «идее Христа», создавшейся благодаря религиозным социальным импульсам в древнехристианской общине.

Рассмотрение языческих культов и мистерий, с целью сравнений их с христианской пасхальной легендой, действительно очень заманчиво. Возьмем, например, подробное описание *Фригийских празднеств*. Точно так же можно взять не только Фригийские, но и любые празднества, ибо все они были весьма распространены. Фирмик рассказывает, например, в одном письме к сыновьям Константина следующим образом о Фригийских

празднествах: Образ бога **Аттиса** — не будем вдаваться в подробности о нем — прикреплялся к стволу дерева и торжественно носился в процессиях полуночного ритуала, где затем вспоминались и его страдания; около дерева при этом ставили агнца. Через день возвещалось о воскресении бога. И в то время, как накануне, при виде распятого на дереве, преданного смерти бога, раздражались предписанным ритуалом плачем; ужасные жалобы эти на другой день, когда праздновалось воскресенье, сменялись бурной радостью. В других местах, рассказывает Фирмик, изображение бога Аттиса погребалось. Ночью, когда печаль достигала высочайшей точки, возжигался вдруг свет, могила раскрывалась, и бог воскресал. И жрец произносил следующие слова: «Верующие, да не печальтесь. Как спасен бог, так будет и вам благо в спасении».

Кто же станет отрицать, мои милые друзья, что все эти ритуальные празднества, происходившие за много лет до Мистерии Голгофы, чрезвычайно схожи с тем, что возникло, как тайна пасхи, и в христианстве. Эти воззрения о страдающем, умирающем и воскресающем боге были распространены повсюду, а христиане лишь сконцентрировали их и перенесли на Христа. Подобная мысль крайне заманчива.

Но весьма важно уяснить себе происхождение всех языческих дохристианских празднеств. Ибо они отходят к очень древним временам, когда слагались мистерии, развивающиеся из глубочайших древнейших воззрений на существо человека и связь его с миром, как это являлось атавистическому ясновидению. Во времена Фригийских празднеств знали, конечно, о собственном смысле этих фактов, и знали приблизительно столько, сколько знают в настоящее время в известных масонских храмах о церемониях, об их происхождении. Но факты эти действительно основываются на огромном древнейшем знании о мире и о человеке, знании, которое чрезвычайно трудно понять в настоящее время.

Вспомним, мои милые друзья, что человек зависит от того, что окружает его, не только своим внешним физическим телом, но и живет в нем своей душой и духом. Он воспринимает идеи и представления этого

внешнего окружения, овладевает ими, привыкает к ним и уже не отступает от них в силу известных побуждений. Очень трудно при всей доброй воле понять некоторые факты, утерянные вследствие уже упомянутых, а также и иных причин в течение духовного развития человечества. То, что называется в настоящее время наукой, кажется лишь самой внешней поверхностью вещей, лишь тем, что в самой малой степени может вести к их сущности. И если, несмотря на это, наука все-таки чрезвычайно и продвинулась вперед, то это только потому, что под этим «продвижением вперед» подразумевается весьма многое. Достоинно изумления, конечно, что наука дожила, например, до беспроволочного телеграфа и до многого другого, играющего такую роль в нашей жизни. Но попробуем поставить вопрос: что было бы, если бы этих достижений не было? Мои милые друзья, вдаваясь в рассмотрение подобных вопросов, мы вплотную подошли бы к тому, о чем в настоящее время запрещается говорить. Для современной науки мудрость, заключающаяся в вышеприведенных культах мистерий, вернее в последних, уже испорченных, их побегах, является просто нелепостью, безумием. Может быть. *Ведь уже апостол Павел говорил, что то, что считается у людей безумием, есть часто мудрость перед Господом.* Сегодня я отмечу те точки зрения, которые важны нам для понимания Мистерии Голгофы. Правильный взгляд на существо человека и мира вытекает из известного воззрения на человеческий организм, которое современной наукой считается полнейшим безумием. Человеческий организм отличается весьма существенно от животного. Мы приводили уже много различий и сегодня, поэтому приведем лишь одно, которое интересно по отношению к Мистерии Голгофы. Человеческий организм отличается от животного, ибо животный организм, если его действительно изучаешь с помощью духовной науки, несет в себе **естественный импульс смерти**. Другими словами, ознакомьтесь при помощи духовной науки с животным организмом и вам станет ясно из самой организации животного организма, что он так и должен проходить через смерть, как он проходит, т.е., что животное распадается и передается элементам земли. Смерть

животного не заключает в себе ничего непонятного; она так же следует из изучения животного организма, как то, что животное должно есть и пить. Из сущности животного организма с необходимостью следует смерть животного.

Но не так обстоит дело, мои милые друзья, с человеческим организмом. Тут мы вступаем в совершенно непонятную для современной науки область. Из изучения при помощи духовной науки **человеческого организма отнюдь не следует необходимость смерти. В нем нет ничего, объясняющего необходимость смерти.** Смерть человека берется как нечто признанное, но никто не может объяснить, почему человек умирает. *Ибо человек не рожден изначально для смерти, даже как внешний организм не рожден. Из человеческого существа нельзя объяснить смерть, наступающую изнутри. Поскольку человеческое существо есть человеческое существо, смерть необъяснима.*

Я отлично знаю, мои милые друзья, что в настоящее время это будет сочтено полнейшим безумием всеми, стоящими на высоте современной науки. В общем, конечно, весьма трудно говорить обо всех этих вещах, ибо они связаны с глубочайшими Мистериями. И в настоящее время наталкиваешься, говоря о подобных вещах в их взаимной связи, на нечто, что может быть высказано только так, как говорил об этом вышеупомянутый Сен-Мартен в своей книге «Ошибки и истина». Вот что говорит Сен-Мартен в одном важном месте, где он указывает, какое последствие заключалось для человеческого развития в том, что, прежде чем человек впервые воплотился на физическом плане, в духовной области произошло известное событие. Эти слова Сен-Мартена об этом сверхземном духовном событии понятны всякому, более интимно знакомому с подобными вещами.

«Как бы мне хотелось, чтобы люди достигли этого, но обязательства, взятые мною, запрещают мне малейшие пояснения по этому поводу; ради блага моего, я лучше буду краснеть за проступки людей, чем говорить об этом».

В этом случае Сен-Мартен должен был говорить о проступке человека до его первого земного воплощения. Но этого он сделать не мог. В настоящий момент можно говорить о многом, о чем не мог говорить Сен-Мартен. И не потому, что люди стали лучше сейчас, а совсем из других причин. Если рассматривать эту истину, что человек не рожден для смерти, в связи со всем, что касается ее, то при этом могут быть затронуты такие вещи, которые тоже могут быть произнесены перед современными людьми. Человек не рожден для смерти, а все-таки он умирает. В этих словах заключается нечто, что является, конечно, безумием для умных людей современной науки, но что заключает в себе глубочайшие тайны для желающего достигнуть истинного миропонимания. **Человек не рожден для смерти, и все-таки умирает.**

Это сознание и проходит таинственным импульсом через все древние мистерии, в том числе и через мистерии Аттиса, о которой я говорил. В этих мистериях искали возможности понимания этих слов: «Человек не рожден для смерти, и все-таки он умирает». Мистерии должны были дать на это ответ. Ибо зачем же справлялись эти мистерии? Затем, чтобы каждый год слышать повторение того, что хотели услышать, что хотели почувствовать, пережить в своей душе. А именно, что не наступило еще то время, когда человек сможет действительно серьезно взглянуть на свою необъяснимую смерть. Что ожидал верующий от жреца бога Аттиса? В верующем жила инстинктивная уверенность в том, что для Земли должно наступить такое время, когда придется со всей серьезностью подойти к необъяснимой смерти. Но это время еще должно наступить. И служение жреца страданиям и воскресению бога таило в себе утешение: еще не настало время действительного понимания смерти. Ибо в те времена все знали, что событие, описываемое, допустим, символически в Ветхом Завете, указывает на реальную действительность. Это инстинктивное знали все древние. Один лишь современный материализм лишен возможности инстинктивно чувствовать действительность события, изображаемого в искушении Люцифера. Извращенные мысли,

закрывающиеся в материалистическом толковании дарвинизма, отличаются, конечно, весьма значительно от истины, которая вытекает из самой связи. Эти извращенные мысли заключаются в следующем: в древние времена существовали известные животные, из которых постепенно развивался современный человек. В этом материалистическом толковании дарвинизма нет, конечно, места для райского искушения. **Ибо только совсем извращенный рассудок мог бы себе представить искушение Люцифером какой-нибудь пра-обезьяны.**

Существовала, значит, мои милые друзья, инстинктивная уверенность, что за тем, что рассказывается в начале Ветхого Завета, скрывается действительный факт. Как же воспринимался этот факт? Воспринимался он следующим образом: человек по своей первоначальной организации не был смертен, но, благодаря этому факту, в его первоначальную организацию вошло нечто, действующее в ней разрушающим образом и вложившее в человека импульс смертности. **Человек сделался смертен вследствие морального факта,** вследствие того, что заключается в таинственном слове «**первородный грех**». Человек стал смертен не так, как стали смертны другие живые существа, не вследствие мыслимых естественнонаучных процессов, не вследствие материальных процессов, а **вследствие морального процесса. Смертной сделалась душа человека.** Душа животного, как групповая душа, бессмертна. Она воплощается в отдельном животном индивидууме, смертном благодаря своим органам, групповая душа выходит из смертного животного тем же образом, каким она в нем воплотилась. Но организация животного, как индивидуальная организация, с самого начала смертна. Не так обстоит дело с человеческой организацией. Эта последняя такова, что то, что лежит в ее основе как групповая душа, как человеческая групповая душа, будучи выявлена в отдельном человеке, сделала бы его, как внешнечеловеческую организацию, бессмертным. Душа человеческая могла сделаться смертной только вследствие морального факта. Она должна была обладать особой организацией, чтобы человек стал смертен. Если брать эти факты абстрактно, мои милые друзья, то тогда ничего не

поймешь в них. Понимание их достигается лишь конкретным фактическим усваиванием их.

Но в те древние времена перед Мистерией Голгофы, когда еще справлялись эти древние мистерии, люди знали еще инстинктивно, что душа является причиной того, что человек смертен. Душа человека находится в непрерывном развитии во времени. В чем состоит это развитие?

Душа действует все более и более разрушающе на организм, принимает все большее участие в разрушении, действующем уничтожающе на организм. Вникая в древние времена, человек говорил себе: «некогда произошло моральное событие, благодаря которому душа, вселяясь при рождении в тело, действует разрушающе на это тело. В то же время, благодаря этому обстоятельству, сама она живет между рождением и смертью не так, как жила бы, если бы не действовала разрушающе на это тело. С течением времени это ухудшилось. Душа все более и более разрушала тело».

Так говорили древние люди. И душа все более и более теряет возможность вернуться к духу. В дальнейшем развитии человечества разрушение это все увеличивается, и телу все интенсивнее прививается импульс смерти. ***И неизбежен тот момент, когда душам, проведшим так время между рождением и смертью, будет совершенно невозможно вернуться в духовный мир.*** Этого момента ждали в древние времена с трепетом и ужасом. Поколение за поколением проходит, говорили древние люди, и появится, наконец, поколение, обладающее душами, действующими настолько разрушающе на тело, так интенсивно прививающими ему смерть, что будет совершенно невозможным найти обратный путь к божественному. Это поколение явится непременно. И людям хотелось убедиться, насколько этот момент близок. Для того и существовал культ Аттиса и другие. Люди как будто хотели испытать, сохранилось ли еще достаточно божественного в человеческих душах. И не наступил ли момент, когда человеческие души сбросят все это божественное и не найдут более пути к Богу. Огромное

значение имели поэтому слова жреца: «Не бойтесь правоверные! Господь спасен, и вас ожидает спасение». Другими словами: «Бог имеет еще влияние в мире, души еще не достигли полнейшего отрешения от него. Бог воскрес», — в этих словах жреца заключалось утешение. «Бог еще в вас», — говорил он.

Касаясь этих вещей, касаешься таких бесконечно глубоких чувствований и ощущений, существовавших некогда в человечестве, что современному человеку, с его чисто внешними интересами, даже не понять всех страданий тогдашнего человечества. Пусть оно не знало ничего о том, что называется сейчас культурой, пусть оно было совсем безграмотно, но оно чувствовало именно так. В греческих школах, хранивших последние традиции древней ясновидческой мудрости, говорилось посвящаемым ученикам следующее: «Если бы развитие пошло бы еще дальше так, как оно идет под влиянием того морального события в начале развития, тогда нужно быть готовым к тому, что души отвернутся от Бога и уйдут в мир, созданный ими самими, вследствие того, что они разрушая человеческий организм, вносят в него смерть. Души соединятся с землей и через нее с тем, что называют подземным миром (адам). Души погибнут». Но т.к. в этих школах еще сохранялась мудрость, гласившая о духе, то там знали, что человек состоит из тела, души и духа. То, о чем я говорил только что, говорили о **душе** — не о духе. Ибо дух сам по себе вечен и имеет свои собственные законы. О духе знали следующее: души исчезнут в подземном мире, но дух будет проявляться в повторных земных жизнях. И будущее земного развития может состоять в том, что духи отдельных людей воплотятся вновь и принуждены будут лишь озираться назад, на все утерянное душевное, которое было когда-то в земном развитии. Души будут утеряны и не проявятся вновь. Воплотившийся дух будет как бы автоматически приводить в движение человеческое тело, но это не будет чувствоваться, ощущаться душевным переживанием.

Что же ощущали люди, стремившиеся к Мистерии Пасхи? Если на Земле не произойдет ничего иного, ощущали они, как то, что происходило с давних времен, тогда в будущем, в новых воплощениях, возникнут

бездружные люди, — они ждали поэтому другого, того, что не могло осуществиться в земном развитии, но должно было проникнуть в жизнь Земли извне. Другими словами, они ждали Мистерию Голгофы. Они ждали вступления в земное развитие Существа, который спасет душевное, вырвет его у смерти. Дух не подлежал смерти, но душевное необходимо было вырвать у нее. Это Существо, вошедшее в тело Иисуса из Назарета извне в земное развитие, ощущалось как Христос, явившийся для спасения **душ**. Так что, во Христе человек имеет нечто, с чем он может справиться в духе со смертоносными силами в душе, и душа через это соединение с Христом теряет свою разрушительную силу над телом, и все, что потеряно, может снова вернуться. Оттого-то и стоит Мистерия Голгофы в центре земного развития. От начала земного развития до Мистерии Голгофы душа все более и более захватывается разрушающей силой, стремившейся создать из людей автоматы духа. И от Мистерии Голгофы до конца земного бытия будет собираться вновь то, что было утеряно до Мистерии Голгофы. Так что, **когда Земля подойдет к концу своего развития, души людей воплотятся в телах, ставших снова бессмертными. Так ощущалась тайна Пасхи.**

Но для этого было необходимо победить и силу, делающую возможным разрушение человеческой души. Эта сила побеждена тем, что ощущает христианство как Мистерию Голгофы. Какое прозвучало важное слово первым истинным, знакомым с этими вещами христианам? Они ведь ждали извне события, освобождающего душу от власти разрушительной силы. И слово это прозвучало с Креста: «**Свершилось**». Это было свидетельством того, что с этого момента исчезла разрушительная сила, действовавшая в душе.

Замечательное явление, заключающее в себе огромнейшие тайны. Ибо огромные вопросы встают в связи с Мистерией Голгофы. Мы увидим в дальнейшем, мои милые друзья, что Мистерию Голгофы нельзя мыслить без Воскресения Христа. Христос Воскресший — вот самое существенное. И слова апостола Павла являются глубочайшими словами: «А если Христос не Воскрес, то тщетна и проповедь наша, и тщетна и вера наша».

Христианству принадлежит Воскресший Христос. Без Воскресшего Христа не было бы христианства. Но к нему же принадлежит и смерть, смерть Христа. Как представляется все это? Как должно быть все это представлено? Невинного ведут на смерть, на страдание. Те, кто ведут его на смерть, отягчают себя тяжелой виной. Ибо на смерть ведут невинного. Тяжелая вина налагается на них. Но чем является эта вина для человечества? **СПАСЕНИЕМ**. Ибо, если бы Христос не умер, то для человечества не было бы **СПАСЕНИЯ**. Событие Голгофы — единственное в своем роде, мои милые друзья. Величайшее благо, дарованное земному человечеству, заключается в том, что Христос был умерщвлен. Величайшая вина, которая когда-либо свершилась, состояла именно в умерщвлении Христа. Величайшее благо совпадает с величайшей виной. Поверхностный ум может пройти мимо этого. Но для того, кто не скользит по поверхности вещей, для того это является величайшей загадкой. **Самое страшное убийство, совершившееся когда-либо в развитии человечества, повело ко благу его**. Почувствуйте, мои милые друзья, эту загадку. И загадку эту надо попытаться понять, если хочешь подойти к пониманию Мистерии Голгофы. И побуждением к решению этой загадки звучит с Креста: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят». Мы увидим, что в истинном понимании этих слов заключается ответ на важнейший загадочный вопрос: почему сделалось благом для человечества страшнейшее убийство?

Мои милые друзья, обдумав все это, вы поймете, что к Мистерии Голгофы нужно подходить с понятием о теле, душе и духе. **Ибо Христос умер ради души людей**. И души людей возвращает Он снова духовному миру, от которого они были бы оторваны, если бы Он не пришел. Из мира исчезла бы мораль. В автоматическом теле существовал бы дух, движимый свободной от морали необходимостью. Душевно ничего нельзя было бы пережить. Христос обратил души назад. И нечего поэтому удивляться, что за три столетия до Мистерии Голгофы самый просвещенный грек, Аристотель, не умел правильно судить о душе и ее отношении к духу, ибо тогда как раз предстоял кризис души. Нечего удивляться, что он неверно

говорил о душе, которой предстояло это, не зная, что явится Спаситель этих душ. Не нужно этому удивляться.

Необходимо найти другое объяснение всем тем заблуждениям, которые говорились по примеру Аристотеля о связи души и духа. Значение Христа для человеческой души выявляется нам лишь в свете, показывающем человека в его трехчленной сущности, как тело, душа и дух, и в той тесной связи, которая имеется между объективным истинным фактом и моральным.

Но эту связь возможно установить только при условии признания трех членов человеческого существа: тела, души и духа.

Сегодня было как бы подготовка к тем пояснениям, которые необходимы для погружения в глубины человеческой души, без которых непонятна Мистерия Голгофы. Мне думается, мои милые друзья, что нам весьма необходимо, в особенности в наше время, поговорить о подобных вещах и воспользоваться этой Пасхой, чтобы заглянуть в это, насколько это возможно в настоящее время. Много вначале будет говорить только вашим ощущениям и послужит как бы зерном, которое взойдет в будущем человеческого развития. Ибо о многом, мои милые друзья, должны мы мыслить, как бы постепенно просыпаясь, как будто мы живем в такое время, когда многое воспринимается нами не в полном бодрствующем состоянии. Это явствует из того, что современный человек, даже при полном бодрствовании, плохо разбирается в непосредственно наступивших событиях. Невозможно, к сожалению, даже немногими штрихами изобразить, как бы воспринять в бодрствующем состоянии, то горестное событие, о котором в числе других событий узнало человечество Европы или, по крайней мере, Средней Европы.

Такие факты переживаются в настоящее время зачастую как во сне. Но здесь невозможно подробнее остановиться на этих вещах.

Итак, в следующий вторник и четверг мы будем, мои милые друзья, говорить дальше о Мистерии Голгофы.

Сегодня я хотел только возбудить некоторые вопросы, а затем в следующий раз уже поговорить о ней.

Третья Лекция

АНТИРЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК болезнь, неСЧАСТЬЕ И Заблуждение

10 апреля 1917 г., Берлин.

Мои милые друзья!

Сегодня я хотел бы обратить ваше внимание сначала на то, как легко можно в наше время пройти мимо сущности Мистерии Голгофы, ибо в наше время недостаточно осознали еще, как трудно при помощи современного, обычного познания, проникнуть более глубоко в Мистерию Голгофы. Очень легко возникает, например, следующая мысль, что если ты углубишься мистически, будешь искать внутреннюю жизнь, Бога внутри себя, то ты найдешь Христа. *Большинство людей, говорящих подобным образом в настоящем и в прошлое время, не найдут на этом пути Христа.* Христа нельзя найти, говоря, как некоторые, называющие себя теософами: нужно распознать внутри себя связанное с этим внутренним божественное, и тогда в человеке проявится Христос. *Это не так.* Единственно, что может проявиться тогда, как некоторый внутренний свет, может быть названо только божественным существом вообще, но никогда, если его понять правильно, Христом. В настоящее время не привыкли еще различать вещи хотя бы теоретически, и многие полагают поэтому, что можно прийти ко Христу при помощи обычной мистики, предоставленной самой себе мистики. Это отнюдь не так. И весьма важно провести это перед своей душой, как важно обратить

внимание и на то, что все философы минувшего XIX столетия, вплоть до нашего времени, в отдельных трудах давали философию религии, в которой, по их мнению, могли говорить о Христе. Но в действительности они находили только то, что вообще можно назвать божественным существом, но только не Христа. Возьмите даже такого философа, как Лотце, пытавшегося проникнуть до известной степени в глубины. Прочтите его философию религии, и вы увидите, что он говорит вообще о божественном существе, но говорит не так, чтобы иметь право обозначать это божественное мыслимое им существо именем Христа. Но еще труднее постичь путем подобной мистики и философии сущность Мистерии Голгофы. Для того, чтобы ближе подойти к ней, восстановим в душе некоторые отличительные черты Мистерии Голгофы, т.е. восстановим эти представления просто как положения.

Если Мистерия Голгофы действительно необходима человечеству в его историческом земном развитии, то сущность Мистерии Голгофы и состоит именно в том, что Существо (т.е. Христос), прошедшее через Мистирию Голгофы, совершило нечто, имеющее отношение ко всему мировому порядку, или, если мы не хотим употреблять это выражение, ко всему космическому порядку. Рассматривая Существо, прошедшее через Мистирию Голгофы, вне отношения Его ко всему мировому порядку, мы не будем более иметь то же самое существо, тогда можно говорить вообще о каком-то божественном существе, но не о Христе.

Здесь нужно научиться понимать многое, и сегодня мы укажем на некоторые вещи. Для правильного понимания Мистерии Голгофы необходимо, например, иметь ясное представление о том, что Сам Христос Иисус называет **верой, упованием**. В настоящее время имеется слишком теоретическое, слишком абстрактное понятие о вере.

Припомните только, мои милые друзья, что представляет собой под верой современный человек, когда он говорит о противоположности между верой и знаниями. Его представления таковы: то, что можно доказать чем-нибудь, есть знание; то, что нельзя ничем доказать и что все-таки истинно — есть вера. Человеку всегда важно каким-нибудь образом

познать, понять нечто. Только когда он это познание, понимание называет верой, то у него является мысль, что это познание, понимание нельзя доказать. Сравните, хотя бы поверхностно, это представление о вере с тем представлением, которое называется Христом. Я укажу только одно место из Евангелия: «Ибо истинно, говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, — и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет». Какая огромная разница между представлением о вере современного человечества, представлением, являющимся просто суррогатом представления для знания, и представлением, выраженным, может быть, парадоксально, но зато и радикально в этих словах Христа Иисуса. При небольшой дозе внимания можно сейчас же понять, в чем, собственно, заключается сущность представления о вере, даваемого Христом. *В чем сущность веры? Она должна быть действительна, обладать творческой силой, не только побуждать представление, но и знание. Если обладаешь верой, то ожидаешь и действия этой веры.* Вспомните в Евангелие. В каком бы месте вы ни раскрыли его, там, где вам встретится выражение «вера», «упование», вы всюду найдете, что речь идет об этом **действительном** представлении, о том, при помощи чего нечто совершается, делается, творится. Это чрезвычайно важно.

Я приведу сегодня еще третий факт из всего того важного, что можно сказать. В Евангелиях очень часто говорится о тайнах Царствия Божия, или Царствия Небесного, о Мистерии Царства Божьего, о Мистерии Царства Небесного. В каком смысле говорится здесь о тайнах? В каком смысле говорится здесь о Царствии Божьем или Царствии Небесном? Такое представление создается с трудом, мои милые друзья. Но тот, кто занимается Евангелием с оккультной точки зрения, проникается все более и более убеждением: каждая фраза Евангелия высечена точно из гранита и каждая, хотя бы малейшая, часть этой фразы является отнюдь не безразличной, а имеющей огромное значение. Вся критика, понятная при внешнем рассмотрении Евангелий, должна смолкнуть по мере того, как проникаешь все глубже и глубже в Евангелие с точки зрения духовно-

научного познания. Я сейчас вам укажу, для того чтобы иметь возможность говорить об этой тайне, об этой мистерии, на одну весьма характерную особенность.

Я указывал уже и при прежних рассмотрении Евангелия на одно место, где речь идет об исцелении, или о пробуждении — можно и так назвать это — 12-летней дочери Иаира. Я говорю здесь среди взрослых и могу поэтому привести более глубокое медицинско-окультурное познание, вытекающее из этого пробуждения для того, кто проникает в это духовнонаучно. Дочери Иаира 12 лет. Иисус Христос приближается к ней, чтобы исцелить ту, которую считают уже мертвой. Странно, что к пониманию подобных вещей приходишь только тогда, когда сравниваешь данное место с тем, что произошло до и после этого. Обыкновенно из Евангелий вырывается то или иное отдельное место, читается то или иное, не замечая их общей связи. Непосредственно перед этим находится в Евангелие то место, когда до Христа, направляющегося по зову к 12-летней дочери Иаира, дотрагивается до Его одежды женщина, страдавшая кровотечением 12 лет. Она дотрагивается до его одежды. Что же происходит? Она исцеляется. Он чувствует, как из Него исходит сила. И Он произносит слово, понятное лишь при правильном понимании вышеприведенного представления о вере: **«Вера твоя спасла тебя»**.

Но глубокий смысл заключается в словах Евангелия: 12 лет болела она, дочери же Иаира было тоже 12 лет, 12 лет она жила на физической земле. Чего не было у дочери Иаира, чем страдала она? Она не могла созреть, достичь зрелости. Она не могла достичь того, чем женщина владела в избытке. И когда он исцелил женщину, владевшую этим 12 лет в избытке, он почувствовал исходящую из себя силу. Ее переносит Он на 12-летнюю дочь Иаира, дает ей возможность созреть, т.е. будит в ней силу, без которой она должна была бы завянуть, и пробуждает ее как бы к жизни. Что заключается в этом? Тот важный факт, что Христос со своей субстанциональной сущностью живет не только в Себе, а во всем, что окружает Его, и может переносить эту силу с одного человека на другого. Он бескорыстно изживает вовне силы, перенося их с человека на

человека. Вот что выявляется нам. Он может выйти из Себя, *действительно* выйти из Себя, вот что таится в силе, возникновение которой Он чувствует в Себе при прикосновении к Своей одежде уповающей женщины.

С этим связаны повторяемые Им часто слова: «Вы, мои ученики, — говорил Он — вы можете узнать тайны Царствия Небесного, Царствия Божьего. *Но те, кто стоит вовне, не могут этого узнать*». Предположим, что он сообщил бы книжникам и фарисеям ту тайну, т.е. не простое теоретическое описание ее, а именно то, что нужно, чтобы вызвать это превращение. Что бы могли те сделать? Они получили бы возможность превращать силы, коренящиеся в человеке, но превращали бы их не всегда правильно. Из Евангелия видно, что Христос именно это и предполагал в фарисеях, в саддукеях и других, что они не всегда правильно будут обращаться с силой, взятой из одного человека для передачи ее другому. ***Из этого возникнут несчастья за несчастьями, ибо таково их свойство и умонастроение.*** Поэтому, то что он под этим подразумевает, должно остаться тайной посвященных.

Я хотел пояснить на особо ярком примере суть всего этого. Мы имеем прежде всего три важных факта. Я мог бы привести еще многие, и завтра еще скажу об этом. Но сейчас я хочу перейти к самому важному. Если мы хотим говорить обо всем, что связано с великим выдающимся мировым значением Мистерии Голгофы, мы должны охарактеризовать три факта. Я принужден, чтобы хоть немного приблизиться к нашей теме, выражаться сегодня вечером более афористически. Я только что сказал, что мы должны составить себе представление о том, что заключается в словах «Мистерия Голгофы — Мистерия Царствия Небесного». Это нечто весьма конкретное, как мы увидим это на примере. Иоанн Креститель, подготавливая к Крещению, говорил: близится Царствие Небесное, Царствие Божье. Вот это представление. Что же делает Иоанн Креститель? Что он делает при приближении Царствия Небесного, Божьего? Он крестит людей ***водою***, по его собственному определению. Он крестит водою во искупление грехов, а перед этим говорит, что придет Тот, Кто будет крестить Духом Святым. В чем состоит различие между

крещением Иоанна и Крещением, о котором он говорит, как о Крещении Духом Святым? Я целые годы старался дать объяснение этим вещам при помощи средств, даваемых нам духовной наукой. Крещение водой не будет понято (я часто рассказывал, как оно совершалось), не будет понято то, что под ним подразумевается, на что намекается, если не попытаться подойти к этому с духовно-научной стороны. Тогда может открыться огромная важность всего, что связано с Иоанном Крестителем. Что это за вода, которой крестит Иоанн? Внешне эта вода Йордана, но мы знаем, что те, кто крестились, были погружены настолько, что во время погружения происходило как бы отделение эфирного тела от физического, так что на мгновение они становились ясновидящими. В этом и состояло истинное значение крещения Иоанна и других подобных крещений.

Но Иоанн подразумевает не только это, говоря о крещении водой; он как бы указывает при этом на то место Ветхого Завета, где говорится: «Дух Божий носился над водами». Ибо что должно быть достигнуто крещением водою при Йордане? Крещением этим должно было достигаться перенесение сознания крестящихся, вследствие отделения от эфирного тела и всего происходящего в них, во времена, предшествовавшие так называемому грехопадению. Из их сознания должно было исчезнуть все, происшедшее после грехопадения; они должны были перенестись в состояние невинности, дабы увидеть, чем был человек до грехопадения. Крестящиеся должны были уяснить себе, что человек вследствие грехопадения пошел по ложному пути, и если он дальше пойдет по этому пути, то ему будет плохо. Он должен вернуться к началу, должен вырвать из своей души все, что попало в нее, благодаря этому ложному пути. У многих людей этой эпохи — история неточно описывает это — существовало стремление вернуться снова ко времени невинности, сбросить все, что приобреталось на ложном пути, как бы начать жить первобытную жизнью земли с момента, предшествовавшего грехопадению; не переживать того, что произошло и установилось в общественном и народном строе, начиная с грехопадения и кончая римской империей или тем еврейским государством, в котором жил Иоанн

Креститель. И люди, придерживающиеся воззрения, что нужно вырваться из того, что принесло в мир грехопадение, уходят в пустыни, в уединение, ведут монашескую жизнь. Это очень ярко выступает при описании жизни Иоанна Крестителя в пустыне, как он питается акридами и медом, находимым в пустыне, как он одет в верблюжью одежду. Иоанн Креститель является в облике пустынноика, ищущего уединения.

Сравните с этим другое широкое течение этой эпохи, в которой нашло выражение то, о чем указывается в Евангелии от Иоанна.

Нужно уйти от материи, одухотворить себя, — учили тогда. Наидуховнейший отзвук этого: «Нежелание жить с миром», — слышится в гнозисе. И в монашестве нашло оно себе выражение. Но почему же? Почему же пронесся с такой силой над миром этот дух Евангелия от Иоанна? «Царствие Небесное, Царствие Божие близко», — гласит ответ. И тут мы должны понять то, что мы сказали последний раз о душах, становившихся все хуже и хуже после грехопадения и все меньше и меньше приспособленных быть для человеческого тела тем, чем они должны быть, о душах все более и более разрушавшихся. Так могло продолжаться в течение известного периода земного развития, но должно было прийти к концу, когда это земное развитие будет захвачено небесным развитием: когда оно овладеет земным. Такие люди, как Иоанн, провидели пророчески, что наступает время, когда для душ невозможно будет спасение, когда они погибнут, если не наступит нечто особенное. Или души должны отойти от всей жизни, протекающей с грехопадения, которое принесло с собой разрушение душ и тогда, значит, развитие Земли было напрасно, — или должно произойти нечто. Это и выражается в словах Иоанна Крестителя: идет за мной крестящий Духом Святым. Иоанн мог только спасти людей от последствий грехопадения, говоря: «Идущий за мной будет крестить Духом Святым». Иоанн мог спасти людей от последствий грехопадения, как бы вырывая их из мира. Христос хотел спасти их иным образом: Он оставлял их в мире, все-таки спасая их. *Он не хотел их возвращения к моменту до грехопадения, но хотел, чтобы они прошли все дальнейшие этапы земного развития и, несмотря на это,*

приняты были бы в Царствии Небесном.

Далее мы должны понять, в чем заключалась Воля Христа. Через все Евангелия звучит то, что заключается в Воле Христа Иисуса. Но это нужно почувствовать с глубочайшей серьезностью. Мы имеем четыре Евангелия. Каждое из этих Евангелий содержит, несмотря на все кажущиеся противоречия, известные основные факты и истины, совершенные или возведенные Христом Иисусом. Но в каждом из Евангелий эти основные факты и истины даны в определенном настроении. Но здесь именно важно то, что я приводил в связи с Рихардом Роте. А именно, что Евангелие нужно читать по-другому, чем это делают теперь. *Их нужно читать, впитывая в себя дуновение того, что их пронизывает, впитывая то особое, что царит в них.* Сейчас читают Евангелия, вкладывая в них то, что считается общим человеческим идеалом: во времена просвещения в Христе Иисусе видели просвещенного человека; из различных протестантских кружковых течений вырос образ Иисуса, настоящего представителя протестантских кружков XIX столетия. Эрнст Геккель довел дело до того, что сделал из Иисуса настоящего мониста, на свой образец. Все это вещи, которые должны быть оставлены человечеством. Самое главное, действительно, вместе с атмосферой времени, правильно почувствовать, что заложено в Евангелиях. Но это должно быть более или менее прочувствовано. Возьмем сначала Евангелие от Матфея. Возникает вопрос: с какой целью написано оно, что хочет оно? Можно легко впасть в обман по отношению многих вещей, которые легко принимаются, но которые совершенно неверно объясняются. Несмотря на то, что там стоит фраза, или, может быть, именно потому: «ни одна йота, ни одна черта не пройдет из закона», — можно полагать, что Евангелие от Матфея написано его автором с намерением, враждебным по отношению к традиционному еврейству. Это как бы сочинение, направленное против еврейства. Автор Евангелия от Матфея восстает против всего обычного еврейства и объявляет, что Воля Христа Иисуса была направлена на искоренение традиционного еврейства.

А Евангелие от Марка. Оно написано для римлян, против того, что образовалось во внешнем римском государстве, в мировой империи. Оно написано против системы законов римской империи, против социального строя римской империи; это сомнение, направленное против римской империи. Евреи очень хорошо понимали, или, лучше сказать, чувствовали, когда говорили: «мы должны Его убить, не то весь народ признает Его, и тогда придут римляне и возьмут у нас землю и страну». Евангелия от Матфея и от Марка написаны против еврейства и против римлян. Это настоящие, серьезнейшие полемические сочинения, не против еврейства по существу, конечно, как и не против римской империи по существу, но против того, чем сделались еврейство и римская империя внешне, как противоположность царства мира сего Царствию Небесному, или Царствию Божьему. В наше время относятся к подобным вещам не с той серьезностью, которая им подобает, и даже не подозревают этого. Недавно сверженный русский царь написал незадолго до войны 1914 г. на одном из своих приказов собственноручно следующие слова: «Твердо верю, что явятся великаны мысли и дела и принесут России благо и спасение». Представьте, если бы они действительно появились, эти великаны мысли и дела. Он бы их засадил, разумеется, в Петропавловскую крепость, или сослал бы в Сибирь. Вот что кроется сейчас за серьезными словами. Но не с такой «серьезностью» нужно вникать в глубины Евангелий.

А Евангелие от Луки, — третье Евангелие. Вся его важность постигается тогда, мои милые друзья, когда откроешь то место, где говорится, что Иисус в синагоге велел подать себе пророчества Исаии и прочитал в них написанное: «Дух Господен на мне; ибо он помазал меня благовествовать низшим и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым — прозрение, отпустить измученных на свободу».

И потом стал объяснять, что подразумевает под этим всю глубину, заключающуюся в этих словах Его. И в объяснении противопоставлял слова Свои тому, что жило кругом. Противопоставлял Царствие Небесное

и царствие мира сего и характеризовал их, говоря сначала о царствие мира сего, как об еврейском. Он говорил в еврейской синагоге: «Конечно, вы скажете: врач, исцели самого себя, сделай и здесь, в своем отечестве, то, что, мы слышали, было в Капернауме. Истинно говорю вам — ни один пророк не принимается в своем отечестве. Много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался голод по всей земле. И ни к одной из них не был послан Илия, а только к вдове — в Сарепту Сидонскую. И много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина. Никто из евреев не был исцелен или очищен Илией или Елисеем, а только те, кто были не евреи. Это Он сказал в пояснение слов Своих, чтобы характеризовать царство мира сего, противопоставляя его Царствию Небесному». Что же произошло?

«Услышавши это, все в синагоге исполнились ярости и вставши выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его. Но Он прошед среди них, удалился».

Вы видите, мои милые друзья, в Евангелие от Луки звучит протест не только против еврейства, как в Евангелие от Матфея, не против римлян, как в Евангелие от Марка, но против страстей, эмоций человеческих вообще, как они жили вокруг Христа Иисуса. Нужно воспринять весь великий импульс, заключающийся в словах Христа Иисуса. Тот импульс, который не шел с миром, но исходил из Царствия Небесного.

А Евангелие от Иоанна. Импульс Евангелия от Иоанна проникает еще дальше. Евангелие от Иоанна возвещает не против такого маленького народа, как еврейский, или такого большого, как римляне, или против всего человечества, как оно живет в своих страстях, начиная с грехопадения. Но Евангелие от Иоанна говорит против духов, живущих над физическим миром, *духов, отпавших от истинного пути*. И Евангелие от Иоанна становится понятным только тогда, когда знаешь, что, как в Евангелии от Матфея говорится к евреям, в Евангелии от Марка — к римлянам, в Евангелии от Луки — к человечеству, подпавшему грехопадению, так в Евангелии от Иоанна говорится к духам людей и к

духам, соприкасающимся с ними, павшим вместе с человечеством. С миром духов сводит здесь счеты Христос Иисус. Наше материалистическое время с легкостью скажет: так говорить может лишь фанатик. Пусть говорят, но это все не есть истина. И чем больше углубляешься в эти вещи, тем все больше и больше выявляется истина в них.

Этот выраженный в четырех аспектах импульс указывает нам, что Христос действительно принес в мир нечто, чего в нем не было. *Этого мир не любит и никогда не любил.* Но это должно быть дано в разные времена. Из Евангелий в достаточной мере явствуем нам, что слова Евангелия понимаются правильно лишь тогда, когда их помещают в Космос, рассматривая их принадлежащими всей космической мысли. Возьмем короткое, рельефное Евангелие от Марка — оно отвечает лучше всего на вопрос: кто признал раньше всех, что через Христа Иисуса в мир вошел грандиозный, только что описанный нами импульс? Кто признает? Можно было бы сказать: Иоанн Креститель. Но тот скорее **предчувствует** это, что особенно ярко явствуем из описания встречи Иоанна с Христом Иисусом в Евангелии от Иоанна. *Кто же признает это раньше всех? Демоны в одержимых, которых Иисус Христос исцеляет. Они первые возглашают: «Ты посланник Божий, Сын Божий!» и т.д. Это Демоны.* Христос первым запрещает выдавать Его духовным существам, Демонам. Нам указывается на отношение Слова Христова к духовному миру. Прежде чем люди осознали хоть на йоту, что живет через Христа в мире, Демоны уже говорят об этом из своего сверхчувственного познания: они фактически знают, что Он их изгоняет, может изгнать.

Поставим это в связь с тем, что я охарактеризовал конкретно раньше — с тайнами Царствия Небесного, из которых Христос Иисус давал свои импульсы. Если мы спросим, руководствуясь методом современного познания, в чем же заключалась особенная волшебная сила, действовавшая в Христе, то мы не достигнем ничего с помощью тех средств, которые употребляет современная историческая наука, когда она хочет познать. Этим ничего не достигнешь, ибо времена изменились,

изменились гораздо больше, чем это предполагают в настоящее время, думая, например, что две или четыре тысячи лет тому назад люди имели тот же вид, приблизительно, как и теперь, правда, сейчас они стали гораздо умнее, но в общем души человеческие были такие же, как и теперь. Затем идут еще дальше, отсчитывая миллионы лет.

Я недавно говорил в открытой лекции: отсчитывая миллионы лет вперед, приходят к концу мира; очень хорошо вычислено, каковы будут тогда отдельные субстанции: как молоко будет отверделым, но зато будет сиять. Я хотел бы знать, как будут доить это молоко, но не будем этого затрагивать. Белок будет употребляться на окраску стен, потому что он станет светящимся, так что при свете его можно будет читать газету. Все это говорил несколько лет тому назад Дьюар в Королевском институте, рассказывая о конце мира, как он вычислен физиками. Я употребил тогда такое сравнение: подобные вычисления физиков похожи на то, как кто-нибудь ходит и наблюдает, какие изменения произойдут с человеческими желудками или сердцем за два-три года, и затем умножает и вычисляет, какие изменения произойдут в 200 лет, каково будет человеческое тело через 200 лет. Это столь же остроумно. То же самое и с нашей Землей. Все эти столь прекрасно вычисленные физиками события, которые должны наступить через миллионы лет, весьма правильны, но дело все же в том, что земное физическое человечество задолго до этого уже существовать перестанет. А что касается тех миллионов лет, которые геологи считают назад, то эти вычисления похожи на то, как если бы взяли, например, желудок какого-нибудь 7-летнего ребенка и начали бы вычислять, каков он был 75 лет тому назад. Люди даже не замечают, что могут натворить подобным мышлением. В то время, о котором говорят геологи, еще не существовало физического человечества. Против таких заблуждений, произносимых к тому же чрезвычайно авторитетно, весьма полезно в наше время употреблять резкие средства, вроде следующих: ты вычисляешь, каков будет человеческий организм, изменившийся в течение 200 лет; но он же перестанет существовать за эти 200 лет как человеческий организм. И этому можно противопоставить, как это

вытекает из моих оккультных исследований (я знаю, что современная наука считает это безумием, но это, тем не менее, правильно), что современного человечества не будет через 8000 лет, как не будет жить через 200 лет человек, которому минуло сейчас 20 лет. Ибо из оккультного исследования вытекает, что *в течение шестого тысячелетия женщины с их теперешней организацией станут бесплодны, перестанут рожать детей.* И наступит совершенно иной строй. Вот что вытекает из оккультного исследования. Я знаю, что это кажется совершенным безумием для современного научно мыслящего человека. Но нужно прямо сказать, что то, что представляют себе сейчас под историей, под историческим процессом земного развития, является в нашу современную материалистическую эпоху самыми запутанными понятиями. Поэтому сейчас не понимают даже тех намеков, которые рассеяны во внешней истории, намеков на иную душевную организацию у людей сравнительно недалекого от нас времени. У одного из отцов церкви, Тертуллиана, жившего в начале третьего столетия после Мистерии Голгофы, встречается одно прекрасное место. Он говорит, что видел еще сам места учения апостолов, где их последователи читали из посланий апостолов, написанных их собственной рукой. И когда они смотрели на эти послания, то в духе их оживали фигуры апостолов. Для оккультного исследования это не пустые фразы. Верующие в звуках голоса последователей апостолов слушали звук голоса самих апостолов, а из их почерка восстанавливали перед собой и их образы. Так что в начале третьего столетия можно было внешне совершенно оживить фигуры апостолов и слышать в передаче их голоса. И еще Климент, римский папа, занимавший папский престол в 92-101 гг., знал апостольских учеников, знал людей, видевших Христа Иисуса. В эту эпоху имеются уже передающиеся традиции. И тут звучит еще нечто, что можно доказать оккультным исследованием. Те, кто, как апостольские ученики, слышали апостолов, могли уловить из звучания их слов манеру, звук голоса Христа Иисуса. Это имеет огромное значение, мои милые друзья. Нужно постичь именно вот этот звук, эту всю своеобразную сущность, заключающуюся в

живом слове Христа Иисуса, если хочешь понять врожденную Его словам магическую силу, о которой говорили слышавшие Его. Слушателей захватывала какая-то элементарная сила, элементарная сила слова, не встречавшаяся ни у кого больше. Но почему же?

Я говорил вам о Сен-Мартене. Сен-Мартен — один из тех, кто еще понимает смысл слов (масонские общества XIX столетия не понимали его) — смысл слов языка, общего некогда всем людям, всем существам земным и только потом разделяющегося на различные отдельные языки. То, что вставало в душе Христа Иисуса, было близко **внутреннему** слову. Внешне Ему приходилось, конечно, выражаться на языке своих слушателей. Его слова таили в себе не внешний отзвук обыкновенных слов, но исчезнувшую силу неразделившегося еще языка, и не составив себе представления об этой независимой от отдельных языков силы, присущей человеку, совершенно одухотворенному словом, невозможно постигнуть ту силу, которая жила в Христе, а также и значение того, что подразумевается под тем, когда о Христе говорят как о «Слове», с которым Он совершенно един, через которое Он действовал, которым Он исцелял и изгонял бесов. Это Слово должно было быть утеряно, ибо в этом состоит развитие человечества после Мистерии Голгофы. Это Слово должно быть снова найдено. Но данный момент нашего развития включает немного надежд на нахождение обратного пути.

Я напомню вам одно. Во всех Евангелиях мы встречаемся с одним весьма значительным фактом, который следует особенно отметить. Это тот факт, что Христос Иисус никогда ничего не записывал. Не существует ничего, записанного Им. Между учеными возникли даже споры, умел ли Он вообще писать? И те, кто утверждает, что Он умел писать, могут лишь указать на место, где рассказывается о женщине, обвиненной в прелюбодеянии, когда Христос чертил знаки на земле. Но если оставить это в стороне, Он нигде не записывал, подобно и другим основателям религии Свое учение. Это не случайно, мои милые друзья, но тесно связано с силой слова и полной силой слова. То, что сказано будет сейчас, говорится не только по отношению к Христу Иисусу, и должно быть

рассматриваемо как намек на нечто современное. Если бы Христос Иисус написал или записал Свои слова, перевел их в знаки, свойственные тогдашнему языку, то в них явилось бы нечто от Аримана; **ибо все, что в какой-либо форме закреплено, то является ариманическим.** Действие записанных слов иное, чем когда стоят ученики и внимают лишь собственной силе духа. Не следует представлять, конечно, что автор Евангелия от Иоанна сидел возле говорящего Христа Иисуса и стенографировал Его слова. Огромная сила, огромное значение всего этого познается из Акаша-Хроники, когда начинаешь постигать, что заключается в словах Христа Иисуса, направленных против книжников, против тех, кто черпает свою мудрость из писаний. *Он упрекает их именно в том, что они черпают ее из писаний, не сохраняя в душе непосредственной связи с тем источником, из которого непосредственно истекает живое Слово.*

В этом он видит как бы подмену живого слова и должен это видеть. Но все значения этого факта не будут поняты, если будут себе представлять память людей, живших в эпоху Мистерии Голгофы, подобно тому душевному решету, что зовется памятью в настоящее время. Те, кто слышали слова Христа Иисуса, хранили их верно в сердце своем и знали их буквально слово за словом. Ибо сила памяти была в те времена совсем другая и сила души поэтому тоже иная. Это была вообще эпоха, когда в короткий срок произошли большие изменения. Это мало принимается во внимание в настоящее время. История Востока, например, написана так, что видно, что историки вложили в нее то, чем обладают сейчас сами или заимствовали для нее из греческой истории.

Эта последняя имела большое сходство с еврейской, но восточная история протекала совсем по-иному, т.к. в период восточной истории свойства души были совсем иными. Нельзя даже представить себе, какие произошли огромные перемены в сравнительно короткое время, как сравнительно быстро исчезла та исполинская сила памяти, которой обладали люди в сумеречном состоянии древнего атавистического ясновидения. Все это было уже потеряно, когда настало время записывать

слова Иисуса. И слова эти имели ту же судьбу, какая была отмечена Христом Иисусом у писаний, против которых Он восставал. Предоставляю вам представить себе, что бы случилось, если бы в настоящий момент появился кто-нибудь, хотя бы хоть издалека похожий на Христа Иисуса, ученики которого говорили с тем же импульсом, как тогда Христос Иисус. Представляю вам подумать над тем, как вели бы себя те, кто называют себя христианами, вряд ли иначе, чем тогдашние первосвященники.

Теперь необходимо рассмотреть, исходя из этих предположений, тайну изживания Христа в Иисусе. Вспомним, что мы говорили о необходимости пройти как бы обратно путь, пройденный с VIII Вселенского Собора, т.е. обрести вновь трехчленного человека, состоящего из тела, души и духа. Без этого нельзя подойти к Мистерии Голгофы.

Тело. Мы наблюдаем извне то, что называется человеческим телом. Оно встречается нам только во внешнем мире. И когда мы наблюдаем свое собственное тело, мы наблюдаем его только извне. Тело дает нам внешние восприятия. И наука, или то, что называется наукой, занимается именно этим телом.

Душа. Я пытался вам представить душевное, говоря об Аристотеле. Когда имеешь дело с душевным, то нужно помнить, что Аристотелевы представления отнюдь не совсем неправильны. Ибо то, что называется душевным, возникает более или менее с каждым отдельным человеком. Но Аристотель жил в такое время, когда он уже не вполне мог уловить связи души с космосом. Он поэтому и говорит, что при создании человека возникает вместе с физическим и душевное бытие. Аристотель является представителем так называемого *креационизма*. Но после смерти, душа, по его воззрению, живет каким-то неопределенным образом. Об этом Аристотель особенно не распространяется, ибо в его время познание души было уже несколько затемнено. Ибо дальнейшая жизнь этого душевного зависит от того более или менее символического факта (назовите это, как хотите — это не столь важно), который называется *первородным грехом*. Это именно повлияло на то, что, когда наступило время Мистерии Голгофы, человеческие души были уже настолько подвергнуты опасности

разрушения, что не могли найти обратного пути в Царствие Небесное, будучи связаны с земным бытием и со всем его будущим развитием. Душевное, значит, идет по собственному пути. Дальше в наших лекциях мы попытаемся охарактеризовать его.

Третье есть духовное. Телесное находим мы, идя по пути: отец-сын. Сын становится вновь отцом и т.д., и качество наследуется от поколения к поколению.

Душевное создается, как таковое, с возникновением человека и остается существовать после смерти. Его судьба зависит от того, насколько душа остается близкой Царствию Небесному. Третье есть дух. Дух живет в повторных жизнях. Для духа имеет большое значение, какие тела найдет он при своих повторных земных жизнях. Внизу, на Земле, идет, с одной стороны, линия наследственности. Дух, конечно, влияет на нее, но линия эта пронизана физически унаследованными качествами. И качества, находимые вновь воплощающимися духами, зависят от того, возвышается ли или вырождается человечество. *Невозможно, исходя из духа, создавать тела по личному усмотрению.* Можно выбрать себе те, которые относительно лучше подходят к духу, желающему воплотиться, но нельзя создавать их, как хочешь. Вот что я хотел сказать в моей книге «Теософия», когда писал о трех путях: дух, душа и тело. Это нужно усвоить, как следует. Ибо к общей идее Бога приходишь тогда, когда проходишь путь внешнего наблюдения, наблюдения телесного. *Наблюдая телесное, постигаешь идею Бога.* Приходишь к той идее, которую находит только та мистика и та философия, о которой я говорил сегодня вначале. *Наблюдение же души ведет к Существу, называемому Христом, которого не находишь в природе, хотя Он имеет отношение к ней, но которого находишь в истории, как историческое существо. К духу и к повторным земным жизням духа приводит самонаблюдение.*

Наблюдение космоса и природы ведет к божественному существу в его общем, лежащем в основе, благодаря которому мы рождаемся.

Ex Deo Nascimur

Наблюдение же истинной истории ведет нас к познанию Христа Иисуса и далее к познанию, необходимому нам для познания судеб души.

In Christo Morimur

Углубление внутрь, духовное переживание ведет к познанию сущности души в повторных земных жизнях и ведет, взятое в связи с тем, в чем оно живет, со спиритуальным, к видению Духа Святого.

Per Spiritum Sanctum Reviviscimus

Трихотомия лежит в основе не только тела, души и духа, но также и всех тех путей, по которым мы должны идти, дабы составить себе ясное представление о мире. Наше хаотически мыслящее время не разбирается в этих вещах и даже не пытается.

Вы знаете, что существуют атеисты, отрицающие Бога, есть люди, отрицающие Христа, дух — материалисты. Сделаться атеистом возможно только при неспособности ясно разбираться в процессах внешней природы, телесности. Но это возможно только при притуплении телесных сил. Ибо если они не притуплены, то тогда невозможно стать атеистом. Ведь Бога переживаешь постоянно. ***Атеизм есть поистине болезнь души.*** Отрицание Христа Иисуса является не болезнью, ибо Его нельзя найти в процессе человеческого развития. Если Его не находишь, то не находишь и той силы, которая спасает душу за пределами смерти. ***Отрицание Иисуса, отрицание Христа является несчастьем для человеческой души.*** Заметьте это различие. ***Отрицание Духа является самообманом.*** Очень важное значение имеют медитации над этими тремя понятиями: ***атеизм, как болезнь души, отрицание Иисуса — как несчастье и отрицание Духа — как самообман.*** Это как бы три великих заблуждения человеческой души: болезнь души, несчастье души, обман души — самообман. Все это крайне необходимо, если хочешь заложить краеугольные камни для приближения к Мистерии Голгофы, ибо необходимо познать отношение Христа Иисуса к человеческой душе. Но тогда необходимо рассмотрение судеб самой

человеческой души в процессе земного развития, а также и обратного воздействия импульса, исходящего от Христа, на человеческую душу, на человеческий дух.

А затем, для конца, чтобы мы все до послезавтра немного бы продумали все это, я дам вам нечто, для приготовления к рассмотрению глубин Мистерии Голгофы.

Посмотрим, как наблюдает природу по современному воспитанный человек. Она протекает по своим естественным законам, по которым составляется представление о начале, середине и конце Земли. Все наблюдения основаны на естественных законах. Наряду с этим имеется и моральный мировой порядок. Подчинение категорическому императиву, как у кантианцев, связь с моральным мировым порядком. Но вспомните, как ослабла в наше время идея, представление об объективной реальности этого мирового порядка, реальности, связанной с представлением о природе. Какие бы ни были материалисты, например Геккель, Аррениус, они все-таки думают, что Земля идет, конечно, навстречу остыванию, или энтропии, назовите, как хотите, и те маленькие божки, которые они называют атомами, будут, правда, рассеяны, но зато сохранятся. Сохранение материи, как и подобает современному мировоззрению. *Но эти представления о материи не допускают мысли о том, что станет с моральным мировым порядком, когда Земля остынет или достигнет энтропии.* Ему нет места в мыслимом подобным образом земном бытии. Куда денется весь мировой порядок, когда исчезнет физический человеческий род? Другими словами: моральные представления, с которыми чувствуешь себя связанными, к которым стремится совесть, человеку, конечно, необходимы, но они совершенно не связаны с порядком природы, тем, что реально необходимо, что называется необходимым по воззрениям на эту природу. Нужно честно сознаться себе, что эти представления потеряли свою силу. Они еще достаточно сильны, чтобы направлять поступки человека, быть связанными с ними благодаря совести, но они не имеют уже достаточной силы, чтобы позволить думать, что то, что представляешь себе под какой-

нибудь моральной идеей, есть нечто реально действенное. Для этого необходима сила, заставляющая эту идею быть реально действенной. Что же это? ***Это Христос. Это одна сторона Сущности Христа.***

Пусть все, что живет в камне, в растении, животном, человеческом теле, в земных элементах тепла или воздуха, пойдет по пути, о котором говорит естествознание. Пусть все человеческие тела обретут могилу в конце земного бытия. Из естествознания следует, что все, что заставляло нас жить, следуя морали, рассеется. Но по христианскому представлению в Существе Христа заложена сила, завладевающая нашими моральными представлениями и образующая из них новый мир. «Небо и Земля пройдут, но слова Мои не пройдут». *Это сила, уносящая на Юпитер моральное начало земной жизни.*

Представьте себе Землю, как представляете себе растение, моральный порядок — как семя внутри, а силу Христа — как то, что заставляет произрастать семя как будущую Землю, как Юпитер, — и перед вами возникает представление Евангелия, как оно дается духовной наукой. Но каким образом может это осуществиться? Как может представление, живущее по натуралистическим понятиям, только в мысли, представление, с которым чувствуешь себя морально связанным, как может быть оно переведено в реальность, подобную той, которая горит в каменном угле или летает вместе с пулей в воздухе? Как уплотнить такие тончайшие представления, как моральные? Для этого необходим импульс. Эти моральные представления должны быть захвачены каким-то импульсом. Но где же он, этот импульс? Вспомните сказанное нами раньше: ***вера не должна быть суррогатом знания. Вера должна быть действительна.***

И действие ее должно заключаться в превращении наших моральных представлений в реальные. Она должна перенести их и создавать новый мир. Важно то, чтобы представления веры были не просто недоказанным знанием, тем, чему верят, потому что не знают, а чтобы в том, во что верят, таилась бы сила, способная превратить в реальное мировое тело семя морали. Эта сила должна была быть принесена на Землю через

Мистерию Голгофы. Эта сила должна была быть заронена в души учеников, когда мы говорили о том, чем не обладали имеющие писания. Вся суть в силе веры. И если не понимают, что приносит Христос словами «упование», «вера», то не понимают и того, что вошло в развитие Земли во время Мистерии Голгофы.

Вы видите теперь, что речь идет о некоем космическом значении. Ибо то, что мы называем внешним природным порядком, следует по своему естественному пути. И как на известной ступени развития развивается семя естественного растения, так новым семенем явилась Мистерия Голгофы для будущего развития Юпитера, в котором примет участие вновь воплощающийся человек.

Так выясняется из рассмотрения собственной природы существа Христа, каким является Оно в космосе, как Оно в известный момент развития Земли вливает в него юную силу. Иногда это может проявиться грандиозно, но только для того, кто постигает это космическими познаниями, как, например, автор Евангелия от Марка. Когда после предательства Иуды приходят за Христом, автор Евангелия от Марка, смотря духовными очами на эту сцену, видит между убегающими юношу, одетого только в плащ. Его хватают за плащ, но он вырывается и убегает. Это тот же самый юноша, который в том же Евангелии от Марка возвещает в белых одеждах у гроба, что Христос воскрес. Так запечатлелось в имагинативном познании это место в Евангелии от Марка. Перед вами имагинативно встреча прежнего тела Иисуса с зародышем нового мирового порядка.

Почувствуйте, мои милые друзья, связь этого с тем, что я говорил недавно, что тело человеческое по своей организации не подлежит смерти, но, как тело, предрасположено к бессмертию. Продумайте это в связи с той истиной, что животное, вследствие своей организации, смертно, но не человек. Ибо человек смертен благодаря своей душе, которая подверглась разрушению. Но это последнее остановлено Христом. Продумайте это и вы поймете, что в человеческом теле должна произойти какая-то перемена в связи с появлением в земном развитии Мистерии

Голгофы. В конце земного развития разрушающая человеческое тело сила, появившаяся как следствие грехопадения исчезнет, и тело будет восстановлена вновь силой Христа, и человеческое тело явится тогда в своем истинном физическом образе.

Признание трихотомией тела, души и духа восстанавливает значение «Воскресения во плоти». Иначе его не постигнешь. Современный просвещенный человек сочтет это за ретрограднейшую мысль, но тот, кто из источника истины познал повторность земных жизней, тот познает и реальное значение воскресения человеческих тел в конце земного развития. И если Павел прав, говоря: «А если Христос не воскрес, то тщетна и проповедь наша, тщетна и вера наша», — то это и доказывает истину, как мы уже знаем из нашего духовнонаучного рассмотрения. Если это истинно, то истинно, с другой стороны, и следующее: если бы земное развитие не привело бы к сохранению человеческого тела, образующегося в течение развития Земли, если бы это тело погибло в течение земного развития, и человек не мог бы воскреснуть силою Христа, то тщетна была бы Мистерия Голгофы и вера, которую она принесла. Это необходимое дополнение к словам Павла. Этим мы начнем послезавтра, в четверг, нашу лекцию.

Четвертая Лекция

ФИЗИЧЕСКОЕ И МОРАЛЬНОЕ

12 марта 1917 г., Берлин.

Мои милые друзья!

Чем дальше углубляешься при помощи духовнонаучных принципов в Мистерию Голгофы, тем больше убеждаешься, что грядущие времена должны, как бы в силу естественных событий, все глубже проникнуть в эту Мистерию Голгофы. И в отношении многого станет ясно, что то, что понято до сих пор из Мистерии Голгофы, есть лишь как бы подготовка к истинному пониманию самой Мистерии и прежде всего того, что должно было быть изжито человечеством благодаря Мистерии Голгофы. Не подлежит никакому сомнению, что все поясняемое нами сейчас в области духовной науки таким сложным и, как многие утверждают, «трудно-понятым» образом, при помощи всевозможных пояснений, все это в будущем будет даваться совершенно просто и в немногих словах. Это вполне допустимо. Но таков уж ход духовной жизни, что великие, простые, постигаемые в немногих словах истины должны быть сначала завоеваны, проработаны, и не в каждый момент могут даваться глубочайшие истины в простой форме. И карма нашего времени именно такова, что нам приходится еще много трудиться над тем, чтобы понять душою всю важность и значение Мистерии Голгофы.

В сегодняшней лекции, составленной тоже в форме афоризмов, я принужден снова оттенить ту же точку зрения, что чрезвычайно важно усвоить себе представление об «уповании» и о «вере», как о чем-то, несущем в себе источник силы.

Нужно уяснить себе, что внешнее материалистическое мировоззрение стремится исключить при рассмотрении мира моральную сторону этих вещей. Я уже много раз указывал на то, как стремится не только научное, но и популярное, самое простое мышление наших дней исключить моральное из понятия о развитии мира. В настоящее время считается весьма важным выяснить, благодаря каким физическим законам возникла из мировой туманности наша Земля, каково было ее начало и какими физическими законами будет обусловлен ее конец. Наши моральные представления как бы отступают перед этими физическими, и я уже

указывал на то, что они не обладают достаточной силой реальности. Мы осуждены на это в наше время. И развитие подобных представлений будет идти еще дальше. Человеку, твердо стоящему на точке зрения естественнонаучного воззрения, конечно, покажется крайне фантастическим, полным суеверия представление о том, что *в начале нашего земного бытия произошел некий факт, о котором можно судить только с точки зрения морали*, как это и делается в Библии в рассказе о грехопадении. И современное мировоззрение не может представить себе такого развития морального вплоть до конца нашего земного бытия, по которому это самое моральное перенесет, все наши физическо-химические процессы, как бы изменив их, в другое планетарное бытие, в бытие Юпитера. Представления физического и представления морального идут рядом и *не переносят друг друга*. Естествознание стремится совершенно устранить моральное, а моральное начинает как бы свывкаться с тем, что не обладает физической действующей силой.

Современная религиозная догматика пытается заключить компромисс с естествознанием, причем естествоиспытатели особенно обращают внимание на то, чтобы как можно тщательнее отделить моральное от разных физических, химических, геологических и других процессов.

Вам может показаться, что сегодняшняя исходная точка моего рассмотрения не имеет ничего общего с ним, но впоследствии вы увидите, что она именно к нему и приводит. Сначала я обращаю ваше внимание на то, что не все люди, занимающиеся рассмотрением мира, исключали все моральные суждения, обращаясь к высшей природе и процессам ее. Это в высшей степени интересно. Современному ботанику ни за что не придет в голову применять какие-либо моральные понятия при изучении законов роста растения. Он счел бы наивностью применение морального масштаба к произрастанию растений, точно можно у растения спрашивать о морали. Представьте себе, какой бы вид имел человек, провозглашающий нечто подобное. Но не все люди были таковы. И, как на характерный пример, я укажу вам на одного человека, который не походил на других, на человека, слывущего у многих не за истинного христианина, но

бывшего в своем мировоззрении лучшим христианином, чем многие другие. Откройте любое католическое сочинение о Гете и вы увидите, что к Гете, конечно, относятся с известной снисходительностью, считаясь с ним все-таки, как с величиной, все время подчеркивая, однако, что он недостаточно серьезно относится к христианству. Но в Гете таилось гораздо больше христианского, чем в тех людях, у которых, по известному изречению, всегда на языке: «Господи, Господи ...». У Гете не было на языке этого «Господи, Господи», но все же его мирозерцание было полно самого настоящего христианства. Я обращаю ваше внимание на то, на что обыкновенно не обращают внимания, говоря о Гете. В своем учении о метаморфозе Гете пытался, как известно, составить представление о росте растений.

Я уже часто упоминал о разговоре, который он имел с Миллером по поводу этого учения о метаморфозе, после лекции венского профессора Барча. Миллеру не нравилось, как Барч говорил о растениях: по его мнению, не следовало так разлагать на отдельные части, а лучше прибегнуть к иному способу рассмотрения. Гете набросал в ответ несколькими штрихами идею своей метаморфозы растений, чтобы показать, что можно подразумевать как духовную связь между отдельными явлениями растений. «Это не действительность», — возразил Миллер, — «это идея, не обусловленная опытом действительности, а идея». Гете, не поняв этого, как следует, возразил: «Если это идея, то я вижу мои идеи глазами». Он не понимал, следовательно, идеи, не воспринимающейся из действительности, подобно звуку или цвету. Он утверждал, что *видит свои идеи глазами*. В этом уже кроется указание на то, что Гете пытался созерцать и духовное в росте растений. Но Гете всегда ясно сознавал, что все, что он имеет сказать современникам, может быть им сказано до известной границы, ибо для многих вещей еще не настало время.

Затем оказалось, что гетевское учение о метаморфозе дало как бы известный импульс некоторым ученым естествоиспытателям, специалистам, как, например, ботаникам Шельверу и Геншелю. Они

писали весьма странные вещи о росте растений, вещи, за которыми Гете следил с живейшим интересом. Современному ботанику покажется совершенным безумием этот обмен мнений между Гете, Шельвером и Геншелем. Очень полезно вспомнить по этому случаю слова апостола Павла, что *безумие перед людьми есть часто мудрость перед Господом*. У Гете мы встречаем несколько афоризмов по поводу впечатления от способа представления Шельвера. Я в нескольких словах укажу на то, что хотел сказать Шельвер. Шельверу был до крайности противен тот способ, посредством которого люди, и в частности ботаники, рассматривают растения; вот что говорит он: «Посмотрите, как люди представляют себе растения. С одной стороны, в цветке развивается пестик, с другой — тычинки. Пестик, по мнению людей, оплодотворяется тычинками, и благодаря этому происходит новое растение». Шельвер с этим не соглашается. Подобная идея совсем не в духе растительного царства, в действительности же каждое растение единственно в силу того, что оно (растение) в состоянии воспроизводить себе подобных. А оплодотворение рассматривается Шельвером как явление побочное, даже как нечто искусственное, как ошибка природы. Правильнее было бы и более согласно природе, если бы каждое растение было бы в состоянии воспроизводить из себя, без оплодотворения, дальнейшее растение, чем это делает, например, ветер, бросая на пестик пыльцу и способствуя таким образом развитию растительного царства.

Гете, всегда внимательно следивший за превращением растений, листа в цветок, рассматривал как нечто само собой разумеющееся, что все растение, метаморфозируясь, может воспроизвести новое растение. Идея Шельвера ему понравилась, и последствием этого явился афоризм, созданный им совершенно серьезно, но являющийся для современного ботаника совершенным безумием. В очерке, посвященном Шельверу, мы находим следующие слова: «Это новое учение об опылении можно только приветствовать, оно крайне уместно, когда приходится читать лекции перед молодежью и дамами. До сих пор преподавателю приходилось всегда испытывать неловкость, когда подобным невинным душам,

желавшим учиться далее, попадалась какая-нибудь ботаническая книга, то нравственное чувство их было всегда глубоко оскорблено, эти вечные надоедливые свадьбы, при которых моногамия, эта основа нравов, закона, религии, превращается в какое-то неопределенное сладострастие, всегда останутся отталкивающими для чистого человеческого ума».

Итак, представьте себе: Гете бросает взгляд на растительное и находит невыносимым, что там происходят вечные свадьбы, вечное оплодотворение, было бы уместно, по его мнению, если можно было совсем об этом не говорить более, а только о том, что растение собственной силой может воспроизводить себе подобных. И он развивает это далее:

«Ученых филологов часто упрекают, и не без справедливости, в том, что они, как бы желая вознаградить себя за безрадостную сухость своих трудов, тратят гораздо более, чем это следует, труда на толкование не очень пристойных легкомысленных мест у древних авторов. В этом же повинны и некоторые другие естествоиспытатели, которые, заметив у доброй матери-природы некоторые упущения, не преминули отнести к ней, как к древней Баубе, с весьма недвусмысленными шутками. Я припомню, что видел где-то арабески, в которых весьма наглядным образом, по античному образцу, были представлены внутри цветов отношения полов».

Гете считает, значит, весьма желательным, чтобы эта половая точка зрения была бы удалена из растительного царства. Даже в его время это считалось безумием, в настоящее же время, в эпоху *психоанализа*, когда стараются объяснить все сексуальностью, было бы сочтено за еще большее безумие, если бы кто-нибудь выразил мнение, что наблюдение природы протекало бы успешнее, если бы к нему не примешивался этот аморальный сексуальный принцип. Гете подчеркнул: «Шельвер является весьма крайним, он осмеливается на многое». Но нигде Гете не говорит, что ему неприятна эта крайность, наоборот, он приветствует ее появление с радостью.

Нужно заглянуть глубже в душу Гете, в его христианскую душу, чтобы

понять, что лежит в основе всего этого. Тот, кто наблюдает природу с современной естественнонаучной точки зрения, тому нечего делать с подобными представлениями, ибо для них необходимы известные предпосылки. И предпосылки эти гласят, что растения, какими они являются сейчас, противоречат своему *первоначальному* предрасположению. Для того, кто углубляется как следует в растительное царство, с необходимостью становится ясным, что когда я смотрю на первоначальное предрасположение растения к росту, то я вижу, что тот способ, как летает и оплодотворяет цветочная пыльца, совершенно не соответствует первоначальному предрасположению растений. Это должно было быть по-другому. А для этого, мои милые друзья, необходимо уяснить себе, что ***все расстилающееся вокруг нас растительное царство снизошло из первоначально совсем иной формы в ту форму, какую мы видим сейчас.***

Свойственное Гете воззрение на природу как бы прозревало в современных растениях то, какими они были бы до грехопадения — употребим это символическое выражение. И действительно, по Гете всякое учение о метаморфозе не понятно, если не проникнешься настроением невинности, наивности, царящим в ней, если не будет понято то, что хотел сказать Гете своим учением о метаморфозе. «Все, что происходит в растительном царстве, не было ему предопределено заранее, оно достигло его только тогда, когда земное развитие спустилось из одной сферы в свою теперешнюю». Исходя из этого вы можете распространить это представление и на минеральное царство, в котором тоже не все так, как было первоначально.

И наблюдающий эти вещи чисто научно с необходимостью должен прийти к тому, что это правильно вплоть до царства животных, пока мы имеем дело с так называемыми хладнокровными животными, но отнюдь не с теплокровными. ***Минеральное царство, растительное и царство хладнокровных животных не таковы, значит, какими были первоначально.*** Они спустились из одной сферы в другую и сделались тем, что делает сейчас необходимым проявление в них сексуальности. Эти

царства как бы не могут достичь полного развития таящихся в них способностей и требуют помощи. В растении скрыта первоначальная способность не только проходить метаморфозу от листа к цветку, но и воспроизводить новое растение. Но ему не хватает сил на это, оно нуждается во внешнем побуждении, потому что покинуло область, в которой обитало прежде. И с минеральным царством было бы по-другому, и с царством хладнокровных животных. **Эти существа как бы осуждены остановиться на полпути.**

Теперь обратимся к противоположным царствам природы, **царству теплокровных животных и царству растений, подвергающихся одревенению**, т.е. деревьев (ибо те упомянутые мною раньше растения, в которых планомерно происходит метаморфоза, суть растения, производящие зеленые листья и стебли, а не деревенеющие растения), **также к физическому роду человеческому**. Я уже обращал в предыдущей лекции ваше внимание на то, что физический человек, каковым является он сейчас, отнюдь не отвечает своему предрасположению, ибо тело его, в сущности, предрасположено к бессмертию.

Но это идет еще дальше. Не только созданный для бессмертия физический человек не несет в себе этого предрасположения, но и другие существа, такие, как *дереveneющие растения и теплокровные животные, не несут в себе смерть*. Они не таковы, какими были первоначально: не то, чтобы они были созданы бессмертными — они спустились вниз, и благодаря этому произошло для них нечто другое. Я сказал: существа минерального и растительного царств и хладнокровные животные не могут развить свои способности до конца, они нуждаются во внешнем влиянии. Существа теплокровных животных, деревенеющих растений — т.е. образующих кору и древесину — и человек не являют в современном своем образе своего происхождения, своего начала. Первые существа, значит, не развиваются до конца, нуждаясь в постороннем влиянии. Существа, обозначенные мною как вторая группа: деревенеющие растения, теплокровные животные и люди, — в том виде, в каком они есть

сейчас, не проявляют своего начала, как бы отрицают его.

Первая группа не может выявиться до конца, а вторая проявляет себя так, что из ее теперешнего состояния невозможно проследить ее начало.

Все вышесказанное можно принять как предпосылку известного направления, по которому пойдет исследование природы в будущем. Ему с необходимостью придется различать между предрасположением людей и их настоящим состоянием.

Возникает вопрос: отчего же все это произошло? Нас окружает природа, не соответствующая тому, чем она должна быть, даже если ее рассматривать с естественнонаучной точки зрения. Почему же все это произошло? Что причиной, виной этому? И ответ гласит: ***во всем виноват человек!*** И вина его состоит в подпадении люциферическому влиянию, как я его уже изображал, в том, что в начале Библии рисуется, как первородный грех. Событие это есть для духовной науки истинный факт, но факт, касающийся не только человека, мои милые друзья. Непосредственно коснулся он, правда, человека, но человек обладал такой силой, такой мощью, что он увлек за собой всю природу. Он увлек за собой развитие растений, так что они уже не могут довести своего развития до конца и нуждаются во внешнем толчке. Человек довел до того, что наряду с хладнокровными животными существуют и теплокровные, т.е. страдающие наряду с человеком. Человек вовлек их в сферу, в которую он сам попал благодаря люциферическому искушению.

В настоящее время представляют себе так, что человек всегда находился в таком отношении к миру, как сейчас, что он ничего не может сделать по отношению к остальной природе, что животные и растения возникают наряду с ним, без его видимого влияния. Но так было не всегда. Прежде чем возникло настоящее положение в природе, человек был могучим существом, не единолично совершившим тот поступок, который называют люциферическим искушением, но и вовлекший в него всю земную природу, и завершением этого явилось полнейшее отрешение морального от природного.

Мои слова звучат совершенно непонятно для человека, мыслящего естественнонаучно. Но они станут со временем понятны. Современное естествознание есть лишь эпизод, несмотря на все свои заслуги, все свои завоевания. Его сменит иное, которое вновь признает существование высшего мирозерцания, по которому природное и моральное суть лишь две стороны одного и того же существа. *Но не пантеистическая расплывчатость приведет к подобному мировоззрению.* Нужно только прийти к конкретному рассмотрению, то, как действительно явствует из внешнего бытия, что оно предрасположено к иному, а не к тому, что проявляется сейчас в обыкновенном порядке природы. Нужно только иметь мужество применить моральный масштаб также и к внешнему природному бытию. Современное монистическое мирозерцание вменяет себе в особую заслугу, что оно повсюду исключает моральное. Но оно делает это из трусости, из трусости познания, не желая проникнуть до границ, до которых довел Гете — где действительно выступает уже необходимость применить моральный масштаб, точно так же, как и для внешнего наблюдения наступает необходимость применить чисто внешний естественнонаучный масштаб.

Мои милые друзья! Эта возможность, представлять себе внешний мир пронизанным моральным принципом, исчезла бы для человека, если бы в начале нашей эры не произошла Мистерия Голгофы. Мы уже видели, что все, что связано с природой, несет в себе разрушение, что все оно спустилось из иной области, и что оно должно вновь подняться над тем уровнем мирозерцания, на котором находится теперь. Наше мирозерцание должно подняться над этим уровнем. К этому же принадлежит и наше мышление. И если современные Дю-Буа-Раймоны и другие утверждают, что наше мышление не в состоянии подойти к действительности, если они утверждают *«ignorabimus»*, отрицая познание, то это, в известном смысле, правильно. Но почему? Потому что *наше мышление тоже снизошло из предназначенной ему области и должно найти обратный путь туда.* Все находится под влиянием этого нисхождения самого мышления. Так что можно сказать: до известной

степени правы утверждающие, что мышление не может проникнуть далее, но это мышление подвергалось разрушению наряду с другими сущностями и должно вновь подняться. И импульс к возвышению мышления заложен в Мистерии Голгофы, т.е. в том, что проникло, как импульс, в человечество благодаря Мистерии Голгофы. *Даже наше мышление подвержено отчасти влиянию первородного греха и должно быть освобождено от него, чтобы проникнуть в действительность.* Наше естествознание, с его аморальной необходимостью, есть лишь продукт испорченного, спустившегося мышления. Не имеющие мужества признать это, находятся не внутри, но вне всякой действительности.

То, что в Мистерии Голгофы заложена та сила, которая может возвысить вновь упавшее из высшей области в низшую, становится особенно ясным при рассмотрении отдельных конкретных вещей. Что произошло бы с земным развитием, опустившимся благодаря человеку на более низкую ступень вместе со всей природой (это есть отнюдь не какое-либо аскетическое воззрение, а просто факт, подобный естественнонаучным фактам), что сделалось бы с земным развитием, опустившимся благодаря человеку, если бы не был дан новый импульс через Мистерию Голгофы? Как не может существовать растение, если вырвать его пестик, так не могла Земля пройти свое развитие, если бы не было Мистерии Голгофы.

Мы находимся сейчас в пятом послеатлантическом периоде. В четвертом, в его первую треть, произошла Мистерия Голгофы. Тот, кто не слеп, может вполне ясно убедиться в существовании в наше время обратного течения. Наше мышление, которое должно проникать в самые глубины сущности вещей, переживает упадок. В этом мышлении, в глубоком ощущении сущности вещей, замечается упадок. Коперниканское мировоззрение и тому подобные вещи суть колоссальные явления, но они могут вести лишь к поверхностному познанию вещей, они не проникают в глубину. Они именно и возникли вследствие того, что в течение некоторого периода и не старались проникнуть в глубину. Это непроникновение, мои милые друзья, заходило бы все дальше и дальше. И

уже сейчас можно было указать на известные конкретные факты, которые имели бы место, если бы подобное направление продолжалось, и чему помешало только все большее и большее влияние импульса Мистерии Голгофы.

Мои милые друзья! Взгляните вместе со мной, как сквозь окошко, на возможное развитие человечества, но забудьте то, что я вам покажу сквозь окошко, для внешнего мира, чтобы не подвергаться насмешкам при описании известного факта. Ибо в настоящее время поднимается сейчас же адский хохот, если слышат что-либо подобное. Но если будут, например, развиваться все интенсивнее воззрения царящие в чисто научном университетском естествознании, если они будут все более широко распространены (мы живем в пятом послееатлантическом периоде, за которым последует шестой и седьмой), то известные вещи примут весьма странные формы, если Мистерия Голгофы не будет воспринята особенно углубленно. В настоящее время, если кто-нибудь заговорил бы о таком новом научном воззрении на грехопадение, как вышеприведенное, заговорил бы вне круга, подготовленного к этому приобретенными в течение многих лет представлениями, показывающими, что это вполне доказывается научно, его бы сочли за безумца, он подвергся бы насмешкам. Он не встретил бы никакого доверия к своим воззрениям во внешнем материалистическом мире, в мире, стоящем вне христианства. Это относится к началу пятого послееатлантического периода. В шестом же послееатлантическом периоде будет уже по-иному, в особенности для одной части человечества. Понадобится упорная борьба, чтобы провести Христов импульс. В настоящий момент принято прибегать к бичу насмешки, издевательства, или, как это теперь называется, — к **бичу критики** по отношению к тому, кто пытается провозгласить истину, опираясь на духовнонаучное познание. **В шестую эпоху начнут таких людей лечить.** Т.е. будут изобретены лекарства, которые насильственно будут даваться всем утверждающим, что существуют нормы добра и зла, что добро и зло не являются человеческими утверждениями. Наступит время, когда скажут: «Что вы говорите о добре и зле? Их устанавливает

государство. Добро есть то, что предписывается законом как добро; то же самое и зло, которого закон предписывает избегать. Если вы говорите о каком-то моральном добре и зле, вы, значит, больны». И таким людям будут даваться лекарства, будут их лечить. Такова тенденция. Это не преувеличение, это только то, что вы можете увидеть через окно, о котором я говорил. К этому клонится ход времени. А что последует за этим в седьмой послеатлантический период, — этого я вам пока не скажу. Но это правда. Нельзя задержать того, что существует в человеческой природе, оно все равно проявится тем или иным способом. Наступит время, когда люди будут считаться больными по понятиям естественнонаучного воззрения и для их исцеления будут применяться необходимые лечения. Это отнюдь не фантазия. Самое трезвое наблюдение действительности приводит к тому, о чем я сейчас говорил. И кто имеет глаза и уши, может видеть уже начало этого.

И важно постигнуть во всей глубине, мои милые друзья, и постепенно внедрить это в жизнь, что то, что составляет человеческое эфирное тело, не таково, каким оно было первоначально предназначено для человека (в этом-то и вся суть, отсюда вытекает все остальное). Ибо это человеческое эфирное тело не содержит различного эфирного, полученного им ранее, а оно получило все виды эфирного в полной его жизненности, но сейчас осталась из них одна теплота. Поэтому-то и обладает человек теплой кровью, наряду с животными, которых увлек за собой в своем падении. Человек имеет возможность перерабатывать тепловой эфир особым образом. Но со световым эфиром дело обстоит уже иначе. Человек воспринимает его, но излучает его так, что при известном низшем ясновидении можно различать в ауре человека эфирные краски. Они существуют там. Кроме того, человек был также предрасположен к обладанию собственным звуком, тона и общей гармонии сфер, он обладал индивидуальным тоном и первоначальной жизнью, так что эфирное тело всегда имело бы возможность сохранить физическое тело бессмертным, если бы это эфирное тело удержало в себе эту первоначальную жизненность.

Тогда не случилось бы многого другого, мои милые друзья. Ибо если бы эфирное тело осталось в своем первоначальном виде, то человек остался бы в той высшей области, из которой он спустился. Он не подпал бы люциферическому искушению. В этой области были бы тогда совершенно иные соотношения. Они были некогда. И такие умы, как Сен-Мартен, обладали еще сознанием, что эти соотношения существовали. Оттого и говорят они о них, как о некогда существовавшей реальности.

Представим себе в нашей душе хотя бы одно из таких соотношений. Человек не мог бы тогда говорить так, как он говорит сейчас, ибо он никогда не произносил свои слова так, чтобы благодаря этому единый, общий язык распался бы на множество разных языков. Ибо различие языков происходит от того, что язык сделался чем-то пребывающим. Но он отнюдь не предрасположен к этому, а к совершенно иному. Вы должны живо представить себе, к чему человек был предрасположен. Если бы в человечестве была бы — я говорю не про теорию, а про душу — хотя бы одна искорка гетевского мировоззрения, то тогда поняли бы смысл такой фразы. Представьте себе человека, обладающего свойственными ему первоначально способностями. Если бы он смотрел на все, что доставляет ему внешние впечатления, то к нему притекали бы не только цвета, звуки, все, из чего составляются внешние впечатления, но он воспринимал бы и дух, изливающийся повсюду из вещей; в красном цвете проявлялся бы дух красного, в зеленом — дух зеленого и т.д. Отовсюду к нему устремился бы дух. Гете об этом имел понятие, говоря: да если это растение лишь идея, то я вижу мои идеи, они находятся вовне, как краски. В этой идее таится предчувствие. Попробуйте представить себе это конкретно, со всей полнотой субстанциональной действительности, пусть к вам действительно жизненно приблизится дух. Но если бы внешние впечатления не притекали так жизненно, то с каждым бы внешним впечатлением встречался процесс дыхания. С тем, что проникает через нашу голову, через наши чувства, сталкивается постоянно то, что живет в нашем дыхании. Впечатление красного притекает извне, изнутри идет ему навстречу дыхание, которое в этом случае становится звуком. При каждом

отдельном впечатлении из человека исходил бы звук. Не существовало бы пребывающего языка, на каждое впечатление, на каждую вещь человек отвечал бы непосредственно изнутри звучащим жестом. Вместе со словом весь человек находился бы во внешней сущности. То, что образовалось, как язык, из этого жизненно текущего языка, есть лишь земная проекция, нечто отпавшее, повергнутое вниз. Воспоминания об этом первоначальном языке, которым говоришь с целым миром, сохранилось в малопонятном сейчас выражении о «**потерянном слове**». Об этом же первоначальном духе, когда человек обладал глазами не только, чтобы смотреть, но и воспринимать ими дух, когда он своими внутренними процессами дыхания отвечал на восприятие глаза звучащим духом — об этом живом «единении с духом» напоминают слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Об этой жизни в божественном гласит начало Евангелия от Иоанна.

Это было одно. Другое состоит в следующем: при процессе дыхания, поскольку он продолжается в нашей голове, при вдыхании и выдыхании происходит нечто не только в обоюдном обмене с внешним миром, но осуществляется и пульсация всего нашего организма. Процесс дыхания встречается в голове с впечатлениями, притекающими к нам извне. Но и в низшем организме процесс дыхания сталкивается с процессом обмена веществ. Если бы человек обладал первоначальной жизненностью эфирного тела, то процесс дыхания был бы связан с чем-то иным, чем сейчас. Сейчас это имеет такой вид, но это не совсем точно, ибо то, что являет собой процесс обмена веществ, не так уж независимо от процесса дыхания, но эта зависимость находится как бы за кулисами бытия, в оккультном. Но она находилась бы совсем в ином плане, если бы человеку удалось удержать свое первоначальное живое эфирное тело, если бы оно не испарилось бы до известной степени в течение его жизни, вследствие чего и происходит изнутри, а не только через внешнее физическое тело, а **именно изнутри, смерть**. Если бы человеку удалось удержать свое первоначальное предрасположение, то он обладал бы таким обменом веществ, что через него создавалась бы некая субстанция. И эта

субстанция являлась бы одним полюсом. Это были бы не выделения, а субстанция, порожденная обменом веществ. Другим полюсом явился бы выдыхаемый человеком воздух, который таил бы в себе силу создавать формы. Субстанция, образованная человеком, захватывалась бы формой, образующейся силой его выдыхания. И этим было бы создано им в окружающем его мире то, что должно было быть первоначально царством животных. *Ибо царство животных является выделением человека, должно быть им, дабы человек мог распространить далеко вокруг себя господство своего бытия.* Так и нужно мыслить себе животных. Это вытекает из всего моего рассмотрения.

К тому, что животные были гораздо ближе к человеку, приходит уже понемногу и естествознание, конечно, не так, как доказывает это грубый материалистический дарвинизм, толкующий о восхождении человека и нисхождении животных.

Рассматривая в настоящее время человека в связи с животным царством, вы не найдете в них первоначально обитавшего в них духа. Как растительное царство не может довести до конца свое развитие, так и царство животных не выявляет своего происхождения. Естествоиспытатели задумываются над их возможным развитием. Но причины их существования, наряду с человеком, следует искать в той области, из которой сошел человек. Поэтому-то и нельзя их найти там, где ищет их Дарвин и его материалистические толкователи. Они лежат за пределами великих доисторических событий.

Теперь припомните тот факт, о котором я недавно говорил: для тех, кто прозревает вещи духовнонаучно, становится ясным тот факт, что *в 6-ом и 7-ом тысячелетии человечеству суждено стать бесплодным. Женщины станут бесплодными; человечество уже не сможет размножиться свойственным ему образом.* Здесь должна произойти метаморфоза, вновь должна быть установлена связь с высшим миром. Для осуществления этой связи, и чтобы не дать миру прийти к такому упадку, когда будут лечить тех, кто различает еще добро и зло, когда то и другое будут рассматривать просто как государственные и человеческие установления, когда наступит

время, что род человеческий в силу необходимости начнет иссякать (с той же необходимостью, с какой кончается в известном возрасте у женщин способность к воспроизведению, с такой же необходимостью наступит и в земном развитии известный момент, когда люди потеряют возможность размножаться, как до сих пор), — для того, чтобы этого не происходило, был дан Христов Импульс.

Вы видите, как распространяется Христов Импульс на все развитие Земли. Я хотел бы, мои милые друзья, посмотреть на того, кто воображает, что Христов Импульс может потерять долю своего величия, своей высоты, будучи включен в мировой порядок.

Другими словами: мы как бы возвращаем Христову Импульсу его истинное космическое значение, утверждая, что в начале и в конце земного развития должен существовать иной порядок, чем существующий в настоящее время в природе, порядок чисто моральный, не содержащий ничего физического. И Христов Импульс и дан для того, чтобы в конце земного развития было внесено то же самое, что было и в начале. Для того он и включается в земное развитие. И таким и должен быть он рассматриваем. И тот, кто воспринимает слова Евангелия не только внешне, а относится к ним с требуемой Христом истинной верой, тот сумеет найти в Евангелии как бы подготовку к такому пониманию Христова Импульса, которое прилагается и к внешнему наблюдению, и к включению его в весь мировой порядок. Ведь и в Библии известные места постигаются лишь при помощи духовнонаучного исследования.

В Евангелии написано: «ни одна йота, ни одна черта не прейдет из закона». Некоторые толкуют, это так что Христос не желал ничего трогать или изменять в еврействе, а только прибавить к этому немного и от Себя. Он вовсе не хотел, будто бы восставать против еврейства. Но смысл этих слов иной. Ни одно место из Евангелия не может быть вырвано из общей связи, именно в Евангелии все находится в самой тесной связи между собой. Тот, кто старается вникнуть в эту связь, найдет следующее: говоря о йоте и черте, Христос хочет сказать, что в древнейшие времена, когда возникал закон, человечество обладало еще наследием древней мудрости

и не подошло еще к тому моменту, когда приблизилось Царство Небесное, когда должен совершиться поворот, когда должны измениться чувства. Тогда, в те древние времена, существовали еще порядки, которые были еще в состоянии находить законы из духа.

«Но вы, живущие сейчас во внешнем мире, не способны уже изменить ни черточки в законе. Чтобы закон остался истинным, в нем нельзя ничего изменить, ни йоты, ни черточки. Сейчас не время заниматься изменениями в законе, он должен остаться, каким есть. Нужно пытаться, наоборот, отыскать его древний смысл при помощи вновь приобретенного познания. Вы книжники, но вы не способны познать писания, ибо тогда вы должны были бы постичь дух, из которого они написаны. Вы стоите в царстве мира сего, где не возникает новых законов. Но тем, которые уже находятся в мире, дан Импульс (Импульс живой силы, о котором я говорил, что он давался таким образом, что Христос его даже не записывал). Но вы воспримите то, что не написано в законе, то, что должно непосредственно жить, нечто совсем иное. Вы должны начать рассматривать мир иначе, не как внешний чувственный мир».

Таким образом, был дан великий Импульс судить о мире не только как о внешнем чувственном. Но это усваивается медленно. И когда какому-нибудь человеку захочется заговорить именно в христианском смысле, то тогда он подвергается насмешкам. Шеллинг, Гегель пытались иногда высказаться в истинно христианском духе, но это именно и навлекло на них самые резкие порицания. «В природе вовсе не происходит все так, как вы говорите», — возражали им. Но на это Шеллинг и Гегель обмолвились однажды словами: *«Тем хуже для природы»*. Это, конечно, вовсе не научно в современном смысле, но зато вполне по-христиански, точно так же, как истинно по-христиански звучат слова Христа Иисуса: «Сколько бы ни говорили книжники о законе, это не есть закон. В нем уже изменены не только йота или черта, но уже весьма многое, ибо книжники говорят, опираясь на внешний мир, а не на Царствие Небесное». Кто говорит из него, говорит о мировом порядке, низшей частью которого является порядок, царящий в природе. Поэтому-то и можно сказать: «тем хуже для

природы».

Гете делали возражения, вроде следующих: «Ты говоришь, что в основе растительного царства не заложена сексуальность, однако посмотри на растение, из порядка, установленного природой, ты увидишь, что ветер повсюду несет пыльцу на плодник». На подобные возражения он ответил бы с глубочайшим убеждением: «Тем хуже для растительного царства, что стал возможен такой порядок». Но, с другой стороны, такими умами будет неустанно подчеркиваться следующее: то, что человек произносит словом, должно приобрести такую силу во внешнем мире, что будет действовать как семя. Это должны люди постичь, это должно настолько влиться в человеческое ощущение, чтобы люди пережили, осмыслили, почувствовали бы это, это опять должно стать реальностью и не только сейчас, а вплоть до 6-го, 7-го тысячелетия. Слово должно вновь приобрести силу, современное абстрактное слово должно приобрести творческую силу того Слова, которое было в начале. И тот, кто не решается добавить из чисто духовнонаучных обоснований к словам Евангелия от Иоанна, говоря не только: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог», — но прибавляя: «*И Слово будет некогда вновь*», — тот говорит не в том смысле, в каком давал это Христос Иисус. Ибо слова Христа Иисуса звучали противоречием внешнему миру. Но Он дал Импульс. В течение этого времени Земля катилась все дальше под уклон, и потребуются все возрастающая сила Христова Импульса, чтобы заставить Землю опять подняться. В чувственном отношении нам уже удалось это сделать немного со времени Мистерии Голгофы, но это совершилось без мыслящего сознания. Люди должны научиться сознательно участвовать в мировом процессе: они должны научиться не только верить, что в их мозгу каждый раз, когда человек мыслит, происходит нечто, но они должны и учиться познавать, что, **когда я думаю, в Космосе происходит нечто**. Они должны научиться представлять себе сочетание мышления с Космосом, связь человеческого существа с Космосом.

Что должно наступить во внешней жизни, дабы Христов импульс

действительно ожил во внешней социальной жизни, — об этом сейчас нельзя еще говорить по известным причинам. Но при известных предпосылках можно об этом немного сказать, охарактеризовать это. Возьмем тот момент, на который я вам уже указывал, когда будут лечить людей, признающих еще нечто другое, а не только государственные установления. К этому времени возникает также и противодействие. Одна часть человечества будет держаться за первое течение, но другая часть понесет Импульс Христа в будущее и создаст обратное течение. Произойдет борьба между разрушающимся и возникающим царствами. Христов Импульс будет жить. Когда в нашу эпоху появится эфирный Христос, то Христов Импульс оживет в такой степени, что будет в состоянии пробуждать в человеческой душе такие импульсы, что станут совершенно невозможными современные способы правления, в основе которых лежит честолюбие, тщеславие, предрассудки и заблуждения. *Вполне возможны принципы правления, совершенно исключаящие тщеславие, погоню за славой, предрассудки, безрассудство и заблуждения.* Но найти их можно только путем истинного конкретного постижения Христова Импульса. Парламенты не приведут к этим импульсам, они появятся в мире иным путем. Но направление к этому дано. Оно выражается наряду с постижением Христа в мировом развитии, в стремлении связать с Христом социальное развитие человечества. Но для этого нужно изменить мышление во многих отношениях. Необходима также сила и серьезное отношение. Когда Христос говорил то, что должен был сказать, некоторые люди пришли в такое бешенство, что захотели сбросить его со скалы. Не следует представлять себе, что человеческое развитие протекает легко. Необходимо ясно усвоить себе, что тот, кто высказывает истинное, правильное суждение, должен считаться с возможностью натолкнуться на то же настроение, с которым столкнулся Христос Иисус, когда его хотели сбросить со скалы.

В нашу эпоху, когда люди только и думают, как бы не переступить известные границы, как бы не прослыть за бунтовщиков, в эту эпоху подготавливается все это, и, может быть, вполне правильно, что именно в

такую эпоху. Это подготавливается в самых подосновах сознания и почти совсем невидимо на поверхности. На поверхности царит антихристианский принцип оппортунизма, который не в состоянии подняться до истинно христианского обвинения: «Не для вас, книжники и фарисеи, наступит Царствие Небесное». Нужно научиться понимать то место, где Христос говорит о книжниках и фарисеях. Нынче принято как бы извиняться за то, что говорил Христос Иисус. Один современный проповедник, не принадлежащий, впрочем, к позитивно настроенной группе, говорил много прекрасного о Христе Иисусе, но не мог все-таки удержаться, чтобы не сказать: «Христос, все-таки, не был практичным человеком, он советовал, например, жить как птицы небесные, не сеять, не жать, не собирать в житницы, но ведь с этим в нынешнее время далеко не уйдешь». Этот проповедник, конечно, не очень старался вникнуть в импульсы, заложенные в Евангелиях. Как трудно, например, вчитаться, вслушаться в Слова: «Если кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему другую. И если кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. Просящему у тебя дай и от взявшего твое не требуй назад». Если прочесть все, что написано в пояснение этого не очень популярного места, то можно прийти к заключению, что люди действительно зашли слишком далеко в своих стараниях найти извинение Христу Иисусу за его странные, порой, слова. Ему стараются «простить» многое, лишь бы только сохранить Евангелие, конечно, сохранить по-своему.

Но ведь здесь главное в понимании этих вещей. Но понимание это весьма затрудняется тем, что все эти вещи находятся во взаимной связи. Связь эту начинаешь предчувствовать, читая за словами: «И у взявшего у тебя не требуй назад», — фразу из Евангелия от Луки (в Евангелии от Матфея это выражено еще яснее). «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и поступайте с ними». Слова эти, конечно, связаны с предыдущими. Христос требует силу **Веры, упования**.

Мои милые друзья! Если бы Христос Иисус развивал те понятия, которые так непосредственно живут на поверхности внешнего мира, то Он

никогда не мог бы сказать: «отнимающему у тебя рубашку отдай верхнюю одежду». Но Он говорил не о том, что господствует во внешнем мире, ибо то для книжников, для первосвященников. Он говорит о Царствии Небесном, и этими словами хочет особенно отметить, что в Царствии Небесном господствуют иные законы, чем во внешнем мире. Сравните это место с местом в Евангелии от Матфея (необходимо дать когда-нибудь правильный перевод этих мест) и вы увидите, что словами своими Христос хочет пробудить как бы веру в людях, веру, делающую ненужным все законы и человеческие установления о краже. Христос как бы хочет сказать: тем, что учат «не укради», еще ничего не делают. Вы знаете Его слова: «ни одна йота не пройдет из закона». Но в первоначальном значении слова эти не заключают в себе импульса для современного человека. Нужно действительно развить в себе силу, чтобы быть в состоянии отдать верхнюю одежду, если у тебя попросят рубашку, ибо под влиянием воззрения: «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», — под влиянием этого воззрения, никто не захочет отнимать верхней одежды, но нужно, чтобы это воззрение прежде всего стало всеобщим. Но только тогда не будет отниматься рубашка, когда тот, у кого ее собираются отнять, действительно будет обладать силой убеждения, что, если он отнимает у меня рубашку, я отдам ему и верхнюю одежду. Вот таков должен быть социальный строй. При таком строе нельзя красть. Вот о чем говорит Христос, противопоставляя Царствие Божье Царству мира сего. *В мире, где царит принцип: если он возьмет у меня рубашку, дам ему и верхнюю одежду, — в этом мире не будут красть.* Но нужно развить в себе силу веры, т.е. нравственность должна опираться на эту внутреннюю силу веры, т.е. она должно быть чудом, каждый нравственный поступок должен быть чудом, а не просто естественным фактом. Человек должен быть способен к чуду. Вследствие нисхождения первоначального мирового порядка в более низкие сферы, необходимо противопоставить простому естественному порядку снова сверхъестественный моральный порядок, порядок, не только следующий за естественным, но творящий большее.

Недостаточно держаться за древние заповеди, данные при иных предпосылках, недостаточно их изменять, нужно вжиться в другой порядок, при котором, если у меня возьмут рубашку, я отдам ему верхнюю одежду и не повлеку его в суд. В Евангелии от Матфея говорится об отмене судов. Но было бы бессмысленно связывать с местом о рубашке и верхней одежде непосредственно место, где говорится: «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», — если бы здесь дело не шло об ином Царствии, где совершаются чудеса. Ибо Христос Иисус творил знамения и чудеса силою своей великой неземной веры. Кто рассматривает человека, как существо природы, не находя в себе силы рассмотреть его по-иному, тот не сможет сделать того, что сделал Христос. Христос требует усвоения воззрения, что в моральной области, в представлении живет больше, чем во внешней действительности. Внешняя действительность гласит: «если кто у тебя отнимет рубашку, возьми ее назад». Но подобными принципами нельзя основать социального порядка в смысле Христова Импульса. Представление должно обладать большим, чем заключается во внешнем мире. В противном случае получилась бы весьма странная связь между этими отдельными фразами. Представьте себе, что вы проводите это так: «Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему левую; отнимающему у тебя верхнюю одежду — отдай и рубашку. Всякому просящему у тебя давай и от взявшего твое не требуй назад». И затем: «Как вы хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». «Если ты ударишь другого в правую щеку, то думай, что он подставит тебе и левую, чтобы ты удовлетворил свое желание. Если ты отнимешь у него верхнюю одежду, то отними у него и рубашку, если ты хочешь получить от него, то позаботься, чтобы он тебе это дал» и т.д. Вот как можно было бы повернуть слова под влиянием стоящих после них слов: «как вы хотите, чтобы поступали с вами люди, так и вы поступайте с ними».

Говоря по-земному, все это не имеет никакого смысла. Фразы бессмысленно следуют одна за другой. Эта последовательность приобретает смысл лишь при следующем предположении: тот, кто

принимает участие в спасении мира, идущем от Христова Импульса, благодаря которому мир вновь будет вознесен в высшие области, тот должен исходить из принципа, не исходящего из внешнего мира; тогда и произойдет то, что придает моральным идеям, моральным представлениям физическую силу.

Для усвоения Евангелия в смысле Мистерии Голгофы, необходимо прежде всего внутреннее душевное мужество, которое и должно быть усвоено людьми. Необходимо развить серьезное отношение к тому, как противопоставляются Христом Иисусом два Царствия: то, которое образовалось под влиянием нисходящего течения как Царствие мира сего, и то, что зовется Царствием Небесным. У переживающего Пасху во времена, подобные нашему, вполне естественно может вспыхнуть стремление понять Мистерию Голгофы с подобающим мужеством, найти с тем же мужеством связь с Импульсом Голгофы. Ибо в каждой части Евангелия звучит это слово — **мужество**, звучит призыв следовать только за Импульсом, запечатленным Христом Иисусом во все земное развитие.

Я хотел приблизить к вам сегодня Мистерию Голгофы, оттеняя именно стороны, показывающие, как должна быть включена Мистерия Голгофы в весь космический порядок и как она может быть понята только тогда, когда Евангелие берется как выявление некоей высшей формы языка, нечеловеческого языка.

XIX столетие, в котором царила ученая теология, старалось низвести Евангелие до человеческого слова.

Нашей будущей задачей будет чтение Евангелия с точки зрения Бога-Слова. И к такому пониманию Евангелия может привести духовная наука.

Пятая Лекция

МИСТЕРИИ И ЖИЗНЬ

14 апреля 1917 г., Берлин.

Мои милые друзья!

В связи с новейшей духовной наукой мною часто упоминалось имя Германа Гримма. За исходную точку сегодняшнего размышления я возьму одно из замечаний Германа Гримма, замечаний как бы инстинктивных, высказанных им по поводу потребностей современной духовной науки. В замечаниях этих как бы таилось инстинктивно ощущаемое предчувствие, но для превращения его в познание не хватало сил.

Я приведу одно из многих таких замечаний, инстинктивно высказывающихся им в этом направлении. В приводимом замечании Гримма, относительно всего современного исторического метода, сквозит как бы некая оппозиция, которую он всегда питал к нему. Он совершенно правильно ощущал, что этот исторический метод бессознательно, и, следовательно, тоже инстинктивно, исключает из рассмотрения процессов человеческой истории событие, связанное с Христом. При рассмотрении истории нисколько не принимается во внимание решающий для всего человеческого развития факт явления Христа. Герман Гримм стремится, наоборот, к такому историческому методу, который принял бы Христа, как самый существенный фактор всего развития человеческого общества, и показал бы, какой великий импульс влился в историю человечества благодаря Мистерии Голгофы. Герман Гримм, благодаря своему тесному соприкосновению с мировоззрением Гете, инстинктивно предчувствовал это, но не мог продумать до конца, вследствие недостаточного прозрения в духовные миры.

Если сказать, что исторический метод считает как бы своей задачей

выключить явление Христа Иисуса из исторического рассмотрения, то это покажется парадоксом. И все-таки это правда. Это действительно глубоко укоренилось в современном мирозерцании; множество людей прилагают всяческие усилия, чтобы в вопросы, связанные с мирозерцанием, отнюдь не вливалось это событие, связанное с Христом Иисусом, во всем его глубоком истинном значении для исторического течения человеческого развития. И благодаря этому инстинктивному, столь сильно укоренившемуся в человеческих душах импульсу, столетия, предшествовавшие и следовавшие за Мистерией Голгофы, покрыты как бы густым мраком в человеческом сознании. Не только не пытаются рассматривать Мистерию Голгофы как исторический факт — это еще понятно из всего того, что мы приводили в ходе наших духовно-научных исследований, — но стараются еще и все происходившее до и после нее окутать такими представлениями, что при исследовании этих столетий проходит как бы незаметным то, что случилось в течение этих столетий в эпоху Мистерии Голгофы. Прилагаются всевозможные усилия представить историю этих столетий так, чтобы из событий этой эпохи не стало ясно, какая сила таилась в Мистерии Голгофы.

Вспомните, мои милые друзья, как зависит от веры во всякие авторитеты наше «столь независимое от авторитетов» время, и вы постигнете, как основательно удалось удалить из сознания все, что связано с событием, происходящим в те столетия. И когда появляется ум, подобный Гете, прибегающий, как мы уже приводили в последний раз, к особому исследованию природы, приводящему к мирозерцанию, по которому мораль и природа составляют одно целое, когда появляется подобный ум, то в нем, опять-таки инстинктивно, стараются ослабить, затушевать то, что привело бы, будучи воспринято правильным образом, к духовнонаучному миропониманию во всем его грандиозном, изумительном значении. И тут мы наталкиваемся на нечто примечательное. Как я уже приводил, Гете не удовлетворяла обычная ботаника, он мечтал об одухотворенной ботанике и обрел, благодаря этому, дух, открывающийся в растительном царстве, дух, которого не может достичь современное

растительное царство в своем современном виде потому, что оно не в состоянии развиться до конца то, к чему оно предрасположено. Гете пытался проникнуть в глубины зачатков растения, а также и минерала, глубже, чем это возможно при помощи чувственного наблюдения, которое дает только то, до чего дошло растительное царство.

Гете отнесся поэтому весьма неодобрительно к возникшему в это же время воззрению Геллера, воззрению, столь удачно выраженному в словах:

Во внутрь природы не проникал сотворенный дух.

Счастлив тот, кому она показывает лишь внешнюю оболочку.

Гете возражает на это изречение:

Вот уже 60 лет слышу я, как повторяют это:

Я бранюсь, но тайком.

В природе нет ни зерна, ни оболочки,

Она все сразу.

Испытай прежде всего,

Кто ты сам — зерно или оболочка.

Гете изо всех сил противился воззрению: «во внутрь природы не проникает сотворенный дух». Но почему же? Потому, что он ощущал инстинктивно в своем сознании тот великий духовный фон, который так тщательно старается разрушить и смести XIX столетие. Так популярны стали в XIX столетии слова Шопенгауэра: «Мир есть мое представление». «Без глаз нет ни света, ни цвета». Гете упорно возражает на это: «Без света нет глаза, ибо свет создал глаз для света». Из неопределенных органов создал свет, как бы волшебством, глаз. Если вникнуть в это глубже, то получится нечто совершенно своеобразное.

Растительное царство имело предназначение воспроизводить без оплодотворения, а лишь метаморфозируясь, себе подобных. Оплодотворение должно было иметь совершенно иной смысл, чем сейчас. Гете предчувствовал это. Поэтому-то и понравились ему так разъяснения Шельвера по поводу процесса оплодотворения. Он обладал мужеством упоминать о морали, наблюдая растения. Растительное царство живет

сейчас в иной среде, чем та, в которой возможна метаморфоза. И произошло это благодаря тому великому событию, люциферическому искушению, вследствие которого человечество низверглось из высшей сферы в низшую. Но то, что являлось бы деятельной силой в растениях, если бы они вполне овладели бы метаморфозой, т.е. способностью создавать новое растение без оплодотворения, эти силы стали духовными, живут духовно в окружающем нас мире и влияют на современные чувственные органы, чувственные органы человека. Под своими словами: «И глаза ваши откроются», — Люцифер подразумевал следующее: «Вы, как люди, будете перенесены в другую сферу». Но именно эта другая сфера и не позволила растительным существам развиваться до конца. Но зато здесь открылись человеческие глаза. Свет влиял здесь так, что глаза действительно могли открыться в гетевском смысле. Они отверзлись, но только в одном отношении, в другом же сомкнулись. Люди получили способность обращать свои глаза, свои чувства на внешний чувственный мир, но дух, обитавший в этом чувственном мире, не проникал в них. Глаза закрылись для откровения духа. И таким образом могло возникнуть странное воззрение, особенно буйно пустившее корни в XIX столетии. Воззрение это гласило: «Человек видит только внешний чувственный мир и не может заглянуть за него. Во внутрь природы не проникает сотворенный дух, счастлив тот, кому она показывает внешнюю оболочку». Человек не может, как думают, заглянуть за пределы внешнего мира. Но он может это сделать при помощи повышенного, очищенного сознания. И Гете знал это. «Человек видит только то, что находится в окружающем его мире (чувственном)» ... Вот так гласит это странное, мрачное учение. Оно действует с разрушительной силой в области естествознания, но эта разрушительная сила может быть употреблена на пользу. Но если бы этим учением воспользовались бы в области искусства, если бы художники не боролись с ним, то их художественную фантазию постигла бы смерть. Это воззрение похоже на воззрение, утверждающее, что «Фауст» Гете содержится в книгах, в которых мы видим буквы, но «Фауст» — за этими буквами; во внутрь их не проникал никто, счастлив тот, кому эти буквы

показывают лишь оболочку. Про некоторых филологов можно действительно сказать, что они исполнены радости и вполне счастливы тем, что «Фауст» выявляется для них лишь внешними буквами. Буквы эти, несомненно, должны существовать, но для понимания «Фауста», они являются лишь тем, сквозь что смотрят, но на чем не останавливаются, они должны быть, но о них не стоит говорить. Обыкновенно даже и не замечают, как противоречит самым обычным повседневным фактам все то, что вошло, так сказать, в плоть и кровь в наше материалистическое время. Но противоположного воззрения можно достигнуть, лишь проникнувшись словами Гете (см. стихи Гете, стр. 82).

Тайна всего человеческого развития заключается в том, что, отказываясь от гетевского воззрения и признавая воззрение Геллера, человек может рассматривать историю до Мистерии Голгофы, как бы не замечая истинного значения этого события. То же самое можно сказать и об истории человечества *после* Мистерии Голгофы. Это звучит парадоксально, но это так. При применении антигетевского воззрения к историческому развитию, можно лишь установить какой-нибудь исторический факт, отделяющий дохристианскую эпоху от послехристианской, но весь великий импульс Мистерии Голгофы приходится тогда отодвинуть во внутрь, куда не проникает сотворенный дух. Рассматривая развитие истории до Мистерии Голгофы, как бы не замечают наступления поворотного пункта, величайшего поворотного пункта всего земного развития, точно также не замечают, обращаясь к послехристианской истории, всего длящегося влияния этого поворотного пункта. Понятна теперь та инстинктивная потребность незаметно устранять мировоззрение Гете из современного мышления, не дать ему укрепиться в нем. Иногда удается даже поймать людей на этом инстинктивном стремлении. Все, что я говорю, не является, конечно, моральным обвинением кого-либо. Я отлично знаю возражения, которые могут мне сделать, вроде следующего: человек, пытавшийся удалить гетевское воззрение из современного мирозерцания, мечтал о наилучшем. Всем известны слова шекспировского Антония: «Все они

почтенные люди». Но ведь дело не в том, чтобы сказать о человеке, что он не имел того или другого намерения. Важно то, как влияет, как вживается в человеческое развитие то, что исходит из него. Поэтому-то и приходится, так сказать, ловить людей на этом почтенном занятии, когда они стараются затушевать событие явления Христа в истории при помощи неприятия гетевского мирозерцания, которое неминуемо должно развиваться до духовной науки. Мне попалась недавно одна книжка, имевшая большое влияние в наше время: в ней рассматривается история по отношению к Христу Иисусу. И инстинктивно из истории исключается возможность взгляда на Мистерию Голгофы, как на величайший поворотный пункт земного человеческого развития. И это достигается тем, что автор становится на ту точку зрения, что при рассмотрении исторического процесса невозможно проникнуть внутрь истории, что всегда приходится довольствоваться одной оболочкой, даже при рассмотрении важнейшего события. Я прочту вам выдержки из этой книги. Они весьма интересны:

«Необходимо прежде всего обратить внимание на отрывочный характер всех наших, даже самых полных, исторических сведений. Обилие фактов прошлого, историческая действительность его по своему содержанию и объему бесконечно больше всего нашего возможного знания на тысячелетия вперед. Ибо из необозримой массы фактов прошлого историку доступны лишь отдельные составные части, то, что доходит до него, как *предание*, из летописных источников. Все это не передано и не могло быть передано, как принадлежащее к духовному внутреннему миру, к недоступной области душевной жизни, внутреннему обоснованию личной жизни — всего этого историк не может «знать», а может только «догадываться» об этом. И догадки эти, конечно, обладают, даже при самом точном и добросовестном отношении, недостатками и субъективными моментами. Слова Гете: «во внутрь природы не проникает созданный дух», — следует дополнить: «во внутрь истории тоже никто не может проникнуть».

Мои милые друзья! Я не хочу выносить никаких моральных осуждений,

а скажу только объективно; вот как фальсифицируют Гете, который жил еще так недавно. Ему приписывают совсем обратное и сообщают об этом людям, не замечающим, конечно, этого. То, что я цитировал сейчас, называется: «Христианство в борьбе современных мировоззрений», — и написано с целью показать, какое место занимает христианство в современной борьбе за мировоззрения. Дух, царящий в этом сочинении, тот же, что царит в подобном непризнании Гете. Вот вам пример, как можно уловить любителей истины, выступающих перед многочисленной публикой. Я недавно упоминал о лекциях этого писателя и указывал вам, как отрывочно его мышление, как несвязанно, как совершенно испорчено, как оно нигде не старается проникнуть в самую глубь вещей. Я обещал достать вам эту книгу, чтобы привести вам некоторые доказательства бессвязности, испорченности его мышления, точно так же, как приведенное выше является свидетельством его извращенного понимания Гете. Но книги я достать не мог, она имела такой успех, что была тотчас же раскуплена, так что сейчас получить ее невозможно. Вот что бывает, мои милые друзья, если пытаются в настоящее время подойти к истине. Необходимо и вполне правильно поэтому серьезно указывать на то, что необходимо обратить внимание на всю необычайную глубину таких слов, как «Переменитесь» (*andert den Sinn*), историческое значение которых станет ясным для тех, кто захочет понять их исторически. Слова Крестителя: «*Переменитесь!*» — стоят не только в связи со всем тем, что можно извлечь духовно-научным путем из развития человечества, но со всем тем, что можно рассматривать исторически, применяя мировоззрение Гете, но не по образцу современных филистеров, а оживляя их. Ибо тогда оно является великим импульсом, проникающим вновь в христианство и ведущим непосредственно к нашей духовной науке.

Мы лучше всего уясним себе всю суть развития человечества, если вспомним все, что мы говорили о мистериях в дохристианское время. Я пытался указать на искания мистерий в моей книге: «Христианство как мистический факт», — приводя слова Платона о мистериях. В настоящее

время отнесутся, конечно, с горделивой, или, лучше сказать, с материалистически-мещанской, улыбкой к словам Платона, вроде следующих: *«Те, кто посвящен в Мистерии, участвуют в вечной жизни. Остальные же люди живут как в болоте»*. Я нарочно привел в этой книжке слова Платона, ибо они свидетельствуют о серьезном отношении Платона к Мистерии. Великая тайна, передававшаяся путем особого воспитания ученику дохристианских мистерий, состояла в том, что ему показывалось то, чем могла бы быть минеральная и животная природа, если бы она развилась по прямой линии. Ибо тогда развилось бы также особое человеческое познание. Если бы минеральные и животные царства были бы способны развиваться до конца, то человек обнаружил бы тогда свое истинное лицо в той сфере, к которой он принадлежал бы тогда. Ученик Мистерий переживал полнейшее превращение, когда его вводили во внутрь природы, когда он мог видеть человека таким, каким он был первоначально задуман, ибо тогда ученик прозревал и то, что существует сейчас в теплокровных животных, в покрытых корой древесных растениях, в физическом человеке, не выявляя своего происхождения, не раскрываясь, но оставаясь необъяснимым благодаря тому, что не несет непосредственно в себе своего происхождения. Растения и минералы не могут развиваться до конца, люди же и животные не могут вернуться к своему началу.

Мои милые друзья! Сама сущность Мистерий показывает нам необходимость посвящения известных людей дохристианского времени. В самые древние времена этим атавистическим познанием обладали все люди; позднее, когда атавистическое познание исчезло, явилась необходимость посвящать отдельных людей. Необходимо было посвящать отдельных людей в тайны внешней природы, минерального и растительного царства, для того, чтобы человек был бы в состоянии увидеть **человека**, то, что он есть. В наше время станет столь же необходимо указывать на происхождение человека, узнать человека с другой стороны, заставить его открыть свое происхождение. Эта попытка отразилась в «Тайноведении», в котором, в еще несвязных, возможных для

нашего времени словах человек вновь связывается со всем бытием. Первое являлось признаком дохристианского времени, последнее же — признаком нашей эпохи, эпохи после Мистерии Голгофы. Но истинного проникновения в Мистерию Голгофы можно достигнуть лишь тогда, когда осознается, насколько глубоко разделено Мистерией Голгофы историческое развитие человечества. И это выявится, мои милые друзья, но только не надо рассматривать историю сквозь очки антигетееанизма, лишь затемняющие эпоху Мистерии Голгофы, а надо стараться видеть ее так, как пытался ее видеть Герман Гримм, не обладавший, к сожалению, достаточной силой для этого.

Руководители древних мистерий знали, зачем нужно особенно воспитывать того, кого они посвящали. И до известного времени строго соблюдался закон не посвящать в Мистерии не прошедшего испытания. Особенной строгостью отличались законы Мистерий древней Греции. Ученик научался проводить тайны в жизнь. На это обращалось в греческих областях особенное внимание. Строго следили за тем, чтобы Мистерии не выдавались недостойным, подобно тому, как Христос Иисус не желает сообщать тайны Царствия Небесного книжникам и фарисеям, а только тем, кого он сделал Своими учениками. Но по мере приближения Мистерии Голгофы делалось все более невозможным скрывать тайны Мистерий. Руководители в этом не виноваты. То, что неправильным образом вытесняло Мистерии из сферы тайны, было: *«римский империализм»*. Руководители Мистерии были не в состоянии противиться приказаниям римских цезарей. И во всех событиях тогдашнего времени отражается это насилие римских цезарей над духовной жизнью. И человек, подобный Крестителю, видел во всех подробностях, как надвигается это. Ибо это мог видеть всякий, кто хотел видеть. Не видели только те, кто не хотел. Это звучит в словах, которые можно толковать по-разному, но которые истинны в самых разных значениях. В словах Иоанна Крестителя: «Переменитесь, приближается Царствие Небесное», — скрыт и такой смысл: «Смотрите, благодать древних Мистерий исчезла, они поглощены римской империей, завладевшей также и близким вам

еврейством. Переменитесь поэтому. Не ищите благодати в блеске римской империи, не ищите ее на Земле. Примите крещение, освобождающее ваши эфирные тела, дабы вы узрели то, что грядет и что положит начало новым Мистериям, ибо древние Мистерии исчезли».

Римские цезари просто приказывали посвящать себя в Мистерии. Первым таким посвященным был Август, который, впрочем, еще не употреблял во зло свои знания. Посвящение это сделалось обычаем. Этому прежде всего и противился Иоанн Креститель; поэтому-то и выделял он так тщательно тех, кто хотел креститься, не желая, чтобы они видели спасение в том, что сияло в римской империи. Один из главных посвященных в тайны Мистерий был Калигула, а затем Нерон. В их посвящениях заключаются тайны исторического развития, они насильно заставляли открыть им тайны Мистерий. Представьте себе душевное состояние тех, кто знал, что надвигается, и в то же время чувствовал, ощущал все значение этого. Представьте себе душевное состояние такого человека, как Иоанн Креститель. Он мог, конечно, сказать: «То, что должно прийти и придет — есть Царствие Небесное, в нем должны искать люди святых тайн — не в царствие людей». История часто говорит символами, мои милые друзья. Диоген ходил по афинским площадям с фонарем в руках в поисках «человека», который потерялся, воззрения которого потерялись. Но почему утерялись они? Не потому, что никто не знал такого человека, но потому, что наступили такие времена, что люди перестали искать в древних Мистериях разъяснения тайны человеческого развития. Калигула и Нерон были посвящены в самые основы. Но именно благодаря этому и покрылось все мраком. Диоген точно так же, как и Иоанн Креститель, чувствовал по-своему, что приближается время, когда человек будет окутан мраком вследствие того, что тайна его, хранившаяся в Мистериях, выдана людям. И поэтому его нужно искать с фонарем. Калигула был посвящен по всем правилам древних Мистерий в тайны общения с духовным миром. Он умел управлять своим сознанием между засыпанием и пробуждением для того, чтобы общаться в духовном мире с существами, известными в древних Мистериях как лунные боги, боги

Луны. И Калигула владел искусством древних мистерий разговаривать в своем новом сознании с духами Луны. В тайны древних Мистерий входило познание того, что лежит за пределами обычного дневного сознания, и знакомство с тем, как изменяется обычное дневное сознание, проникая в тайны того, другого сознания. Ибо человек, сознающий, что его индивидуальность находится между засыпанием и пробуждением в духовном мире, постигает так же, что эта самая индивидуальность, воплощенная здесь в физическом мире, как физическое существо, и состоящая в связи со всеми другими физическими существами в духовном мире, общается со всеми духовными иерархиями. У человека, познавшего тайны лунных богов, изменяется поэтому его отношение к солнечным богам. Притупленный Люцифером дневной взор не видит их в окружающем мире, но пробужденное сознание лицезреет их. Человек, подобный Калигуле, знает, благодаря собственному опыту, что человеческая индивидуальность находится между засыпанием и пробуждением в духовном мире, и начинает, благодаря этому, сознавать, что в дневном сознании эта индивидуальность пребывает не только в оболочке внешней природы, но что она пребывает в общении с духами Солнца, что она живет не только под солнечными лучами, но и под руководством духов солнечной жизни.

Но Калигула, конечно, не проходил необходимого обучения. Он умел разговаривать во сне с лунными духами, и это вело за собой то, что днем он начинал обращаться к Юпитеру, которого древние греки мыслили как Зевса, обитающего в другой сфере. Его называл он «Братом Юпитером». Он постоянно говорил о «Брате Юпитере», ибо чувствовал себя гражданином того духовного мира, в котором обитает тот. Всем своим внешним видом старался он проявить свою принадлежность к духовному миру. Иногда появлялся Вакхом с тирсом, с дубовым венком на голове и приказывал воздавать себе почести, как Вакху. В другой раз появлялся он Геркулесом с палицей, в львиной шкуре, и ему поклонялись, как Геркулесу. Потом он являлся в виде Аполлона с блестящим венцом на голове, с луком Аполлона в руке, окруженный хором, воспевающим

хвалебные гимны в честь его. Как Меркурий, с крылатой головой, и с жезлом, как Юпитер. Один писатель трагедий, считавшийся знатоком, был приглашен решить, кто более велик, Калигула или Юпитер, статуя которого находилась тут же. Поэт не согласился признать Калигулу более великим, и за это был подвергнут бичеванию. Но обладал ли Калигула правильным суждением? После первых слов люциферического искушения: «И глаза ваши откроются, и вы будете сами, как Боги», — стоит: «и будете познавать добро и зло». Но это распознавание добра и зла внушено человеческому духу, который мог жить в развитии до известного времени. Это время истекло. И произошло это тогда, когда появился Иоанн Креститель со словами: «Близится Царствие Небесное». Он не прибавлял только: «И царство Люцифера пришло к концу». Он говорил только о Царствии Небесном. Из суждений Калигулы явствует, что это царство кончилось.

Ибо, когда однажды в его правлении произошла одна судебная ошибка — был приговорен к казни один невинный, которого по ошибке спутали с виновным, — Калигула сказал: «Это ничего, невинный был столь же виноват, как и виновный». Когда был присужден к смерти Петроний, то Калигула сказал: «Те, кто приговорили его к смерти, могли бы быть тоже приговорены, ибо они столь же виноваты, как и осужденный». Вы видите, что различие уже исчезло. В этот момент уже не существовало различия между добром и злом. Мы можем это понять, вникая, как следует, в исторические события.

Таким же посвященным был и Нерон. Только он был еще и *психоаналитиком*, не таким мелким, как наши современные модные психоаналитики, а грандиозным, в героическом масштабе. Он был даже первым психоаналитиком, ибо первый выставил положение, что в человеке все зависит от того, как проявляется в человеке сексуальность. Учение это было выдано в наше время за новое нашими мещанскими психоаналитиками. *Но профессору Зигмунду Фрейдю далеко до Нерона. Для этого ему не хватает ни души, ни величия.*

Но Нерон знал то же, что знал Иоанн Креститель — и этим отличался

он от Калигулы. Нерон знал, благодаря своему посвящению, что человек находится в особом положении, что истины древних Мистерий с их истинными импульсами уже отзвучали, что они потеряли свою силу и что их можно удержать только лишь внешней силой. Но только Иоанн Креститель говорит: «Старый порядок отошел в вечность (он прибавил еще: «Близится Царствие Небесное, переменитесь!»)». Нерон тоже знал, что царство древнего мира закончилось, что в развитии Земли наступил великий перелом. Но Нерон обладал к тому же и сатанинским сознанием: в нем таились все дьявольские козни, на которые способен недостойный посвященный. И поэтому он так особенно считался, точно так же, как Креститель, как Христос Иисус, с концом света. Если понять правильно все то, что Иоанн Креститель и Христос Иисус говорят о конце мира, то тогда уж не нужно заниматься толкованием того, когда это наступит, тогда станут понятны слова Библии, гласящие, что он уже наступает. Конец мира становится действительностью, будучи понят правильно. Нерон знал, что наступает совершенно новый порядок, но это не радовало его. Ему это мешало. Характерно его изречение, *что он ничего бы так не хотел, как присутствовать при конце мира*. Характерны его слова: «Если мир погибнет в огне, то я буду особенно радоваться этому». Он был охвачен особым безумием, желанием видеть гибель мира от огня. И последствием этого было то, что (это является сомнительным историческим фактом, но в то же время и совершенная правда) он поджег Рим, потому что в своем безумии он представлял, что из Рима пожар распространится дальше, и весь мир сгорит.

Я привел вам несколько признаков, характерных для известного конца тогдашнего мира и возникновения нового. Но во внешней действительности дело происходит так, что одно сливается с другим, что старое еще остается, когда новое уже несет свои новые импульсы. И хотя, начиная с Мистерии Голгофы, наступает уже Царствие Небесное, наряду с ним существует еще в упадочном состоянии, развиваясь назад, Римская империя; остается то, что постоянно подчеркивается, с хорошими и дурными настроениями, современными знающими людьми, а именно то,

что живет среди нас, что проникает в христианские начинания, — это дух древней Римской империи, дух Римского империализма.

Если продолжать в этом духе дальше, то натолкнешься на разные, весьма значительные вещи. Можно было бы начать с того, чтобы показать, как все возникшие впоследствии правовые понятия исходят из римского, антихристианского в Христовом смысле, права. Многие области пришлось бы затронуть, если проследить существование римского империализма еще и в наши дни, или проследить обратное развитие римской империи.

Разве не инстинктивно действуют те ученые, которые преподают в школах римскую историю, эти же самые ученые, сочинившие «*fable convenu*», называемые сейчас историей, внушают человечеству сознание Римской империи, причем из нее тщательно выключается дух, царящий в ней. Это самый верный путь, мои милые друзья, этим достигается то, что человечество не осознает всей неизмеримой важности того исторического момента, когда на Голгофе был воздвигнут крест. Старались как бы инстинктивно скрыть все значение происшедшего события. Ибо немногие обладают еще мужеством, необходимым для проникновения в сокровенное истории сквозь ее внешнюю оболочку.

И мы видим, что существуют люди, привлекающие большую публику, люди, которые представляют Гете в ложном свете для того, чтобы у людей сложилось мнение, что и Гете смотрит на историю только как на внешнюю оболочку. Вот это живет в широко распространенных импульсах человеческой душевной жизни, никто как будто и не стремится к иному воззрению, вся жизнь пропитана этими импульсами, протекает по их направлению. Люди, подобные Гете, остаются вопиющими в пустыне, их постигает клевета, им приписывают совершенно противоположные воззрения.

Но иногда предоставляется возможность увидеть, куда ведут подобные импульсы, Карма человека приводит ко многому, даже тогда, когда стараются как-нибудь закруглить свои воззрения, для того чтобы изложить их людям. Вчера попались мне изречения одного нашего современника; изречения эти находятся в тесной связи со всем тем, что

проходит, как внутренний импульс, сквозь слова мистерии Голгофы. Этот наш современник прошел через различные превращения. В конце концов он пришел к христианству, в его католической форме, и ведет пропаганду его. Перед нами замечательный факт: свободомыслящий выступает перед своими современниками как христианин, да еще и католик. Высказываемое воззрение о Христе окрашено личным. Но оно весьма характерно, как документ современности. Я приведу вам это свидетельство современного свидетеля Христа. «Напрасный труд — искать потустороннюю жизнь. Она, может быть, и не существует. Как бы мы ни подходили к ней, мы ничего не можем узнать о ней. Предоставим разный оккультным посвященным и фокусникам. Мистицизм, какую бы форму он ни принимал, противоречит разуму. Обратимся к церкви, потому что она, опираясь на авторитет столетий и большой практический опыт, формулирует правила той этики, которую нужно давать народам и детям. И еще потому, что она далека от того, чтобы отдать нас во власть мистицизма, защищает нас от него, заставляет замолчать голоса священников (так называет он то, что идет к нам из духовного мира), объясняет Евангелия и приносит в жертву потребностям современного общества грандиозный анархизм спасителя» (Баррес).

Вот вам признание человека, обратившегося от современного материализма к христианству, который ставит себе идеалом, чтобы все грандиозные импульсы, принесенные миру Христом, были бы приношены, пожертвованы потребностям современного общества. И человек, исповедующий Христа подобным образом, собирает вокруг себя гораздо больше публики, чем это можно было бы себе представить. Ибо существует большая потребность представить Христа так, как это может понравиться современному человеку, как это удобно ему. И все институты направлены к тому, чтобы не дать возникнуть в человеческой душе той истине, что смерть Иисуса была логическим событием, обусловленным невозможностью существования рядом Римской империи и христианства, и из их столкновения могла следовать лишь смерть Христа. Из этого следует, что если не хочешь брести во тьме, а желаешь пробиться к свету,

то нужно искать в современности связи с правильно понятым христианством и пробудить в себе тот священный гнев, который проявлял Христос, возражая книжникам и фарисеям.

Я хотел дать вам сегодня картину того, что уже жило в столетиях, в которых возникло христианство, и хотел обратить ваше внимание на особенно углубленное рассмотрение того момента истории, когда произошла Мистерия Голгофы. Нужно уметь пробудить в себе чувство оценки отдельных фактов, как имеющих значение и соответствующих данной эпохе, так и не обладающих этим значением.

Нужно пробудить в себе чувство, что из различных течений живет дальше, и в чем именно живут факты.

Шестая Лекция

РИМСКИЕ ЦЕЗАРИ И ХРИСТИАНСТВО

17 апреля 1917 г., Берлин

Мои милые друзья!

Многие события настоящего времени, а также ближайшего будущего, раскроются нам во всей своей сущности, если мы проследим разумно при помощи духовного метода, какое влияние имели события, разыгравшиеся в первые времена распространения христианства. Это звучит в настоящее время парадоксом. Нельзя сделать доступным общему пониманию то, что, как известные силы, запечатлевшиеся и привившиеся развитию человека и Земли при распространении христианства, влияют еще и до сих пор; и

зависит это от того, что из-за господствующих сейчас воззрений не видят более глубоких импульсов и сил, действующих в современных событиях, и рассматривают их исключительно с точки зрения того, что разыгрывается на поверхности. Более глубокие, духовные силы недоступны еще для современного человека, потому что он не любит углубляться в их рассмотрение. Но кто хоть немного углубится в то, что лежит в основе современных внешних событий, тот сумеет раскрыть в каком-нибудь документе, появившемся как деятельный фактор на поверхности нашей современности, в тех или иных поступках людей, не сознающих, под влиянием каких импульсов они действуют, тот сумеет раскрыть импульсы, являющиеся как бы продолжением, отображением действовавших в первые века христианства импульсов.

В настоящее время невозможно дать характеристику хотя бы наиважнейших из возрождающихся древних импульсов, потому что люди не вынесли бы этого. Но тот, кто будет рассматривать с известной точки зрения первые века христианства в Европе, сможет уяснить себе, какие силы из действующих тогда, появляются сейчас снова и действуют. Поэтому я и стремился провести перед вашей душой известные явления, связанные с распространением христианства в первые века нашего летоисчисления. Пользуясь полученными отсюда представлениями, вы сумеете уяснить себе, в собственной своей душе, многое из происходящего в настоящее время.

Сегодня я хотел прибавить несколько слов к нашим последним рассматриваниям. Позднее я разовью это еще шире, но сегодня мы займемся именно этим немногим, чтобы сделать более плодотворным наши дальнейшие изыскания.

Я довольно часто упоминал о том своеобразном, странном факте, что первые римские цезари, римские императоры, силою добивались своего посвящения. Многие поступки римских императоров совершались под этим влиянием насильственного посвящения и познания вещей, связанных с великими импульсами мировых событий. Мы видели в последний раз, как они злоупотребляли этими тайнами посвящения.

При рассмотрении всех этих фактов необходимо прежде всего уяснить себе, что появление импульса Христа не есть лишь внешнее событие физического плана, объяснимое дошедшими до нас историческими фактами, а чисто духовное событие. Я уже указывал, что за словами Евангелия о признании Христа демонами скрыт глубокий смысл. Об исцелениях, сотворенных Христом, рассказывается в Евангелиях как об изгнании демонов. И нам все время указывается на то, что, с одной стороны, демоны, выходявшие из людей, как бы признавали Христа, и, с другой стороны, мы видим, что Христос все время говорит демонам, что еще не время говорить о Нем, или, как это говорится в Евангелиях: «Он строго запрещал им, чтобы они делали Его известным». Так что, можно сказать, что не только люди судили о появлении Христа. Могло случиться, что люди не имели бы ни малейшего представления о том, что кроется за явлением Христа. Но демоны, духи, принадлежащие сверхчувственному миру, те узнали Его. Мы видим, что это — событие, в признании которого замешан и сверхчувственный мир. И осведомленные водители первых христиан с особенной силой придерживались признания того, что христианство было не просто земным событием, происшедшим на земном плане, но что оно имеет большое значение и для мира духов, произведя там как бы род переворота. За это строго и сильно держались первые руководители и умы христианства.

И странно, что как раз римские цезари, знавшие об известных фактах и тайнах духовного мира, благодаря добытому силой посвящению, обладали, именно благодаря этому посвящению, смутным предчувствием великого, всеобъемлющего значения импульса Христа. Были, конечно, среди римских цезарей и такие, которые, несмотря на полученное силой посвящение, мало вникали в его тайны, но были и такие, которые проникали в них настолько, что смутно понимали все влияние и силу Импульса Христа. И самые одаренные и прозорливые из этих посвященных цезарей начали проводить определенную политику по отношению к распространявшемуся христианству. Это началось уже при следующем после Августа императоре Тиберии. На это можно возразить,

что христианство тогда не было еще широко распространено. Но это возражение не выдерживает критики, ибо Тиберий, посвященный, в известном смысле в древние мистерии, знал, что совершается нечто важное, когда к нему пришло известие из Палестины о вступлении в мир Импульса Христа. И поэтому-то именно Тиберий и начал проводить ту политику, которую затем продолжали следующие посвященные цезари. Тиберий изъявил желание принять Христа в сонм остальных римских богов. В вопросе почитания богов римляне следовали особой политике, состоящей в основном в том, что когда они завладевали каким-нибудь народом, они принимали вместе с этим народом и его богов в свой Олимп, т.е. они говорили: этих богов также следует почитать, число наших богов увеличится благодаря этим богам. Многие боги были приняты таким образом в римскую семью богов и увеличили их количество. Политика римских властителей и состояла именно в том, чтобы принимать все побежденное ими, со всем его духовным и душевным содержанием. Посвященный цезарь был, конечно, далек от мысли видеть в богах лишь внешние образы, только то, что видел народ; он знал, что за изображением богов скрываются действительные духовные силы из различных иерархий. Таким образом, политика эта являлась вполне разумной и понятной.

К силе принципа римской власти сознательно присоединялась сила, которая должна была лежать в признании, в принятии этих богов. И религии этих богов принимались не только внешне экзотерически, римскими храмами посвящений принимались также и тайны иноземных мистерий и присоединялись к мистериальным культам древней Римской империи. Это становится совершенно понятным, если вспомнить царившее тогда воззрение, что без духовных сил, предоставляемых богами, невозможна никакая власть.

Тиберий хотел добиться того, чтобы сила Христа, как он ее себе представлял, просто была бы присоединена к импульсам, исходившим от других, признаваемых им и его народами божественных сил, но римский сенат воспрепятствовал намерению Тиберия и оно не было приведено в

исполнение. Но попытку эту повторяли затем и другие посвященные цезари, как, например, Адриан. И постоянно эта попытка встречала препятствия со стороны носителей власти, обладавших известным влиянием. Если вникнуть в возражения, приводившиеся против этой попытки посвященных цезарей, то получится ясное представление, что, собственно, играло главную роль в этом важнейшем поворотном пункте земного развития.

Здесь нам бросается в глаза странное совпадение. Главное обвинение, выдвигавшееся римскими писателями, влиятельными деятелями и главной массой римского народа против распространяющегося христианства состояло в следующем: христиане не считают священным то, что для других священо, и наоборот. Т.е., другими словами, со стороны римлян все время указывалось, что христиане радикально отличаются от римлян и других народов в своем мышлении и чувствовании; ибо, что касалось остальных народов, то римляне их впитали в себя вместе с их богами. Вы видите, что уже тогда на христиан смотрели как на совсем других людей, обладающих совершенно противоположными ощущениями и чувствами. Можно было бы возразить на это, что это клевета. Подобные мнения часто можно услышать при поверхностном обозрении истории. Но если вникнуть, то многое, в буквальном смысле (вы знаете, что мы не придаем чрезмерного значения этому буквальному смыслу, но именно потому, что не придаем, мы и отмечаем его), многое из воззрений на Мистерию Голгофы предшествовавших и современных ей эпох перешло в учение христиан. Т.е., другими словами: христиане высказали словами ощущения, имевшиеся уже у многих их современников. Одним из тех людей, который высказал многое из того, что потом высказали христиане, был *Филон Александрийский* — современник Христа. У Филона Александрийского встречается странная фраза, гласящая: «После того, что мне было открыто, я должен ненавидеть то, что другие любят (он подразумевает римлян), и любить то, что другие ненавидят (опять римляне)». Если вы возьмете эту фразу Филона и затем заглянете в Евангелие, то найдете

многочисленные отзвуки этих слов Филона, особенно в Евангелии от Матфея. Так что, можно сказать: христианство как бы выросло из духовной ауры, связанной со словами: «мы любим то, что другие ненавидят». Эти слова часто произносились в христианских общинах первых времен, они составляли как бы главное зерно христианских поучений. Христиане говорили действительно то, в чем их упрекали другие. Это была не клевета, а совпадало со словами римлян: «христиане любят то, что мы ненавидим, и ненавидят то, что мы любим». Христиане, со своей стороны, говорили то же самое о римлянах.

Из этого ясно, что в развитие человечества действительно вступило нечто, совершенно отличное от всего предыдущего.

Иначе это и не проявилось бы так сильно. При обсуждении всего создавшегося положения нужно прежде всего твердо уяснить себе, что все наступившее действительно спустилось из духовных миров, и современники Мистерии Голгофы, подобные Филону, видели это в преломленных лучах и высказывали как умели. Многие из евангельских толкований, которые ныне применяются для оправдания людского оппортунизма (подобно тому, как это делает писатель, которого я цитировал в конце прошлой лекции), будут только тогда увидены в истинном свете, когда их не будут толковать произвольным образом, а исключительно исходя из духа той эпохи. Евангельские слова толкуются сейчас зачастую весьма странно, как это явствует из слов того писателя. Но у Филона некоторые фразы странно напоминают Евангелие. Я приведу вам отрывок из Филона, и вы увидите, что Филон только потому писал немного по-иному, что не был инспирирован, подобно евангелистам. Благодаря тому что он был светским писателем, слова его легче понять, чем слова евангелистов в Евангелиях. У Филона имеется странная фраза, прекрасно выражающая многое, что проникло тогда в сердца и головы людей. «Бросьте все списки о наследствах», — говорит Филон, — «и все документы властителей, бросьте все плотское. Отбросьте все гражданские права, право свободы отдельного гражданина или право лишения свободы раба или низкорожденного. Обращайте внимание только на

происхождение души».

Углубляясь внимательно в Евангелие, вы найдете, конечно, нечто подобное этим словам и темам, но только перенесенное в особенную духовную сферу. Современный оппортунист может, конечно, говорить то, что я вам цитировал последний раз и что я еще раз процитирую вам, ибо подобные слова заслуживают, чтобы их запомнили (см. конец предыдущей лекции: «напрасный труд — искать потустороннюю жизнь» и т.д.). Из слов, подобных словам Филона Александрийского, звучащих и в Библии, и в Новом Завете, можно видеть, что кроется за всем движением. И Филон, говоря о происхождении души, подразумевает многое, и главное то, что восстает против царивших среди римлян воззрений. Ибо самым главным в римской империи считалось происхождение тела в различных формах; весь социальный строй был построен на происхождении тела. И вдруг бросаются слова: *«не обращайтесь внимания на происхождение тела, смотрите на происхождение души»*. Трудно себе представить нечто, более радикально порывающее со всеми принципами римской империи. Больше противоречие трудно найти. И противоречие это увеличивалось еще сильнее благодаря появлению Христа Иисуса — мир ждал его, и нарождающееся христианство было со всей силой противопоставлено тогдашнему внешнему мировому порядку.

Римские цезари, желая ввести то новое, что являлось отрицанием всего их общественного строя, в Пантеон своих богов, как нового бога, включить его в круг многих других, конечно, хотели сделать Христа Иисуса, за которым скрывалось столь глубокое, одним из обычных богов. Но эти посвященные цезари должны были заметить, что им не легко будет справиться с тем, что спустилось к ним из духовных высот. Так как в Риме со времен Августа был закон, который обязывал, чтобы все римские императоры получали посвящение, то конечно во всех внешних поступках посвященных цезарей должна была проявляться значительная сила. Она влияла на все мероприятия, на импульсы, действующие на общественность. Их намерения проявляются сильнее, чем просто у посвященного человека. Предположим, что один из затронутых

посвящением цезарей сказал бы: «Вот Креститель со своим крещением водою. Благодаря этому отделяется эфирное тело». Посвященные цезари, конечно, знали, что крестившиеся прозревают в духовный мир и познают, что наступил поворотный пункт для всего мира. Ибо на самом деле именно это узнавали крестившиеся погружением в воду, благодаря чему высвобождались их эфирные тела. Они знали именно тайну мирового поворота. Представьте себе, что посвященный цезарь сказал бы: «Я вступаю в бой — это было возможно в мистериях, — я вступаю в бой с тем, что грядет за мировым поворотом». Необходимо составить себе достаточно яркое представление о силе воли этих посвященных цезарей. Они отнюдь не думали, что бессильны против воли богов, и решили ей противостоять, — и для этого заставляли посвящать себя, чтобы вступить в бой с духовными мировыми импульсами, чтобы противиться мировому течению. Это происходило и в другие времена, происходит и сейчас, но только люди не знают, не замечают этого.

И вот что произошло в духе выставленной мною гипотезы. Соправителем Константина в другой половине империи был Лициний, пожелавший противиться богам. Он хотел дать знамение, ибо в таких знамениях, знамениях культа, находит себе выражение борьба против духовных сил. И он хотел дать такое знамение, которое бы прозвучало во внешнем физическом мире как: «Я принимаю борьбу!». Он задумал высмеять перед всем народом крещение, благодаря которому совершился мировой переворот. Этим он хотел побороть христианство, затушить силу его импульса. Для этого было устроено празднество в Гелиополе. Мим Геласий должен был появиться в белой одежде крещения и окунуться в теплую воду. В этом состояла пьеса, которая должна была явиться пародией на христианское крещение. Но что случилось? Геласия облачили в жреческие белые одежды, окунули в теплую воду и затем вытащили обратно, предоставляя его насмешкам. Но случилось следующее: «Теперь я христианин, — произнес вдруг Геласий, — и буду им всеми силами моей души». Это означало, что Лициний получил ответ из духовного мира; вместо пародии на крещение последовало действие

крещения. Он должен был признать мировой переворот. Итак, посвященный цезарь, каким был Лициний, попробовал объявить войну богам, бороться с ними и получил отрицательный ответ.

В наше время трудно составить себе понятие обо всем значении подобного ответа. В те времена это являлось исчерпывающим ответом, с которым приходилось считаться и язычникам, и христианам. В сознание людей той эпохи, знакомых с тайнами мирового развития, вошло нечто, сближающее их с мыслями, появившимися вследствие распространения христианства. Из древних времен сохранились еще различные обычаи, таившие оккультный смысл. В эпоху Антонинов пророчествовали Сивиллы, у них спрашивали советы... Один из значительных оракулов эпохи Антонинов буквально предсказал, что Рим падет, что древнего Рима больше не будет. Правда, оракулы говорят так, что их можно понять различно, но иногда и правильно. Изречения этого оракула были весьма странными. «Рим падет, — говорил он, — и на том месте, где стоял древний Рим, будут бродить лисицы и волки, которые выкажут свою силу». С этим приходилось считаться. За всем этим искали, конечно, глубокий смысл; чувствовали, что «мировой поворот» наступает. То, что царствовало в Риме, иссякнет, и лисицы и волки захватят мир. Изречения оракула можно толковать различно. В те времена аурой посвященных захватывались иногда и непосвященные мудрые люди, начинавшие изрекать тогда странные вещи, вполне понятные лишь в связи с этой поворотной эпохой. Я рассказывал вам о Нероне, о том, что воображал этот посвященный цезарь. Он мечтал о мировом пожаре, чтобы самому присутствовать при конце мира. Раз конец мира был неизбежен, то он хотел, по крайней мере, сам присутствовать при конце и вместе с тем и при конце владычества Рима над миром. Сенека предостерегал его в весьма странных выражениях, которые становятся понятными лишь тогда, когда знают, что римские цезари являлись посвященными и считали себя обладателями божественной полноты совершенства и могущества, и что именно поэтому не хотели им приносить христиане требуемых почестей. Сенека сказал Нерону: «Ты можешь многое, — иначе нельзя было

говорить с этим тираном, — ты можешь убить тех, о которых ты думаешь, что они будут способствовать мировому порядку, который наступит после падения Рима; *но одно, все-таки, не подвластно деспоту — он никогда не сможет умертвить своего преемника*». Это глубоко значительные слова. Под ними, конечно, не следует понимать определенного преемника, но преемника в широком смысле. Сенека хотел ему указать, что пределом его власти является его смерть. В римских кругах, следовательно, значительную роль играли пророчества о падении Рима.

Странно то, что как раз в этой традиции христиане радикально отличаются от римлян. Это звучит парадоксально, но христиане именно и отличались тем, что в их среде защищалось положение, что Рим не падет, а что его владычество будет длиться до конца, причем под концом подразумевали конец известного цикла. Христиане, следовательно, являлись защитниками тезиса о вечном владычестве Рима, который переживет всех волков и лисиц. Из этого не следует, что христиане вещали, как оракул, что в Риме никогда не наступит владычество лисиц и волков; они вовсе не отрицали этого, но противопоставляли этому вечное господство Рима. Необходимо рассматривать все эти настроения соответствующим образом. Многие из этого даже осуществилось. Мать Александра Синера, например, была ученицей Оригена, считающегося одним из отцов церкви, хотя и несколько подозрительного свойства. Она устроила себе для собственного употребления нечто вроде Пантеона, в котором она поклонялась Аврааму, Орфею, Аполлонию Тианскому и Христу, считая это необходимым и вполне правильным для своего спасения. Несмотря на то, что она была послушной ученицей Оригена, она не считала противоречащим его учению поведение подобного рода.

И подобного рода настроения встречаются в первые времена христианства, вплоть до четвертого столетия. В продолжение всего этого периода мы видим посвященных цезарей, старавшихся принять, до известной степени, христианство в свои религиозные системы, примириться с ним; и это совершенно верно, несмотря на сообщаемые нам историей факты преследования христиан. Все это продолжается до 4-го

столетия.

В 4-ом столетии появляется, как вы знаете, замечательная личность, император Константин, современник Лициния, — личность и в духовном отношении значительная. Я указывал и раньше, что на личность Константина влияли духовные силы, водители Западной Европы, причем водительство это является весьма сложным. Сегодня мы рассмотрим его с другой стороны.

Константин был значительной духовной личностью, но его духовное направление было таково, что он никак не мог найти правильного отношения к древнему посвящению. Его как бы пугало то, перед чем не отступили его предшественники и современники: добиться посвящения в древние Мистерии. Он словно испытывал страх перед этим. И при этом над его душой тяготело предсказание сивилл, тяготело все то, что было известно тогда о падении Рима, Римской империи и т.д. Ему, конечно, была известна, с другой стороны, и христианская традиция о владычестве Рима до окончания веков. Он знал все это, но боялся посвящения в древние мистерии.

Он боялся, что после получения посвящения, ему придется начать борьбу с христианством. Это чрезвычайно важно, как и чрезвычайно интересно все то, что рассказывается о Константине в истории о его желании вступить в отношения с христианством. Он выступает великим защитником его, распространяя по всей Римской империи христианство, как он его понимал. Но он никак не мог связать это христианство с древним принципом посвящения. Главная трудность и заключалась в этом, ибо сами христиане и их учителя тоже противились этому, потому что чувствовали, а многие и прозревали, что христианство выводит на мировую историческую арену древние мистерии, сокрытые в храмах мистерий, и весь мир должен стать их свидетелем. *Они хотели явить миру эти мистерии, а не скрывать их в храмах. А посвященные цезари желали изъять христианство из мира и скрыть в храмах мистерий. Тогда люди посвящались бы в христианство, подобно тому, как посвящались они в тайны древнего учения богов.* Константину трудно

было бороться против того, к чему стремились христиане, ибо христиане понимали под тем импульсом, который должен войти в мир, чисто духовный импульс. И с точки зрения этого духовного импульса и следует понимать тезис: «Римская империя будет жить вечно». Положение это раскрывается с чрезвычайной ясностью, если обратиться к тайному учению первых христиан. Говоря о вечной Римской империи, они намекали на то, что и происходило в действительности. Я вам говорил уже, что *более глубокий импульс Римской империи и не прекращался, а живет и поныне*, и не только в юриспруденции. Людям, не видящим глубоко, кажутся чем-то иным многие отдельные факты, являющиеся на самом деле тем же повторением импульсов Римской империи, к которым не прибавилось ничего в известной области. Это является как бы продолжением Римской империи, распространением его. *Древняя Римская империя не существует более, но дух ее живет, распространяясь вширь и вглубь.*

Многие, знакомые с тайнами, и сейчас утверждают, что призрак Римской империи живет среди нас и поныне и будет жить вечно. Вот что говорят посвященные в эти вещи. Но на это же указывали и христиане, говоря в то же время о том, что в том, что представляет собой христианство, заложено уже нечто, побеждающее Римскую империю. Сверхчувственное в христианстве будет вести борьбу с чувственным в Римской империи. Но в этом тезисе таилось предсказание, пророчество.

Теперь нам станет понятно, чего боялись римские сенаторы и цезари, ибо они связывали падение с внешней империей и видели, как она постепенно разрушается под влиянием христианства. Под этим впечатлением находился и император Константин. Не будучи посвященным, он все-таки знал следующее: «Существует древняя мудрость человечества. Она существовала всегда с древних времен, когда люди обладали атактистическим ясновидением. Затем она была перенесена в позднейшие времена, хранилась жрецами, постепенно искажалась, но продолжала существовать. У нас, у римлян, в нашем социальном порядке имеется нечто от установления древней мудрости, но мы погребли ее под

этим социальным порядком, построенным на внешнем чувственном государстве». Это выражалось в особенном символе, являющемся вместе с тем имагинацией, и не только имагинацией, а всемирно-историческим культовым обрядом, ибо имагинации очень часто выражаются в обрядах культа. Эти обряды выражали идею, что мудрость не является измышлением людей, а является откровением духовного мира. Ею обладали самые первые древнейшие жрецы — не Рима, а Илиона, Трои. И выражением этого явился **Палладий**, так называлось изображение Афины. Палладий упал в Трою с неба и хранился в святилище, а затем был перенесен в Рим и там погребен под порфировой колонной. Чувственно переживая этот имагинативный культовый обряд, люди чувствовали, что с этим связано следующее: «Мы относим нашу культуру к древней мудрости, сошедшей из духовных миров, но мы не можем постигнуть тот образ, которым обладала эта древняя мудрость в Риме». Это чувствовал и Константин. Кроме того, он чувствовал, что ему не поможет посвящение в древние мистерии, что они не откроют ему Палладия, древней мудрости. И Константин решил тогда по-своему вступить в борьбу с мировыми силами, по-своему попытаться спасти принцип Римской империи. Он не был настолько безумен, чтобы воображать, что это может совершиться без помощи известных мировых импульсов. Он знал, что это должно совершиться при помощи определенных культовых обрядов, явленных всему человеческому развитию.

Для начала им было решено перенести Рим опять в Трою, а также вырыть погребенный Палладий, чтобы и его перенести опять в Трою. Этот план не удался, но зато возник другой — основать Константинополь и передать ему силу власти погибающего Рима для будущих времен. Он надеялся посредством этого остановить мировой переворот. Говоря в духе оракула сивилл, он хотел предоставить Рим лисицам и волкам, но перенести таинственные импульсы Рима в другое место, к месту их происхождения. Так возник грандиозный замысел основать Константинополь. Это и совершилось в 326 году. Что это основание он

мыслил в связи с великим мировым поворотом, явствует уже из того, что первый камень был заложен им в определенный, им самим выбранный момент, а именно в момент когда Солнце находилось в знаке Стрельца и Рак господствовал над этой частью дня. Он руководствовался, следовательно, космическими знаками. Он мечтал создать из Константинополя нечто значительное, перенести на него вечный импульс вечного Рима. Он повелел поэтому перевезти в Константинополь порфиновую колонну, где она впоследствии была разрушена бурей. Палладий был также выкопан по его повелению и помещен под эту порфиновую колонну. В распоряжении Константина находились также остатки креста на Голгофе и гвозди, которыми он был окован. Остатки креста были употреблены им на род рамы для особенно драгоценной статуи Аполлона и из гвоздей креста был сделан венец для Аполлона. Статуя эта была поставлена на порфиновую колонну и потом была разрушена бурей. Под статуей красовалась надпись примерно такого содержания: «То, что действует здесь, должно действовать вечно, как Солнце, и поддерживать вечно мощь ее основателя — Константина».

Все эти факты должны восприниматься более или менее имагинативно, но помимо этого ограничения имагинацией, они представляют собою точные исторические события. С историей затем сплетена легенда, в которой она и продолжала жить, но уже преображенная. Легенда эта гласит: «Палладий, являющийся символом определенного вместилища древней мудрости, находился некогда в таинственных храмах, которые скрывали его там. В первый раз появился он на свет при перенесении его из Трои окольными путями в Рим, второй раз увидел он свет при перенесении его из Рима в Константинополь. И легенда гласит, что **в третий раз увидит он свет, когда будет переноситься из Константинополя в славянский город**». Эта легенда живет глубоким импульсом во многом, в самом разнообразном виде. В наше время многое выявляется в чисто физических аспектах, но за ними скрывается духовное.

Константин хотел непосредственно противодействовать падению

Римской империи, хотя твердо верил предсказаниям сивилл. Он хотел оторвать Рим от места его падения.

Постарайтесь увидеть во всем, что я рассказал вам об исторической личности императора Константина, действенные душевные импульсы, и вы откроете существенную связь между ними, связь весьма значительную. Припомните еще, что говорили первые христиане и их учителя: «Римская империя не погибнет, она не перестанет существовать, и импульс, воспринятый нами, осуществится и тоже будет вечен», — все это имеет весьма важное значение, будучи связано с различными течениями, влияющими на развитие западной культуры.

Вы сможете составить себе картину того, как думали в первые века христианства и в эпоху Константина о Риме и о Римской империи, какова была радикальная оппозиция по отношению к ним, и как они представляли себе будущее. И вы найдете, быть может, в вашей душе точки соприкосновения с последующими событиями, и это поможет вам увидеть их в надлежащем свете.

О многом, что происходило впоследствии, можно правильно судить, только ответив на вопрос: как согласуется это до сих пор с тем, что было высказано как предположение — и что должно произойти, чтобы это согласовалось? Нам надлежит теперь указать на еще более важный момент в развитии в связи с распространением христианства, момент, наступивший тогда, когда опять один из посвященных римских цезарей выступил против развивающегося христианства.

Это был Юлиан, прозванный Отступником.

И в связи с этим мы сможем закончить рассмотрение вопроса о том, как особенно приблизиться при помощи особого приготовления души к Христу, эфирное присутствие Которого должно проявиться в этом столетии. Как найти путь к Нему именно в наше время.

О том, как сложились факты при этом посвященном цезаре, Юлиане Отступнике, поговорим в следующий четверг, точно так же, как и об отношении настоящего времени к Христу, насколько возможно говорить об этом в наше время.

Седьмая Лекция

РИМСКИЕ ЦЕЗАРИ, ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО

18.04.1917 г., Берлин.

Мои милые друзья!

Одним из великих образов всемирной истории является наследник Константина — *Юлиан Отступник*, павший от руки убийцы во время персидского похода в 363 г. В истории развития Запада Юлиан представляет одну из самых своеобразных фигур, ясно указывающую на деятельность противоположных сил в мировом развитии, благодаря которым оно и осуществляется. В Константине мы имеем перед собой личность, вынужденную порвать с принципами насилия большинства римских цезарей, с принципом насильственного посвящения в Мистерии. Константин предпринял все меры, чтобы доставить христианству экзотерическое господство, как мы характеризовали это в последний раз.

На Юлиана с самого его появления на свет вся императорская семья и ее приверженцы смотрели как на самого злейшего врага. В те времена, о которых мы говорим, рождению такой индивидуальности всегда предшествовали различные пророчества, предсказания. Семья его верила, благодаря разным предсказаниям сивилл, что в Юлиане должны быть проявлены импульсы, противоположные импульсам, воплотившимся в Константине. Семья его поэтому стремилась совершенно не допускать Юлиана к власти. Он был обречен на смерть. Были уже предприняты все

приготовления к убийству его и его брата еще в детстве. В Юлиане действовала как бы некая аура, внушавшая ужас окружающим его. Из многочисленных рассказов, связанных с личностью Юлиана, явствует, что в нем таилось действительно нечто жуткое, с вышеупомянутой точки зрения. Еще в юности он принимал участие в одном из галльских походов. Войску пришлось проходить мимо одной сомнамбулы, которая при этом закричала: «Вот тот, кто восстановит древних богов и их статуи». Появление Юлиана означает, следовательно, нечто глубокое, духовно обусловленное. Его не лишили жизни, как это весьма часто бывает в таких случаях, из-за боязни в случае убийства еще большего несчастья. Кроме того, родственники его были убеждены, что можно будет на время парализовать все его попытки уничтожения плодов работы Константина. И они действительно употребили все меры, чтобы заглушить в Юлиане все, что было заложено в нем, все его стремления. Прежде всего было решено дать ему строго христианское воспитание, в духе идейного направления Константина. Но это потерпело крушение, не проникло в его душу, тогда как все, что удавалось ему услышать о древних эллинских преданиях, загоралось в душе его ярким пламенем. И так как там, где действуют мощные силы, эти силы в конце концов и побеждают, то случилось так, что несмотря на все усилия отделить его от опасности, он попал в руки разных греческих воспитателей, познакомился с эллинизмом и с его преданиями, а когда подрос, познакомился и с тем, как изживал себя эллинизм в философах неоплатониках, и был посвящен в Элевсинские мистерии. Таким образом, несмотря на уничтожение принципа посвящения римских цезарей, Юлиан вступил, опять как посвященный, на императорский трон. Необходимо запомнить поэтому, что при рассмотрении всего совершенного им, нужно придерживаться точки зрения, исходящей именно из его посвящения в Элевсинские мистерии, не обращая внимания на то искажение, которое дает нам история, говоря о Юлиане. О личности, подобной Юлиану, можно правильно судить, только если имеется серьезное отношение к действию, произведенному на него посвящением в мистерии. Что приобрела душа

Юлиана благодаря этому? Он получил возможность узреть непосредственно душевно факты космического развития, факты мирового развития; он познакомился с духовным происхождением мира, познакомился с тем, как изживает себя это духовное происхождение мира в планетарной, в солнечной системе, он научился понимать известные вещи, ставшие уже совершенно непонятными его современникам, за исключением немногих греческих посвященных, а именно: связь солнечного воздействия и солнечного существа с древним Гермесом-Логосом. Вот что проходило перед его душой. Он научился понимать пифагорейское изречение: «не говори никогда против Солнца», — в котором подразумевается, конечно, не внешне физическое Солнце, а дух, скрытый за ним. Он знал, следовательно, что в соответствии с древними священными традициями в духовно-душевном, лежащем в основании Солнца, кроется истинная первопричина мира, с которой прежде всего должен связать себя человек, если он желает проникнуть до источников бытия.

Итак, представьте себе, мои милые друзья, перед душой Юлиана стояла вся древняя тайна Солнца, стояла истина, что физическое Солнце, являющееся физическому глазу, есть лишь внешнее тело для некоего духовно-душевного солнечного, оживающего в человеческой душе благодаря посвящению и говорящего ей об общности космоса, вселенной с человеческой душой в ее историческом развитии. Юлиан постиг, что здесь, на Земле, никогда не может существовать установленный, исходящий только из человеческого разума, связанного с человеческим мозгом. Он понял, что говорить об установлениях мира смеет лишь тот, кто умеет говорить с солнечным Логосом, ибо он прозревает один общий закон в движении светил, и в том, что происходит здесь, на Земле, среди людей, в движении великого исторического развития человечества. Следует заметить, что даже такому отцу церкви, как св. Иоанну Златоусту, было еще ясно, что существует древняя тайна Солнца, духовная тайна. У него даже встречается выражение: *«внешнее физическое Солнце так ослепляет людей, что они не могут проникнуть до духовного Солнца»*.

И если взглянуть на все, что окружало такого человека, как Златоуст, в душе которого сиял еще луч древней мудрости, то станет ясно, что мало оставалось тогда уже от древнего понимания мировых тайн, сообщавшихся в мистериях, и как оно было дано одному из последних — Юлиану Отступнику. Этот последний всецело был окружен, в сущности говоря, приверженцами Константина, мыслившими в духе его. Конечно, можно было встретить вплоть до конца IX столетия на Западе отдельных личностей, даже пап, например, проникнутых древними тайнами; но главный импульс, исходивший из Рима, был направлен все же на ослабление подобных стремлений отдельных личностей к проведению, по отношению к преданиям древних мистерий, определенной своеобразной политики, о которой мы упомянем вскоре. Юлиана окружала, в сущности, весьма экзотерическая форма христианства.

Вследствие сложных процессов, описать которые в их психологических подробностях весьма затруднительно, в нем возникла следующая мысль: нельзя ли употребить то немногое, что оставалось еще от древнего посвящения, на восстановление преемственного ему процесса в ходе развития человечества. То есть, другими словами: *Юлиан не был, в сущности, противником христианства, но был только приверженцем возрождения эллинизма.* И его индивидуальность станет понятнее, если в ней увидать скорее возродителя эллинизма, чем противника христианства. Ибо все пламенное усердие, вся сила, которую он развивал, была именно направлена к тому, чтобы не дать умереть, не дать истребить эллинизм, создать как бы непрерывное развитие его, чтобы он дошел и до дальних потомков. Юлиан протестовал против разделения, радикального поворота. Он был великой личностью. Со времен своего посвящения в Элевсинские мистерии он знал, что нельзя проводить известные импульсы в мировом развитии, опираясь лишь на живущее в физическом чувственном и, обычно, душевном, ибо тогда приходится говорить против Солнца в пифагорейском смысле. А он хотел не этого, а как раз обратного. Он вступил, таким образом, в величайшую борьбу, которая только мыслима в человеческом развитии. Не нужно забывать, что восставало

тогда против подобной борьбы уже в современном ему Риме, во всей южной Европе. Не забывайте, мои милые друзья, что вплоть до времен Константина в широких слоях сохранились еще хотя и последние, но все же остатки древних духовных постановлений. Для современных толкователей Евангелия является истинным крестом вопрос о чуде, потому что никогда не хотят читать Евангелие в духе их эпохи. Для современников евангелистов вопрос о чуде вовсе не существовал, ибо им было известно, что для человека существует возможность черпать из духовного мира силы, которыми он и овладевает.

В той же мере, как вводилось внешнегосударственное христианство, завершившееся деянием Константина, в той же мере употреблялись все усилия оттеснить на задний план все древние духовные традиции. В Риме издавались закон за законом, ведущие к тому, что никто не смел прибегать к древним традициям, черпающим силы в духовном мире. Это, конечно, облекалось в слова, вроде следующих: «Старое суеверие должно умереть. Никто не смеет прибегать к опирающимся на духовные силы традициям для того, чтобы вредить людям, никто не смеет входить в общение с умершим», и т.п. Но за этими законами скрывалось стремление искоренить дотла все духовные традиции, остававшиеся еще от древних времен. История пытается, правда, затушевать, скрыть то, что происходило тогда. Но ведь начало нашей истории — на что не обращает внимания наша современная, отбросившая всякие предпосылки и авторитеты, наука об истории — было положено в монастырях разными монахами и священниками, которые самым серьезным образом стремились затемнить истинный образ древности и воспрепятствовать проникновению существенного из него в последующие поколения. Итак, Юлиан видел закатывающийся старый мир иным, чем видели его предшественники Константина. Ему было известно, благодаря посвящению, о связи человеческой души с духовным миром. Задумав установить при помощи древних принципов посвящения непрерывный процесс человеческого развития, он в то же время понимал, что задуманное им удастся только тогда, когда он выступит против той формы,

которую приняло развитие вокруг него. Юлиан, именно благодаря своему посвящению, отличался глубочайшей любовью к истине, той любовью, о которой люди, подобные императору Константину, не имеют ни малейшего понятия. Истина в самом ее серьезном значении проявилась в Юлиане в такой сильной мере, в какой едва ли встречалась когда-либо впоследствии в течение всего развития западного человечества. Благодаря тому, что посвящение пробудило в нем глубокий и значительный инстинкт истины, он видел, что происходило, например, со школами, высшими и низшими, окружающими его. Со времен Константина в школы была введена христианская догматика в том виде, в каком она распространяется до сих пор. Эта христианская догматика была усвоена учителями, которые и разбирали, со своей точки зрения, древних греческих писателей, тех писателей, в сочинениях которых постоянно говорилось о древних богах: Зевсе, Аполлоне, Афине Палладе, Афродите, Гермесе и т.д. В душе Юлиана возникла мысль: чему же учат все эти учителя? Не являются ли они просто лживыми софистами? Тот, кто писал эти древние писания, ощущал в своей душе древних богов, как истинные мировые импульсы, и это именно и является основой их. Смеет ли излагать их человек, который в силу своей догматики должен оспаривать радикальнейшим образом самое существование, бытие этих древних богов. Для Юлиана, пронизанного инстинктом истины, это являлось невозможным. Он запретил поэтому тем, кто в силу своей христианской догматики не могли уже верить в древних богов, преподавание древних писателей. Мои милые друзья, представьте, что пришлось бы запретить учить в наших школах, если бы решили руководствоваться тем же принципом истины, что и Юлиан. По этому вы можете судить, какой глубокий инстинкт истины жил в Юлиане.

Он захотел вступить в бой с течением, бывшим с другой точки зрения все же необходимым. Он имел перед собой Евангелие, возникшее совершенно иным образом, чем то, что он получил через Элевсинское посвящение. Он не сумел ориентироваться на том пути, на котором возникли Евангелия. Если то, что исходит от Христа (так говорил он),

является принципом посвящения, то он должен находиться и в мистериях, именно жить в глубинах мистерий. И он решился на великую попытку: возможно ли продолжать старое? Он видел ведь только то, во что превратилось христианство в его время. Он задумал огромную попытку, в определенном даже месте, и такую попытку, которая считается с человеческими средствами: он решился на действие, имевшее значение и для процессов духовного мира. «Христианам было предсказано, — (так сказал он себе), — что храм иерусалимский будет разрушен так, что не останется камня на камне. Так и случилось, но если начать вести работу с противоположной стороны, чтобы это предсказание не исполнилось, то тогда не восторжествует и христианство». И он решил затратить на это огромный по условиям тогдашнего времени капитал, начать возводить вновь иерусалимский храм. Для этой цели было собрано множество рабочих. Теперь попытайтесь рассмотреть этот факт с духовной точки зрения. Юлиан вызывал здесь не людей, а богов. И тут произошли факты, в которых нельзя усомниться, подтверждаемые даже историей — поскольку исторические факты нуждаются вообще во внешнем подтверждении, ибо внутренне они всегда достоверны: каждый рабочий, приступивший к работе над храмом, имел известное видение — на том месте, где он начинал работать, вырывалось ему навстречу огненное пламя. Рабочие разбежались, и предприятие не осуществилось. Таков был грандиозный замысел Юлиана.

После того, как Юлиану не удалась эта демонстрация, перед миром поставившая себе целью уничтожить предсказание о разрушении храма, он решился на другую попытку, не менее грандиозную. Тогда еще не наступило то время, когда на европейское развитие повлияла та волна, что вела свое происхождение от невозможности для одного из величайших отцов церкви, Августина, возвыситься до одной идеи. Вам может быть известно из истории, что Августин — я упоминал об этом уже при различных случаях, между прочим при обсуждении идей Фауста, — что Августин исходил из так называемого *манихейства* — учения, возникшего в Персии и претендовавшего на лучшее понимание Христа

Иисуса, чем его понимали в Риме или Константинополе. Это манихейское учение, **последние слова которого еще не могут быть произнесены сейчас, к сожалению, даже в наших кругах**, — это манихейское учение просочилось самым разнообразным образом на Запад, вплоть до позднейших времен, и было бы погребено в своих уже испорченных побеггах, когда начала возникать в XVI столетии легенда о Фаусте. В возрождении Фауста, благодаря гениальной интуиции Гете, кроется нечто от возрождения манихейства. Юлиан мыслил, связуя огромное, его мысли охватывали все человечество.

На таком человеке, как Юлиан, становится необычайно ясно, до чего мелки обыкновенные человеческие мысли. Учение о Сыне Человеческом должно было принимать различные формы, смотря по тому, насколько было возможно составить представление о самом человеке, об его существе. О Сыне Человеческом слагались, следовательно, такие же представления, как и о самом человеке. Одно обуславливало другое. Но в этом люди весьма отличались друг от друга. И в настоящее время меньше всего могут глубоко понять это. — «Человек — МАНУШЕЯ (Manusheya)», — так звучит по-санскритски слово «человек». И в этом слове — МАНУШЕЯ — звучит то основное ощущение, которое связывалось с человечеством у значительной части людей. На что указывает, когда человеку дается имя МАНУШЕЯ, когда употребляют этот корень для обозначения человека? На духовное в человеке; человек определяется прежде всего как духовное существо. Когда хотят сказать: человек есть дух, все остальное есть лишь выражение, откровение духа, — если, значит, главную ценность человека видят в духе, — то говорят «Манушея». Но после того, что мы предварительно заметили, может существовать и другое воззрение. Главной целью, когда говорят о человеке, может быть и **душа**. Тогда меньшее внимание будет обращено на то, что человек есть дух. Больше будет подчеркиваться, что человек — душа. Все внешне физическое, то, что связано с физическим, отходит при этом обозначении человека на задний план. Обозначение человека берется из того, что живет в человеке как душевное, выражающееся в глазах, в стремлении

человеческой головы в высоту. Если разобрать слово Антропос (греческое слово Антропос), разобрать его происхождение, то оно и выразит приблизительно это. Те, кто обозначали человека словом Манушея или подобно звучащим словообразованием, видели прежде всего духа, нечто исходящее из духовных миров. Те же, кто обозначал человека словом, звучащим как греческое Антропос, т.е. прежде всего греки, выражали душевное в человеке. Но возможно и третье. Возможно, что в человеке видят прежде всего внешнее, рожденное от земли физическое, сотворенное физическим путем. Тогда человека обозначат словом, приблизительно обозначающим: творящий или сотворенный. Это будет находиться в слове. Если разобрать происхождение слова Гомо (Номо), то в нем мы найдем вышеописанное.

Итак, перед нами три рода воззрения на человека, совершенно своеобразно распределенные. Но именно из этого распределения вам и станет ясным, что такой человек, как Юлиан, знавший об этих вещах, мог с известным правом инстинктивно искать духовного объяснения слову Сын Человеческий. В душе его возникла мысль: «Ты посвящен в Элевсинии. Но может быть возможно заставить посвятить себя и в персидские мистерии, и в мистерии, связанные с манихейским учением. Может быть там найдешь ты возможность осуществить то непрерывное развитие, к которому ты стремишься». Это грандиозная мысль. И как основанием похода Александра Великого отнюдь не было тривиальное стремление завоевать Азию, так и основанием персидского похода Юлиана Отступника было нечто иное, а именно то, на что мы сейчас намекали, а отнюдь не завоевание Персии. Он хотел узнать, сможет ли он глубже проникнуть в свою задачу при помощи персидских мистерий.

Дело станет яснее из следующего вопроса: «Чего не понял, собственно, Августин в манихействе? Что было непонято им в манихействе?». О последних целях манихейства сейчас еще нельзя говорить, но можно указать на некоторые внешние признаки (факты). Августин был в своей юности сильно и глубоко захвачен манихейством, которое затем было сменено им на римский католицизм. Что не смог он понять в учении

манихейства? Чего не постигал он? Манихейское учение слагало не абстрактные понятия, отделяющие мыслимое от остальной действительности. Возникновение таких понятий было невозможно у манихеев, точно так же, как и у посвященных в Элевсинские мистерии. Я пытался указать на разницу между просто логическими и соответствующими действительности понятиями. *В основе манихейского учения заложен принцип создавать не просто логические, а лишь соответствующие действительности понятия и представления.* Из этого не следует, что в жизни не играют роли и недействительные представления. К сожалению, они играют большую роль в жизни, в особенности в наше время. Манихейское учение допускает создание таких представлений, которые не только остаются в мысли, но и обладают достаточной силой, чтобы влиять на природу, играя в ней роль. В манихействе совершенно было бы невозможно такое представление о Христе Иисусе, какое создается весьма часто. Во что обратился Христос Иисус во многих отношениях? В весьма неопределенное понятие о Христе, воплотившемся в Иисусе, благодаря Которому нечто совершилось в земном развитии. Ведь понятия были страшно обесцвечены, в особенности в XIX столетии. Но если спросить себя, мои милые друзья, может ли привести к чему-нибудь то, что приписывается христианской догматикой Христу и Его деяниям, то на этот вопрос нельзя ответить утвердительно, если отнестись к нему вдумчиво, серьезно, искренне и правдиво. Ибо, если христианские понятия не в силах представить себе такую Землю, которая является не могилой для человечества, а переносит его к новому измененному бытию, если этих сил хватит лишь на то, чтобы представить себе развитие Земли так, как это описывают современные естествоиспытатели, так, что Земля перестанет производить, что род человеческий угаснет, то здесь не помогут никакие представления о Христе Иисусе. Ибо, хотя Он и проявил для Земли известную деятельность, но представление о ней не настолько сильно, чтобы приподнять материю, чтобы мыслить ее в действительности, переходящей из земного состояния в будущее. Необходимы гораздо более сильные

понятия, чем слагающиеся сейчас, чтобы обхватить ими Землю и дать ей возможность перейти к новому бытию.

Я говорил вам недавно в открытой лекции, как мыслит современная наука. Она вычисляет, что если растянуть современные силы природы на миллионы лет, то в будущем наступит такое состояние — я говорил вам уже об этом докладе Королевского института, — что можно будет окрашивать стены белком, светящимся настолько, что при нем можно будет даже читать газету. Я описывал вам при этом одного такого естествоиспытателя, уверенного, что молоко будет тогда твердым и будет светить синим блеском. Подобные представления исходят, конечно, из туманных понятий о действительности, недостаточно сильных, чтобы схватить действительность. Ибо все эти вычисления естественной науки походят на то, как если бы я занимался исследованием желудка и его изменением за 4, 5 лет, а затем вычислил бы, каким будет человек через 250 лет. Распространяя это на большое количество лет, я смог бы вычислить это. Точно так же, как вычисляют естествоиспытатели, какой вид будет иметь Земля через миллионы лет, могу я вычислить, какой вид будет иметь желудок 6-7-летнего человека через 250 лет. Но все дело в том, что человек-то уже умрет к тому времени. Точно так же, как вычисляют в геологии, какова была Земля столько-то миллионов лет назад, точно так же можно взять ребенка и вычислить, как изменятся его внутренние органы через неделю, через две; можно было бы вычислить в обратном порядке, вплоть до состояния, в котором, якобы, находился ребенок 250 лет назад; только тогда его не было, конечно. Понятия не в состоянии охватить всю действительность, ***эти естественнонаучные понятия пригодны для частичной действительности, охватывающей непосредственно от 6 до 7 тысячелетий до и после нашего летоисчисления.***

Но существо человека задумано для совсем иных эпох. И в духе этого существа должно быть и Существо Христа. Поэтому-то я и сказал здесь однажды: «Существует известная разница между тем, что называлось «химической свадьбой» в средние века, и тем, что называется

«*химической свадьбой*» в духе Христиана Розенкрейца». Многие теософы говорили раньше и говорят, может быть, и сейчас, что при углублении внутрь себя находишь свое тождество с божественным существом. Людям давалась настолько яркая картина этого, что они, после выслушивания такого одночасового доклада, уходили с сознанием: «если ты постигнешь себя как следует, в своем внутреннем, то можешь уже почувствовать себя вроде бога». Но «химическая свадьба» Христиана Розенкрейцера представляет собой действующими в человеке такие силы, которые захватывают всего человека и действительно преобразуют существо его настолько, что оно может быть перенесено, когда отпадает, как шлак, материя, во времена Юпитера, Венеры, Вулкана ...

Победа над злом, *победа над материей* — вот что было заложено в манихействе. Более глубокое постижение вопроса о зле и в связи с этим вопрос о Христе Иисусе, — вот что стояло перед душой Юлиана, и это хотел он добыть из персидского посвящения и перенести в Европу. И вот в этом персидском походе он погибает от руки убийцы. Исторически доказано, что он пал от руки убийцы — приверженца императора Константина. Вы видите, насколько трагичным является в истории принцип восстановления непрерывности и как он завел Юлиана Отступника в тупик.

И тогда восторжествовал принцип Августина, отвергавший понятия, связанные каким-либо образом с манихейством, т.е. **сомышление материальных представлений с духовным мышлением**. Запад был вовлечен в процесс абстракции. И этот процесс шел с необходимостью все дальше и дальше, проникая на Запад; лишь немногие исключительные умы восставали против этого, и одним из самых видных бунтовщиков по своему духовному содержанию был Гете, тогда как Кант наименее всего восставал против такого абстракционизма.

Возьмите «Критику чистого разума», — я высказываю еретическую, но, тем не менее, правильную мысль, — прочтите все основные положения и обратите каждое положение в его противоположность. — Тогда получите вы истину. Так надо мыслить себе как раз важнейшие положения Канта в

учении о пространстве и времени. Можно спокойно превратить все положения в их противоположность, говорить «нет», где Кант говорит «да», и наоборот, и только тогда получится нечто, что может быть принято в духовном мире.

Вы можете отсюда заключить, мои милые друзья, как заинтересованы люди в том, чтобы исказить великого антипода Канта — Гете, как это и сделал человек, о котором я недавно говорил вам, исказив его в противоположность: «вовнутрь природы не проникает ни один сотворенный ум». Необходимо обратить внимание именно на эти точки зрения, и тогда можно правильно судить о сочинении Юлиана, направленного против христианства Павла.

Это сочинение весьма примечательно, и не столько своим содержанием, а тем, что оно перекликается с различными сочинениями XIX столетия. Это парадоксально, не правда ли? Но дело в том, что если взять сочинения Юлиана Отступника, направленные против христианства, то найдешь в них всевозможные доводы против христианства, против исторического Иисуса, против известной христианской догматики, — и все это изложено с сильным истинным пафосом — не с ложным, а с истинным пафосом, с сильным внутренним чувством. И если при помощи этих доводов взяться за исследование свободомыслящей теологии XIX столетия и затем перейти от него к писателю, вроде Дрекса, к писателю, отрицающему на основании этого свободомыслящего теологического исследования историческое существование Христа Иисуса, если взять и сопоставить всю эту литературу, начинающуюся в XVIII столетии, проходящую сквозь весь XIX и принадлежащую к самым прилежным, тщательным, самым основательным филологическим исследованиям, тогда станет ясно, что можно провести известные общие линии. Главная критика началась с того, что стали сопоставлять Евангелия и нашли отступления их друг от друга. Об этих вещах я уже говорил не раз и не буду повторяться. Но если взять эти главные линии и положения, то все они найдутся уже у Юлиана Отступника. XIX столетие не дало ничего нового. Все уже было дано Юлианом Отступником. И он высказал это с известной гениальностью,

тогда как в XIX столетии это говорилось с огромным прилежанием, с основательной теологической ученостью и основательной теологической софистикой.

Итак, можно сказать, что Юлиан Отступник вступил в титаническую борьбу. Он пытался, желая оживить манихейство, установить непрерывное развитие. Представьте себе, как такие лучшие умы, как Гете, повинувшись как бы инстинктивному стремлению, хотели возродить в себе древний эллинизм. Представьте себе, что сделалось бы со всеми этими людьми, если бы Юлиану Отступнику удалось его дело. Можно сказать, что та *необходимость*, которая лежит в основании факта неудачи задуманного Юлианом дела, должна быть освещена с совсем другой стороны. Но эта необходимость отнюдь не будет понята, если будут рассматривать великого Юлиана с филистерской точки зрения, не видя в нем титанического борца за проникающее в действительность человеческое понимание общей связи мира. Положение вещей в наше время таково, мои милые друзья, что особенно полезно вспомнить именно теперь подобные великие моменты исторического развития Запада. Ибо мы живем в такое время, которое не удалось бы преодолеть здоровым путем, если не понять по-новому, чего хотел ум, подобный Юлиану Отступнику. В его время еще не наступила возможность — и в этом весь трагизм его — *примирить древний принцип посвящения с самой глубокой сущностью христианства*. В наше время эта возможность наступила, и необходимо без промедления претворить ее в действительность, иначе развитие Земли придет к упадку вместе со всем человечеством. Необходимо обновление во всех областях. И прежде всего необходимо принять вновь принцип общения с духовным миром. Сначала придется составить себе ясное представление о том, что противодействует этой необходимости. В настоящее время люди боятся таких настойчивых представлений, хотя в то же время проявляют и большую храбрость. Но это не храбрость познания, этого нет в наше время. Ее не существует. В современном человечестве еще не существует истинного стремления встать лицом к лицу с действительностью. Но это именно и является глубочайшей

необходимостью в наше время. Наше время должно научиться понимать, если не желает размениваться на мелочи, принцип творческого духа, оно должно научиться понимать, что такое дух, когда он становится творческим и действует с той же силой, с какой действуют инстинкты, но только эти последние действуют во тьме, а ставший творческим дух — в свете Солнца, т.е. духовного Солнца. Вот что должно познать наше время. Но какое огромное противодействие, прямое противодействие этому наблюдается в наше же время.

Катон, римлянин Катон, немало потрудившийся над созданием твердой структуры римского государственного строя, счел необходимым ради сохранения этой твердой структуры изгнать приверженцев греческой эллинской философии. «Они только болтают, — говорил он, — и это мешает постановлениям наших властей». Макиавелли, великий флорентиец эпохи Возрождения, вполне разделяя воззрения Катона, особенно хвалил его за то, что тот изгнал из государства тех, кто осмеливался говорить о человеческих государственных установлениях с точки зрения духовного познания. Макиавелли особенно сочувствовал тому, что в известные времена в Римской империи применялась даже смертная казнь по отношению к тому, кто начинал интересоваться структурой социального строя. *Imperium Romanum* и все его потомство в Европе особенно враждебно относятся ко всякому общению с духовным миром. Поэтому-то и стараются во многих областях представить эти вещи в неясном свете или совсем умолчать о них. И когда в мир войдет представление о Мистерии Голгофы со всей радикальной неудержимостью, с какой оно и должно быть продумано, тогда многое должно растаять духовно, как снег на солнце. Это неприятно для многих. Это весьма неприятно — но это должно совершиться. И свершиться прежде всего для того, чтобы найти путь к истинному постижению Существа Христа. И об этом мы будем говорить в следующий раз, мои милые друзья, как возможно сейчас человеческой душе подойти непосредственно к этому Существованию Христа. И особенно плодотворен для этого рассмотрения, с одной стороны, тот образ, в котором открылась как

бы экзотерическая сторона Западного культурного развития, т.е. Константин, а с другой стороны — образ Юлиана Отступника, пытавшегося поднять невозможную для той эпохи борьбу с этой экзотерической стороной Западного развития. Замечательно, что если кто-нибудь в настоящее время подходит с незначительным по объему, но настоящим знанием оккультных фактов — именно тех оккультных фактов, которые сохранились еще в некоторых древних сочинениях, — если кто-нибудь подойдет с этим знанием к христианской догматике, тот откроет весьма своеобразные факты.

Обратим внимание, например, на такую вещь, как месса. Пусть подойдут к культу и догматике не с оккультным знанием, но даже только с фактами, сохранившимися благодаря этому оккультному знанию в древних писаниях, тогда выясняются многие странные факты. Приходится говорить тогда: «Да что же представляет собой эта догматика? Что такое самый культ?» Не только я, но и многие другие писатели, занимавшиеся с вышеуказанной точки зрения этими вещами, приходили к заключению, что во всей догматике и культе скрыто так много от древнего язычества, как бы оживающего в них вновь, что можно даже сделать попытку — как это сделал, например, французский писатель Драх, основательный знаток древнееврейского — и доказать, что вся догматика и весь культ католической церкви есть не что иное, как возрожденное древнее язычество. И затем некоторые писатели пытались показать, как важно было для некоторых людей скрыть все эти факты, не допустить, чтобы свет узнал, как передавалось древнее язычество в догматику и культ. Какой это все-таки странный факт, что как раз язычество могло бы бессознательным путем продолжать жить. И тут мог бы возникнуть вопрос: какую бы услугу оказало это прекращение язычества непрекращающейся Римской империи? И как обстояло бы тогда дело с Юлианом Отступником. Если действительно правы новейшие писатели, утверждающие, что католическая месса есть не что иное, как древнее языческое жертвоприношение, то значит Юлиан Отступник, стараясь не дать погибнуть некоторым языческим обычаям, все же достиг некоторых

результатов. Из сопоставления этих двух противоположностей, Юлиана и Константина, вытекает множество самых странных проблем — «рогатых проблем», как называет их Ницше. «Рогатые проблемы» весьма фатальны для современных людей, но они должны, несмотря на это, стать проблемами современности.

С рассмотрения этого вопроса мы и начнем в следующий раз.

Восьмая Лекция

РАСПЯТИЕ ХРИСТА, КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

24 апреля 1917 г., Берлин.

Мои милые друзья!

Из наших последних лекций вы можете уже заключить, как важно для настоящего, а в особенности и для будущего человечества понять, что Христос Иисус и все, что связано с ним, как Мистерия Голгофы, не должны рассматриваться лишь как внешнее историческое явление, подобно тому, как это рассматривается во внешней исторической науке, и что для истинного убежденного познания Христа и Мистерии Голгофы должны открыться иные источники, чем современные исторические рассмотрения, или даже Евангелия. Я часто упоминал, — да, в этом может убедиться всякий, знакомый с подобной литературой, — что в XIX столетии Евангелия были подвергнуты самой прилежной, усердной и тщательной критике и исследованию, и эта критика — если ее взять как чисто внешнее историческое явление — привела к отрицательному

результату, действуя на идею Мистерии Голгофы скорее разрушающе, уничтожающе, растворяюще, а отнюдь не подтверждая, обосновывая, доказывая ее. Мы знаем, что сейчас существует большая группа людей, пришедшая не из духа противоречия, а из искреннего убеждения, основанного на историческом исследовании, к следующему результату: «Приходится признать, что мы не вправе, рассуждая чисто исторически, говорить, что Христос Иисус жил в начале нашей эры. Нельзя, конечно, доказать и обратное — но это еще ничего не значит». Но где же нужно искать другие, не исторические источники для познания Мистерии Голгофы? Мы только тогда приблизимся к пониманию этого вопроса, если сделаем еще несколько оккультных предпосылок, подобно тем, какие приводились нами в нескольких последних лекциях.

Если мы проследим первые столетия развития христианства, то увидим, что понимание этого развития делается вполне доступным лишь тогда, когда мы углубим чисто историческое рассмотрение его рассмотрением чисто духовнонаучным. Выдвигая на первый план, сначала как бы гипотетически, духовнонаучное рассмотрение этой эпохи, мы получаем весьма значительную картину этого развития в первые века христианства. Обозревая это различие, можно прийти, собственно говоря, к заключению, что Мистерия Голгофы произошла не один раз, как бы индивидуально на Голгофе, но в каком-то переносном смысле переживалась в великой исторической связи еще и второй раз. При рассмотрении этой исторической эпохи выявляется много весьма примечательного.

В настоящее время существует, как известно, благодаря не прерывающейся традиции католической церкви, история, рассказывающая сначала об основании христианства, о первых отцах и учителях церкви первых веков христианства, затем об учителях и философах церкви последующих столетий, о догматических соборах и непогрешимых папах и т.д. Через все проходит как бы некая историческая нить, отмечающая как бы некий непрерывный ход истории. Очень принято подвергать критике древнейших отцов церкви, но окончательно их

отвергнуть опасаются, ибо тогда нарушится непрерывное развитие; все вместе взятое связывается с Константинопольским Собором 869 г., о котором я вам уже говорил. История представляет собой, с этой точки зрения, одно непрерывное целое. Но именно в этой, видимой, так непрерывно протекающей истории и кроется радикальный раскол. Вникая в самый дух ее, мы не можем представить себе большего противоречия, чем то, что царит между духом первых христианских отцов церкви и позднейших христианских учителей церкви и их соборными постановлениями. Мы наблюдаем здесь радикальное различие, которое так же радикально и стирается, благодаря царящим здесь особым интересам. И это делается возможным потому, что современную душу можно держать в неведении как раз относительно первых веков христианства, того, что именно тогда произошло. Так называемый «гнозис» искоренен до такой степени, что о нем не существует никакого мало-мальски сносного представления, даже у самых ученых людей. Совершенно не ясно, чего хотели такие умы, как Климент Александрийский, Ориген, его ученики и другие, даже Тертуллиан, ибо из фрагментов тех писаний, заключающих только возражения на учения этих отцов, по большей части совершенно невозможно получить достаточную картину именно этих первых христианских учителей и отцов церкви. Из имеющихся же фрагментов выводятся самые фантастические теории. — Если хочешь уяснить себе эти факты, мои милые друзья, то нужно заняться рассмотрением и причин этой неясности, т.е. всего того, что было сделано для того, чтобы в истории произошла еще раз Мистерия Голгофы.

Когда совершилась Мистерия Голгофы, то древние языческие культы, древние языческие Мистерии были еще в полном ходу. Они были еще настолько распространены, что могли выдвинуть личность, подобную Юлиану Отступнику, посвященному в Элевсинские Мистерии. Целый ряд римских цезарей тоже получил, хотя и несколько своеобразным путем, посвящение в них. Кроме того, существовало и все связанное с древними культами.

Со всеми этими фактами сейчас принято расправляться в нескольких словах, исторически совершенно неподобающим образом, т.е. просто рассказывая самым внешним образом, что произошло. Но для многих даже самого внешнего достаточно, чтобы говорить о второй Мистерии Голгофы. Не имеется ни малейшего представления о внутренних событиях. Рассматривая все это внешне, можно сказать: в первые века христианства существовало множество языческих храмов, столь прекрасных и великолепных, что сейчас об этом невозможно составить себе никакого представления. Храмы эти были наполнены статуями богов, художественно отображающими до малейших подробностей то, что жило в древних Мистериях. Не только города и отдельные местности обладали в изобилии этим художественным мистическим элементом, но и на полях, где работали крестьяне, возвышались отдельные маленькие храмы, каждый со своей статуей бога. Все сельские работы производились в живой связи с теми силами, которые представлялись нисходящими сверху благодаря магическим силам, заложенным в особом изображении этих богов. Римские цезари вместе с епископами и священниками постарались уничтожить в первые же столетия все эти храмы. Мы можем проследить вплоть до императора Юстиниана, как издавался эдикт за эдиктом, в которых предписывалось самым решительным образом совершать это разрушение. По всему миру пронесся как бы вихрь разрушения, единственный в своем роде во всем развитии человечества, единственный уже хотя бы потому, что нужно взглядеться в то, что было тогда разрушено. Вплоть до эпохи, когда св. Бенедикт собственноручно снес со своими рабочими и сравнял с землей храм Аполлона, желая основать на этом месте монастырь Бенедиктинского ордена, и вплоть до эпохи императора Юстиниана, главной задачей всех римских цезарей, присвоивших себе во времена Константина христианство, было разрушение всего, что оставалось от старых времен. Издавались, правда, эдикты, видимо приостанавливающие эти разрушения, но при чтении этих эдиктов получается весьма странное впечатление. Существует, например, эдикт одного такого цезаря, который гласит, что не следует сразу

разрушать все языческие храмы, ибо это может возбудить население; нужно проводить это медленно, не возбуждая населения, которое спокойно отнесется к этому, если совершать это постепенно. Существует стремление выставить в более благоприятном свете все мероприятия, часто ужасные, связанные с этим разрушением. Но этого не должны делать. Ибо там, где искажается истина, искажается также совершенно доступ ко Христу Иисусу. Он не может быть найден таким путем. В отношении же серьезной любви к истине, можно прийти к совершенно особым откровениям. Мои милые друзья, позвольте мне привести маленький пример, пережитый мною в раннем детстве (оттого я и привожу его), который поразил меня тогда. Такие вещи вообще не забываются. Из римской истории известно, если не затыкать себе специально уши, что Константин, о котором мы говорим, был, в общем, не совсем хороший человек. Ибо нельзя назвать хорошим того, кто несправедливо обвинил своего пасынка в преступном сожигательстве с его матерью — это был просто предлог, чтобы убить его, — он убил и этого пасынка, а также и его мать. И это — одно из самых рядовых деяний этого императора. Но так как внешняя церковь очень многим обязана ему, то церковная история стыдится дать правильную характеристику его. Я прочту одно место из моего учебника церковной истории, где говорится о Константине следующее: «Частная жизнь Константина преисполнена теми же благочестивыми помыслами (я вам уже говорил — какими). Если его и можно упрекнуть в честолюбии и подверженности гневу, то следует вспомнить, что вера еще не спасает от ошибок и что христианство не могло проявить на нем в полной мере своей освещающей силы, ибо он до самой своей смерти не принимал святого причастия».

Такие вот факты встречаются во множестве и вы можете изучить по ним ту степень любви к истине, которая весьма часто встречается в истории. Не лучше обстоит дело в отношении и новейшей истории, но здесь дело идет уже о других точках зрения, которые не так легко заметить из-за отсутствия этих иных интересов.

Когда говорят об этих эдиктах, упоминают также, что римские цезари

восставали также против кровавых жертв, жертвоприношений животных, которые приносились в этих храмах. Подобные факты должны быть просто рассказаны без всякой критики, но и без всяких прикрас. Вот что необходимо знать: то, что называется «борьбой» с жертвоприношениями животных, по внутренностям которых предсказывали затем будущее, эти жертвоприношения являлись уже упадочным видом жертвоприношений. Но это вовсе не было таким тривиальным делом, каким выставляет его современная история, но было по-своему целой, глубоко задуманной наукой. Этими жертвоприношениями животных хотели достичь того (в настоящее время трудно говорить об этих вещах, потому что это может быть найдено предосудительным, и поэтому их можно охарактеризовать только в общих чертах), чем уже нельзя было пользоваться тогда прямо, потому что время древнего атаквистического ясновидения уже миновало; известные круги языческих жрецов пытались этими жертвоприношениями животных вновь оживить силы древнего ясновидения. И лучше всего пытались особенными жертвами оживить эту древнюю силу и вернуться опять к первым временам в Мистериях Митры, и именно наидуховнейшим для тогдашнего времени образом. В египетских храмах жертвоприношение стало более кровавым, грубым. Изучая Мистерии Митры действительно оккультным путем, мы найдем, что в них при помощи различных жертвоприношений, представлявших тогда нечто большее, чем то, что называется теперь жертвоприношением, проникали в тайны природы, и проникновение это было гораздо глубже, чем современное анатомирование или вскрытие трупов, совершенно не вводящее нас в тайны природы, а ведущее лишь к поверхностному рассмотрению их. Целью этих жертвоприношений было проникновение в тайны действующих во вселенной сил. Тот, кто приносил правильно эти жертвы, тот делался ясновидящим и прозревал известные силы, существующие в тайнах природы. И с этим связана та тайна, которой облакалась самая сущность Мистерий, ибо доступ к известным вещам был возможен лишь после достаточного приготовления.

Изучение Мистерии Митры приводит к заключению, что все эти

Мистерии ведут свое начало от третьего послееатлантического периода и, следовательно, в то время, о котором мы говорим, о котором нам известно, эти Мистерии были в упадке, ибо расцвет их падает на третий послееатлантический период. В этот период своего расцвета они вводили таинственным и опасным путем в глубины тайн природы, пользуясь для этого различными действиями. Жрецы в присутствии учеников совершали известные действия, заключающиеся в разложении известных связей в природе и приводившие тем самым к познанию общей связи процессов природы. Наблюдая, например, взаимодействие находящейся в организмах воды и огня, присутствовавший при жертвоприношении получал особое побуждение, ему открывался особый путь, ведущий к проникающему до самой глубины человека самопознанию и миропознанию. Эти жертвоприношения являлись как бы путем для них. Человек, присутствуя при этих жертвоприношениях, переживал самого себя, но иначе, чем во внешней жизни. Но переживание это было рассчитано в высшей степени на человеческую слабость. Ибо самопознание есть нечто весьма трудное, и эти жертвоприношения являлись как бы облегчением самопознания. Благодаря этим жертвоприношениям человек доходил до известного внутреннего самоощущения, самопереживания, и гораздо более интенсивно, чем при помощи процесса мысли или представлений. Это было как бы стремление к облечению самопознания в плоть, в телесность, подобного рода самопознание можно наблюдать у великих художников древности, которые могли давать формы, благодаря сопереживанию движений и форм природы с собственным организмом. Ибо, чем дальше во времени углубляешься в искусство и творчество, тем скорее приближаешься к той эпохе, когда творчество при помощи модели было вообще чем-то непонятным. Иметь перед собой модель и копировать ее было совершенно непостижимо. В людях обитало нечто живое, что жило и что они воплощали. Эти вещи в настоящее время до того забыты, что о них едва можно говорить, ибо слова являются какими-то тенями этих мыслимых вполне реально и действительно вещей. Изумительно, как изменилось

время!

Истинным продолжением этих Мистерий, которые в виде Мистерий Митры были распространены во время Мистерии Голгофы по всему свету, являются греческие Элевсинские Мистерии. Они были их продолжением и в то же время чем-то совсем иным. *В то время как главной целью Мистерий Митры являлось самопереживание в телесности, Элевсинские Мистерии стремились к самопереживанию не внутри, а вне себя.* В Элевсиниях прибегали к совсем иным действиям, чем в Мистериях Митры. В этих последних человек как бы «начинался» самим собой. В Элевсиниях человек душевно извлекался из себя и переживал вне тела таинственные импульсы творчества природы и духа вокруг него. И когда углубляешься в то, что давалось человеку, как в Мистериях Митры, находившихся тогда в упадке, так и в Элевсиниях, достигших тогда, в особенности в IV веке до Р.Х., своей полной высоты, когда поставишь себе вопрос, что давалось в Мистериях человеку, то придется ответить: он получал ответ на великое требование дельфийского оракула — *познай самого себя.* Самопознание являлось главной целью, два различных вида самопознания, самопознание путем углубления в самого себя, так что в человеке сгущалось эфирно-астральное, он внутренне сталкивался с самим собой, и благодаря этому внутреннему столкновению душевного и телесного, познавал нечто, что воспринимаешь ты тогда, когда ты внутренне теснишь и толкаешь себя. Это давалось Мистериями Митры. Элевсинские Мистерии давали самопознание человеку тем, что душа, путем различных, не подлежащих здесь описанию действий, выводилась из тела и человек вне тела приходил в соприкосновение с таинственной силой солнечного влияния, солнечного импульса на Земле, с силами лунного импульса на Земле, с силами звездных импульсов отдельных элементарных сил, силами теплоты, воздуха, огня и т.д. Как волны проходили по душевному человека, извлеченному из тела, внешние элементы, внешнее бытие, и в этом столкновении с внешним достигалось самопознание. Но люди, знавшие истинный смысл существа Мистерий, также знали, что можно достичь

полного душевного переживания, но невозможно связать нечто реальное с понятием «Я», если оно не исходит из Мистерий. «Я» оставалось для этого времени чем-то абстрактным, если оно не шло из Мистерий. Можно было пережить другое духовно-душевное, но «Я» должно было быть пробуждено только этим путем, оно нуждалось в этом пробуждении. И люди знали это. И это было самое существенное.

Затем возник, как вы знаете, как бы род комбинации христианского развития с Римской империей. Я уже описывал, как это случилось. Вследствие этой комбинации возникло желание стереть все прошлое, о котором я только что говорил, не допустить до потомков истинной картины этого прошлого, не открывать им то, что совершалось людьми вплоть до христианской эры, чтобы путем высвобождения тела или погружения в него войти в сношение с теми божественными силами, которые даруют человеку сознание «Я». Теперь же, обращаясь к более глубокому изучению христианства, рассмотрим не только постепенное развитие догматов, но прежде всего — культов. И с известной точки зрения гораздо важнее развитие культов, нежели догмата. Ибо догматы влекли за собой постоянные споры, являясь подобными птице Феникс. Они тоже восстают из собственного пепла. Как бы ни искореняли догматы, всегда может появиться какой-нибудь упрямец, защищающий опять то же воззрение. Культы же гораздо вернее подвергаются искоренению. И вот необходимо было искоренить древние культы, бывшие истинными древними письменами, символами того, что происходило в Мистериях. Нужно было сделать невозможным приближение к божественно-духовным силам, дававшимся в этих культах.

Чтобы понять все это, необходимо обратиться к рассмотрению христианских культов и прежде всего центрального их пункта, литургии католического дароприношения. Что представляет собой эта месса во всем своем невероятно глубоком смысле? Что это такое — литургия даров? Со всем, что связано с ней, она является непрерывным продолжением Мистерий Митры, смешанной до известной степени с Элевсинскими Мистериями. Причастие есть не что иное, как продолжение древних

культов в их развитии.

Это, конечно, не то, что было — кровавый характер, воспринятый постепенно Мистериями Митры, тут он уже действительно был смягчен. Но бесконечное сходство основного духа может измерить только тот, кто умеет правильным образом оценить все подробности. Очень важно для понимания дела то, что священник, а также и всякий причащающийся, принимает тело Христово, пробыв определенное время без еды, т.е. *натошак*. Это гораздо важнее многого, о чем так спорили, в особенности в средние века. И если какой-нибудь священник, как это порою встречается, нарушает это постановление и приступает к пресуществлению и причастию не натошак, то оно теряет свой смысл, свое значение, свое действие. Воздействие это утрачивается и потому, что участники таинства не получают правильного внушения. Ибо воздействие получается только тогда, когда дается соответственное внушение, что переживается непосредственно после принятия бескровного тела Христово. Но вы сами знаете, как мало вдаются в настоящее время в подобные тонкости, как мало обращают внимания на то, что при таинстве должно действительно наступить известное переживание, представляющее известное внутреннее восприятие, как бы род современного обновления того, что давалось, как побуждение, в Мистериях Митры. В Мистериях Митры за культом давалось как бы побуждение. За культом действительно скрываются мистериальные факты. В акте посвящения в духовный сан церковь хотела бы дать как бы продолжение древнего принципа посвящения, но она во многих отношениях позабыла, что принцип посвящения состоял в том, чтобы поучать, как должны даваться известные вещи. Идеалом Юлиана Отступника было добиться понимания того, в чем состояла связь Элевсиний, в которые он был посвящен, с Мистериями третьего послеатлантического периода. Ибо, что мог он узнать в Элевсиниях? Этому не научит современная история. Но если бы вы взялись за изучение того, что Климент Александрийский, ученик его Ориген, даже Тертуллиан и Ириней — не говоря уже о более древних отцах церкви, — все исходили

по большей части из принципа языческого посвящения и затем уже перешли к христианству, если вы займетесь изучением этих умов, то вы найдете, что в них живет совершенно особенный род внутреннего движения понятий и представлений, в них жил совершенно иной дух, чем позднее в церкви. Мы сами должны приблизиться к тому духу, который жил в них, чтобы приблизиться к Мистерии Голгофы.

Люди слишком много спят, просыпая великие культурные явления. Мы представляем себе мир, точно переживаемым во сне. Мы видим это и в наше время. Я часто говорил вам о Германе Гримме и должен сознаться, что сейчас говорю о нем по-другому, чем четыре, пять лет тому назад. Благодаря тому, что мы пережили за эти три года войны, события, пережитые нами непосредственно перед войной или за десятилетие перед ней, кажутся отодвинутыми в сказочно далекие времена, точно за столетия. Получается ощущение, точно время удлинилось, так чужды стали некоторые вещи. Так просыпают люди, в конце концов, самое важное в мире.

Если попытаться в настоящее время обыкновенными средствами рассудка понять древних писателей — университетские ученые понимают, конечно, все, что дошло до нас, — но если попытаться, не будучи таким просвещенным умом, понять их, то придешь к следующему заключению: нельзя постигнуть обыкновенным рассудком, не применяя оккультных приемов, древних греческих философов — Фалеса, Гераклита, Анаксагора, — не так уж далеко стоящих от нас. Они говорят, даже если читаешь их по-гречески, совсем иным языком. Их язык понятий совсем иной, чем тот, которым говорим мы при помощи обычного человеческого рассудка. Это касается, например, и Платона. Я часто уже упоминал, что Геббель чувствовал это. Он даже думал, как это явствует из набросков в его дневнике, вывести вновь воплотившегося Платона в виде гимназиста, который должен читать со своим гимназическим учителем Платона и никак не может угодить своему умному учителю. Геббель собирался развить эту тему дальше, ему это не удалось, но в дневнике так и осталось занесенным, что было бы, если бы вновь воплотившемуся Платону

пришлось, как гимназисту, читать Платона и не понимать его. Ибо Геббель чувствовал, что Платона не так-то легко понять. Понимание, истинное понимание при точном рассмотрении понятий начинается для человеческого мышления только с Аристотелем, не раньше, т.е. в пятом столетии до Р.Х. То, что было раньше, нельзя понять обыкновенным человеческим рассудком. Аристотеля люди пытались понимать, ибо, с одной стороны, он легко понятен, с другой же — люди в настоящее время в отношении образования известных понятий нисколько не ушли дальше Аристотеля. До того времени были другие понятия. Желание мыслить в духе другого столетия означает для человека, живущего в конкретном времени, приблизительно то же самое, как если бы он захотел, достигнув 56 лет, перенестись опять к тому времени, когда ему было 26 лет, чтобы пережить то, что переживают в 26 лет. Для каждой эпохи пригоден лишь известный род мышления; то, что является характерной особенностью мышления, это переживается мышлением во все времена. Интересно, как Аристотель является властителем дум в средние века, затем выплывает у часто упоминаемого мною Франца Brentano, как раз в недавнее время. В 1911 г. Франц Brentano написал прекрасную, чудную книгу об Аристотеле, в которой он переработал те представления и понятия, которые должны стать наиболее близкими нашей эпохе.

В силу странной кармы эпохи, Франц Brentano написал именно теперь обширную книгу об Аристотеле, которую должен прочесть каждый, кому важно соприкоснуться с известным родом мышления. Эта книга к тому же весьма легко читается.

Но Аристотеля постигла печальная судьба — хотя не совсем непосредственно — благодаря церкви, не христианству; его исказили, не дав самого важного из его учения, так что все его учение — искаженное учение — должно быть оккультно дополнено, и важнейшие вещи из него касаются как раз человеческой души.

И здесь мы подходим в связи с Аристотелем к тому, что должно быть сказано современному человеку в ответ на его вопрос: «Как мне самому найти через внутреннее душевное переживание, верным способом

направляя на эту загадку медитативную жизнь, описанную в книгах «Как достичь познания высших миров» и т.д., как найти мне верную дорогу к открытию во мне самом источников Мистерии Голгофы?» Ибо Аристотель пытается, исходя из себя, возбудить в себе то внутреннее переживание, которое должен испытать каждый, перед кем предстанет этот вопрос. Но как только Аристотель доходит до этого места, где он мог бы описать свой путь медитации, тут, как говорит его комментатор, он становится скуп на слова. Но скупость эта зависит не от того, что Аристотель не описывал этого, а от того, что потомство их не переписало и не передало последующим поколениям. Аристотель шел своеобразным, внутренним, мистическим, как могли бы сказать, путем.

Аристотель хотел найти в душе то, что дает ей внутреннюю уверенность в том, что она бессмертна. Человек, проделывающий часто и искренне некоторое время внутреннюю медитативную работу, выполняющий упражнения, непременно придет к внутреннему переживанию силы бессмертия, открывая в себе внутреннее бессмертие. Ибо Аристотелю была совершенно ясна возможность следующего внутреннего переживания: внутри себя я переживаю нечто, что не зависит от тела, что ничего общего не имеет со смертью тела. Это было совершенно ясно для Аристотеля. Затем он пытался пережить интенсивно то, что ощущается при переживании, как не принадлежащее телу. И он совершенно явственно переживает (это место в изложении весьма искажено и сокращено), переживает то, на что я уже указывал, то, что необходимо пережить, чтобы достичь понимания Мистерии Голгофы, — **переживание внутреннего одиночества**. При мистическом переживании нельзя избежать этого, нужно пережить всю боль одиночества. И когда при этом переживании встает перед человеком вопрос, что же ты покинул ради этого одиночества, то ответ гласит: лучшей частью твоего существа ты покинул отца, мать, братьев и сестер и весь остальной мир со всеми его установлениями, покинул душою, лучшей частью твоего существа. Аристотель знал это. Человек может иметь это внутреннее переживание, он может к нему прийти. Из этого чувства

одиночества явствует, что внутри человека есть нечто, выходящее за пределы смерти и имеющее связь только с собственным «Я», не сообщающимся с внешним миром.

Себя самого можно пережить, — но органы тела нужны для переживания внешнего мира. Отсюда наступающее одиночество. Затем Аристотель говорит то, что повторял бы за ним всякий: я пережил душу, то, что не разрушается смертью. Но в то же время исчезло все, что связует меня с внешним миром. Я только во мне самом. Понятие бессмертия должно привести меня к переживанию себя самого после смерти в абсолютном одиночестве, имея перед собой на протяжении всей вечности выявленное мною в жизни доброе или злое, на которое я вечно буду взирать. Это достигаешь ты собственной своей силой. Но если ты хочешь познать нечто иное о духовном мире, то ты не можешь уже опираться на собственные силы, ты должен принять посвящение, или вникать в то, что говорят посвященные.

Вот что стояло у Аристотеля, но не дошло до нас. И Аристотель, прозревав это, сделался как бы пророком того, что было возможно в его время, и что совершенно изменилось сейчас. Для этого не нужно даже бросать взгляда на историю, а лишь пережить это в себе. Оглянемся назад, на это абсолютное одиночество, являющееся совершенно иным мистическим переживанием, чем то, что описывается обычно как таковое. Оно часто описывается каким-то самоуслаждающимся образом, как переживание Бога внутри себя. Но подобное мистическое переживание является неполным, мои милые друзья. *Полное мистическое переживание состоит в переживании Бога в абсолютном одиночестве, в полнейшем одиночестве. Себя переживают наедине с Богом.* И вся суть в том, чтобы обладать необходимой силой и выдержкой, чтобы продолжать жить в этом одиночестве, ибо оно является силой, мощной силой. И если это одиночество не придавливает тебя, а переживается внутри, как сила, тогда присоединяется к этому другое переживание (эти вещи могут быть описаны, но каждый должен пережить это сам), наступает непосредственная внутренняя уверенность: *одиночество, переживаемое*

тобой, вызвано самим тобой. Оно не родилось с тобой. Ты родился из Бога, переживаемого тобой, но это одиночество не рождено с тобой, оно исходит из тебя. Ты виновник этого одиночества. Это второе переживание. *И переживание это ведет к сознанию своей **совиновности в убиении того, что исходит из Бога.*** И при длительном воздействии душевного одиночества становится ясным: что-то произошло во времени, не всегда было так, иначе не было бы развития; было время, когда этого чувства не было, что божественное убито человеческим. И тут начинаешь себя чувствовать совинным в убиении Бога. Если бы у меня было время, я бы объяснил далее выражение: «убиение Сына Господня». Мистическое переживается не единично, туманно, расплывчато, оно развивается по ступеням. Можно пережить смерть Христа. И затем этому переживанию стоит только стать мощной силой, и тогда является Христос Воскресший. Ибо Воскресший, прошедший через смерть, переживается сначала внутренне мистически. Доказательство смерти переживается описанным путем.

Таковы три ступени этого мистического переживания. Но этого может оказаться недостаточно, чтобы найти путь к исторической Мистерии Голгофы. Нужно, чтобы к этому присоединилось еще нечто, что в настоящее время совсем погребено, скрыто. Единственный, который ярко осветил это в своем сочинении: «О пользе и вреде истории для жизни», — был Фр. Ницше. Ибо ничто так не искореняет вовне Христова Импульса, как то, что называется историей. Поэтому никто и не отрицал так горячо Мистерию Голгофы, как правдивая история XIX столетия. В настоящее время сочтут глупцом того, кто будет говорить против истории, да и не следует ничего говорить против всей той тщательности и филологической учености, из которой слагается история. Но как бы там она ни была учена и правдива — человек умирает, благодаря ей, душевно. Самые важные вещи проходят неузнанными в жизни людей и человечества.

И так как эти вещи связаны как раз с личным, то в этой области и можно именно говорить о личном. С 18-19 лет я непрерывно занимался Гете, но никогда не поддавался искушению написать что-нибудь о Гете

строго исторически в филологическом смысле, и все это просто потому, что во мне с самого начала была жива мысль: самое существенное, ведь состоит в том, что Гете жив. Я не беру физического Гете, родившегося в 1749 г. и умершего в 1832 г. Самое важное то, что Гете, умирая в 1832 г., продолжает жить не только как индивидуальность, но и как нечто, что вокруг нас в воздухе, но духовно — не в том, что люди о нем говорят, умного там именно и не услышишь, — но в том, что духовно вокруг нас. *А вокруг нас есть то духовное, которого еще не было вокруг людей древности. Эфирное тело отделяется от души как род второго трупа, но благодаря импульсу Христа, оставшемуся со времен Голгофы, тело это не совсем растворяется, а сохраняется до известной степени.* И если в тебе есть вера — употребляю это слово так, как я определял его в начале этих лекций, — если есть вера, что «Гете **воскрес в эфирном теле**», то в изучающем его оживают все понятия и представления, и тогда он рисуется таким, каким был, а именно каким является сейчас. И тогда является возможным перенести понятие воскресения в жизнь. Тогда начинают верить в воскресение. Тогда можешь сказать, что веришь не в мертвые представления, а в живое влияние представления. Ибо это связано с одной глубокой тайной нового времени. Как бы мы ни думали — это не касается нашего чувства и воли, только нашего мышления и представления, — как бы мы ни думали: пока мы находимся в нашем физическом теле, существует препятствие для правильного изживания наших представлений. *Как ни велик Гете, представления его еще более велики, чем он сам. И что они не сделали его более великими, чем он был, в этом виновато его физическое тело.* С того момента, когда от его физического тела смогли отделиться его представления, продолжающие жить в его эфирном теле — не чувства и воля — они и могут быть с любовью восприняты кем-нибудь и развиты мысленно дальше, и тогда они становятся чем-то иным, как бы оживают вновь.

Верьте мне, мои милые друзья, что первый образ, в котором возникают представления, не дает еще последнего образа их. Верьте в воскресенье представления. И пусть эта вера позволит вам находить связь не только с

предками по крови, но и с духовно-душевыми предками, пусть это будет даже не Гете, а первый попавшийся Миллер или Шульц. Исполните слова Христа: «находить связь не только с телами по крови, но и с душами по духу». И этим вы пробудите непосредственно к деятельности в жизни мысль о воскресении. Тогда вы будете верить в жизнь, в воскресение. Ибо дело не в том, чтобы повторять: «Господи, Господи», — а в том, чтобы усвоить христианство в его живом духе, опираясь на это важнейшее понятие воскресения, как на нечто живое. И тот, кто в самом деле душевно приближается к прошлому, тот в самом себе переживает продолжающуюся жизнь прошлого. И тогда это только вопрос времени, когда наступит момент появления в вас Христа, когда Христос в вас. Все зависит от того, что вы свяжете себя с Воскресшим и Воскресением и говорите себе: вокруг нас существует духовный мир, и Воскресение возымело свое действие. Люди скажут: но ведь это гипотеза. Хорошо, пусть это будет гипотезой. Но если вы хоть раз переживете следующее: я связал себя с какой-то мыслью человека, который уже прошел через смерть, чье физическое тело предано уже земле, и его мысль живет во мне дальше — то наступит момент, когда я скажу себе: мысль, живущая во мне, ожившая недавно во мне, ожила только благодаря Христу и никогда не могла бы так ожить до появления Христа на Земле. «Существует, значит, путь к Мистерии Голгофы, который может быть пройден духовно. Но тогда необходимо проститься с так называемой «объективной историей», являющейся совершенно субъективной благодаря тому, что она соприкасается только с внешней поверхностью, гася при этом дух ... Существует множество биографий Гете, которые стараются как можно вернее представить его жизнь. И каждый раз, когда это совершают, убивают нечто в себе. Ибо мысль, которой обладал Гете, прошла через смерть и живет иной раз дальше. Так воспринять в духе христианство — вот что является главным».

Короче говоря, возможно пережить мистически — в истинном смысле этого слова — Мистерию Голгофы: только нельзя останавливаться на абстракциях, а надо испытать все эти внутренние, только что описанные

переживания. И тот, кто спрашивает, как мне подойти к Христу, тот должен точно уяснить себе, что он должен подойти к Воскресшему и, пройдя с терпением и выдержкой только что описанный путь, сможет в нужный момент приблизиться к Христу, быть уверенным во встрече с ним. Но только нужно следить за тем, чтобы не просмотреть при этой встрече важнейшего.

Я упоминал, что Аристотель был, в известном смысле, пророком. И от этого пророчества воспринял и Юлиан Отступник. Но он не мог постичь этого из тогдашних Элевсиний. Он пытался искать в Мистериях Митры — отсюда поход в Персию. Он хотел постичь непрерывность развития, постичь всю связь. Но этого не могли допустить, и тогда последовало убийство Юлиана Отступника.

Но и первые учителя церкви старались постичь Христа — тоже в духе Элевсинских Мистерий. Называйте их гностиками или не гностиками — те, которые были, собственно, гностиками, не признаются церковью, но Клементя Александрийского можно с успехом назвать гностиком, — все они по-другому подходили к Христу, потому что пытались подойти к нему через Элевсинии: они подходили к нему, рассматривая его прежде всего как космическое явление. Одним из вечных вопросов является вопрос: как действует Логос в чисто духовном мире? Что являлось характерным в той сущности, с которой встречались люди в раю? Как она была связана с Логосом? Вот какие вопросы занимали этих людей. И ответы на них скрывались в чисто духовных представлениях. И становится ясным, если бросить взгляд на Элевсинии и Мистерии Митры, так тщательно искаженные впоследствии, что в первые столетия христианской эры в этих Мистериях являлся сам Воскресший, чтобы влить в них новое содержание. Поэтому можно было бы сказать, в каком-то более глубоком смысле, что *Юлиан Отступник был, может быть, лучшим христианином, чем Константин*. Этот последний не был, во-первых, посвящен и воспринимал христианство в его внешней форме. Но Юлиан Отступник предчувствовал, что Христа можно найти в Мистериях, и он тогда дарует человеку «Я», которое еще не могло быть дано человеку во

времена Аристотеля. Это связано более глубоко с той исторической необходимостью, вследствие которой Мистерии, вместо того, чтобы искать через них путь к Христу, подверглись полному искоренению. Нужно вернуться вновь к эллинизму (*Griechentum*), но вернуться, не опираясь на первоисточники: эллинизм должен восстать, но, конечно, не в таком виде, в каком он был, не то это будет обезьянство, подобное тем олимпийским играм, которым теперь принято подражать.

Я говорю не об этом. Изнутри должен вновь восстать эллинизм, и он восстает, и люди найдут путь к Мистерии, но только это будет очень внутренний путь. Тогда найдут они Христа соответственным образом.

Но таким же образом, как произошла первая Мистерия Голгофы в Палестине, так произошла вторая, благодаря направлению, указанному Константином. *Вследствие искоренения Мистерий, Христос, как историческое явление, был распят во второй раз, был убит.* Ибо ужасное разрушение, происходившее в течение столетий, являлось не только разрушением великих художественных и мистических деяний, но и разрушением важнейших человеческих переживаний. Но только тогда уже не понимали — что разрушалось вместе с внешним разрушением, ибо было уже утрачено более глубокое понятие этого. Когда были разрушены храм Сераписа, храм Зевса с их великолепными статуями, то люди говорили: да, если уж разрушается это, то разрушители правы, ибо по древним преданиям, при разрушении храма Сераписа должны будут низвергнуться небеса и хаос водворится на Земле. Но этого не случилось, несмотря на то, что римские христиане сравнивали храм Сераписа с землей. Внешние физические звезды, конечно, не упали на Землю, не воцарился хаос, но в человеческом переживании исчезло то, что познавали раньше благодаря солнечной инициации. Вся необъятная мудрость, которая превышала физический небесный свод, по воззрению древних, пала вместе с храмом Сераписа. Пала та древняя мудрость, отзвук которой ощущал Юлиан Отступник в Элевсиниях, где ему открывалось духовное Солнце, духовная Луна, посылавшая ему свои импульсы. В хаос превратилось то, что переживали древние в Мистериях Митры и

египетских Мистериях, внутренне переживали, при помощи жертвоприношений, тайны Луны и Земли, отражающиеся в самом человеке, когда он внутренне приходит, благодаря своему душевному, к познанию самого себя. Небеса обрушились, и Земля стала Хаосом в духовном смысле.

Ибо то, что исчезло в эти столетия, можно сравнить с тем, что исчезло бы, если бы мы лишились наших органов чувств и не знали бы, где находится Земля и Небо — вверху ли, внизу ли? Древний мир исчез не только в том тривиальном смысле, как это всегда представляют, а в гораздо более глубоком смысле. И мы должны верить в Воскресение, если не хотим верить, что то, что исчезло, исчезло совершенно. **Мы должны верить в Воскресение!** Но для этого необходимо, чтобы люди восприняли сильные, мужественные понятия, и прежде всего необходимо, чтобы люди обратили внимание на необходимость того Импульса, на который так часто указывалось здесь.

Ибо, мои милые друзья, люди должны почувствовать, что хотя, благодаря известной мировой кармической необходимости, столетия, с известной точки зрения, прожиты даром — конечно, только с известной точки зрения является это необходимостью — прожить впустую, — но все это для того, чтобы мог быть найден из сильного внутреннего свободного побуждения Импульс Христа. Но люди должны освободиться от того самодовольства, в котором они погрязли сейчас.

Это самодовольство бывает иногда очень странным. Один бенедиктинский патер, Кнауэр, читал в 80-ых годах в Вене ряд лекций — я бы хотел привести вам одно место из них. В этой лекции говорилось о стойках. Важнейшие представители стойков были: Зенон (342-270), Клеандр, живший за 200 лет до Р.Х., и Хризипп (282-209). Все это происходило за столетия перед Мистерией Голгофы.

Что же может сказать о стойках тот, кто их знает? «К похвале стоической школе следует еще прибавить, что они стремились к объединению всего человеческого рода в один общий союз народов, который положил бы конец всякой расовой ненависти и войне. Этим

союзом стоическая школа возвышалась не только над человеческим предрассудком своей эпохи, но и над отдаленнейшими поколениями будущих времен».

«Союз народов». Я должен был напомнить об этой лекции, ибо сейчас, слушая, как говорят Вильсон и другие государственные мужи о союзе народов, можно было бы подумать, что до нас опять донесся голос из третьего столетия до Р.Х. Но это ошибочное мнение. У древних стоиков все это сказано гораздо лучше, ибо за ними стояла сила древних Мистерий. Они говорили о внутренней, исчезнувшей ныне силе, от которой осталась сейчас лишь внешняя оболочка, образовавшаяся постепенно. И только лишь не совсем обычные (в тривиальном смысле) историки обладают своеобразностью рассматривать исторические явления по-иному.

Кнауэр продолжает затем (я отнюдь не беру сказанные мною об Иммануиле Канте слова обратно, но все же нахожу примечательным все, что говорил такой хороший философ, как Кнауэр, о стойках): «Среди новых философов этой мыслью — мыслью о создании союза народов — вновь занялся Кант, объявив ее весьма исполнимой в своем слишком мало замеченном сочинении: «О вечном мире. Философский очерк».

Основная мысль Канта правильна и практична. Он доказывает, что вечный мир должен наступить тогда, когда сильнейшие государства мира будут иметь истинный представительный строй (сейчас это называется новой ориентировкой. У Канта уже мысль эта является в ослабленном, против древних, виде, а в настоящее время она и совсем ослабла). «В таком государстве решения о войне и мире будут принадлежать имущим и образованным, наиболее страдающим от войны». Но Кант не считает наши, построенные по английскому образцу, конституции за настоящий представительный образ правления. В нем царят только партийные страсти и группировки, которым помогает основанный лишь на статистике экономических начал выборный порядок. Главный пункт этих пояснений следующий: народное право вытекает из федерации свободных государств.

Чьи это слова? Канта или тех, кто говорит нам о новой ориентировке?

Кант выражает эту мысль сильнее, более мощно обосновывает ее. Я уже не буду читать то, что следует у него дальше, не то возникнет еще неприятный конфликт с цензурой по поводу доброго старого Канта.

Я часто уже упоминал об американском писателе Бруксе Адамсе — мыслителе, стоящем совсем одиноко. Он занимался исследованием процесса человеческого развития и пришел к этому тоже благодаря тому, о чем говорил и я. Он решил исследовать, какое значение имеет восстановление известными народностями устаревших принципов человеческого развития, как это, например, случилось с Империиум Романум германских народов. Оглядываясь вокруг, Брукс Адамс находит много сходства с Империиум Романум, но не видит нигде людей, способных оживить вновь этот принцип. Американцев он считает (и с полным правом) не способными на это, ибо этот оживляющий принцип не может прийти извне, а только изнутри, только посредством оживления духа. От души должно исходить это оживление, не от тела. И наступит оно тогда, когда будет постигнут во всей своей живой силе импульс Христа.

Все те глупые речи, которых так много произносится сейчас, относятся к прошлому, а не настоящему и будущему.

Как любят повторять пословицу: «Сова Миневры летает только ночью». Это было верно для прошлых времен, тогда можно было сказать: «Когда народы становятся старыми, они основывают философские школы, оглядываясь как бы назад на то, что создавали их инстинкты».

В будущем это будет по-другому: Инстинкт этот не вернется назад, но самый дух должен стать инстинктом и из самого духа должна явиться возможность творчества.

Это значительные слова, мои милые друзья. Подумайте об этих словах:

Из самого духа должна явиться возможность творчества.

Сила духа должна стать инстинктивной.

Вся суть в идее Воскресения.

То, что было распято, должно Воскреснуть.

И это совершит не история, а те действенные духовные силы,

Которые мы должны оживить в себе.

Вот что хотел я сказать именно в настоящий момент в связи с
МИСТЕРИЕЙ ГОЛГОФЫ!

Конец.